

Ирина Дудина

Путешествия Дудирь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Дудина

Путешествия Дудиры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016906

SelfPub; 2020

Аннотация

Очерки русской и зарубежной жизни. Наблюдения из поездок по Европе и России. Данная книга будет полезна читателю, который хочет расширить кругозор, посмеяться с забавных историй и смешных приключений. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Закарпатье (июль 2003)	7
Хлопцы закусывают золотом	7
Разруха на поездах	7
Львов вызывали	8
Ручьи и змеи	16
Порхов	47
Пасха в Вене	76

Предисловие

Куда только меня не заносили моя любознательность, работа корреспондентом в журнале «На Невском» и выставочная деятельность в качестве художника. Из каждой поездки я возвращалась с дневниковыми записями в блокноте, потом уже – с заметками, вбитыми в походный ноутбук. В путешествиях меня более всего интересовали люди. Более всего я стремилась пожить в гостях, порасспрашивать о повседневном устройстве жизни, бытовых мелочах, семейных историях. Ну, и, конечно, оббегать все достопримечательности, чтобы всей душой погрузиться в обаяние местного колорита.

У меня есть ощущение, что в наши высокотехнологичные времена интернета, скайпов, вайцапов, сотен каналов телевидения люди разных стран знают друг о друге почти так же мало, как в древние времена. На уровне, что где-то, как сказала Олимпиада Филипповна, ходят люди с пёсьими головами и занимаются канныбализмом. Ну, ёжиков едят. А в других странах молочные реки с кисельными берегами, и яблоки сами в рот падают. Даже в собственной стране мы часто имеем смутные и искажённые представления о том, как живут люди в разных регионах нашей большой страны. Похоже, что развитие технологий страшно отстаёт от гуманитарного развития человечества. СМИ служат не делу знакомства лю-

дей и их общения с целью любви и уважения друг к другу, но делу лжи, разъединения и ненависти на почве нужных кому-то манипуляций с человечеством как стадом для стрижки денег.

Увы, туризм часто не даёт человеку никаких знаний о людях других стран, но только служит для комфортного отдыха и разнообразия колоритных картинок и пищевых радостей. Поэтому, если хотите узнать другую страну, всматривайтесь, знакомьтесь, втягивайте в беседу, расспрашивайте. И мир откроется без мифологических туманов.

Ещё раньше была для познания реальной жизни народа такая вещь, как статистика. Российская империя отправляла в свои закоулки специалистов (от имени такого построены многие очерки русской жизни Мамина-Сибиряка). Они изучали церковные книги записей, заводские журналы о несчастных случаях и т.п. Но и этот источник не давал объективной картины. Нерадивый дьячок записывал причины смерти раз в год, что-то припоминая, и выходило, что младенец шести месяцев от роду умер от запоя. А уж на что жили люди – попробуй, выясни... Только писатели-реалисты и авторы дневников и писем оставляют нам правдивую картину мира о жизни своих современников.

И видишь, что при всех временах и режимах люди одинаковы. Они несчастливы, если одиноки, завистливы и запутаны, не видя смысла и цели. И счастливы, если есть любовь, семья, дети, любимое дело и творчество. А количество денег

и удобств мало влияют на то, что не купить ни за какие доллары.

Свои путевые заметки я выстроила хронологически. Читая, можно вернуться, как на машине времени, назад, порадоваться или огорчиться изменениям, изумиться тому, куда шагает человечество. Надеюсь, читатель узнает что-то, чего не знал и о чём не задумывался.

Закарпатье (июль 2003)

Хлопцы закусывают золотом

Разруха на поездах

Поезда из Петербурга до Закарпатья- «Жемчужины Украины»– нет. При СССР был прямой поезд Ленинград- Ужгород. Теперь его нет. Сегодня можно доехать сначала до Львова, оттуда – на поезде или автобусе до любого приглянувшегося местечка в Закарпатье.

Поезд до Львова недорогой, но некомфортный. В плацкарте половина окон забита намертво, бельё стоит дорого. Но кипяток, чай, кофе есть, есть вагон-ресторан с по-украински дешёвой кухней, проводники мокрым веником выметают пыль и перья, нападавшие на пол из истерзанных вагонных подушек. Ехать до Львова около 30 часов, и половину этих часов пассажиры изнывают от духоты. Среди пассажиров – кроме людей, едущих к родичам, – много торговых тётток, которые придумали что-то челночить из страны в страну. Нас поразил один гуцул. После длительного потребления горилки и попыток вытянуть ноги на боковой верхней полке, он просто скинул матрас на пол и лёг посреди про-

хода, где тут же заснул с мерзким храпом. Чтобы пройти в туалет, нужно было перелезть через этого голого страшного дядьку, валяющегося в проходе прямо на матрасе. Проводник вызвал полицию. На ближайшей станции вооружённые люди в комбинезонах и беретах быстро привели гуцула к общечеловеческим нормам. Они его жёстко по рёбрам потыкали палками, и он тут же влез послушно, без слов, наверх, надел штаны и замер до утра, – даже храпеть безобразно перестал.

Поезд пересекает две границы – с Белоруссией и Украиной. Россиянину достаточно российского паспорта, он может чувствовать себя белым человеком. Кроме скуки длительной стоянки у таможни, с видом на лесопилку, ему ничего не угрожает. Пограничники корректны и вежливы. У граждан Украины больше повода для беспокойства. У них должны быть миграционные листы, приглашения, нарушителей беспощадно снимают с поезда. При мне едва не сняли азербайджанца. Предупредили, что на Украине почему-то не любят граждан именно Азербайджана и могут в любой момент выдворить из страны без объяснения причин.

Львов вызывали

Львов похож на украинскую версию Петербурга. Благородный, обшарпанный, интеллигентный. Прекрасные старинные здания все в подпорченьи. Там деталь отвалилась,

здесь трещина и штукатурка отпала. Львовян отличает чувство собственного достоинства. Здесь начинаешь чувствовать себя «пани». Сами львовяне похожи немного на львов, у них узкие лица с удлинёнными, чуть львиными носами и небольшими глазами. На их лицах серо-бледный налёт, такая благородная патина, как на скульптурах.

Даже мошенники тут были не назойливы. У железнодорожной кассы тёрся карманник. Достаточно было одного выговора типа: «Ну шо ви тут у кассы стоите! Вы уж нэ перший раз сюда подходите, вы в очереди не стоите, не обманывайте!», – и вор истаял. Почти не видно бомжей, побирушек. Язвы общества не бросаются в глаза, социальные противоречия не успели заостриться, накалиться и высунуться наружу. На вокзале много, гораздо больше, чем в Питере и Москве, милиции и людей в десантной форме. Милиция и военные – красивые рослые мужчины со спокойными лицами. Может, именно поэтому язвы не высовываются, а где-то прячутся в отдалении...

Цены во Львове, да и во всей Украине, в два раза дешевле, чем в Питере. На всё, кроме наинovelших благ цивилизации, как то: фотоуслуги, фотоплёнки, CD-диски, компьютерные игры. Единица измерения – гривна, это наших 6 рублей. Всё вертится от гривны. У нас за 6 рублей можно купить разве что маленькую упаковку истончённых чипсов. На Украине – много чего. За 1,5 гривны можно купить тарелку хорошего

борща в кафе, чашку свежего кофе. Чтобы добротнo пообедать, примерно как в ресторане, достаточно 10 гривен. Двухместный номер с телевизором, лоджией и горячим душем во Львове стоит 90 гривен.

Во Львове я с детьми сразу направилась в гостиницу, чтобы помыться после антисанитарного вагона, отоспаться на чистом белье, посмотреть город перед тем, как отправиться дальше, к Карпатским горам. У вокзала к нам пристала женщина, услышав наши речи о гостинице. Она сказала, что сдаёт квартиру путешественникам на ночь по ценам, в два раза ниже, чем в отеле. Я решила довериться ей, и мы направились к жилью. Тётка вела себя нервно, а дверь в квартиру с железной решёткой на окне оказалась запертой. Я стала подозревать, что это мошенница или бандитка. Тётка вышла во двор кого-то звать, а мы с детьми быстро удрали в официальный отель. Гостиница была построена при позднем социализме, в 6 этажей, с длинными коридорами, большими окнами и лоджиями, всё из панелей, крупно, просторно, прочно, светло, но всё со следами потёртости, начиная от усталого линолеума до пооблезлых оконных рам.

В номерах нас поразили старые цветные телевизоры «Горизонт», которые в России уже считались рухлядью. Тут же они преподносились как элемент номера «люкс». Горячей воды не было, её давали вечером в течение двух часов. Зато вкусной и дешёвой была еда в гостиничном кафе. Мы успели посмотреть город и купить дёшево японские часы. Эти

часы оказались необыкновенно качественными, их хвалили часовщики, и они до сих пор работают.

Строительный бум

Мы побывали в городках Хусте, Межгорье, Солотвине. Добираться от Львова до Карпат лучше на автобусе: дешевле, интереснее и быстрее. Автобусы «Львив» родом из социалистического прошлого, но всё ещё скачут мустангами по древним львовским булыжникам и каменистым сельским дорогам. За дорогами следят, в местах размывов ведётся работа: укрепляют камнями в стальной сетке насыпи вдоль шоссе. Есть дикие дороги, засыпанные мелкими камнями. По одной из таких дорог мы ехали на попутке. Старый газик дребезжал, набитый пустой тарой. Водитель слушал кассетный магнитофон – заводную гуцульскую музыку с вкраплениями рока. Это была замечательная местная музыка, под неё приятно подкидывало, и хорошо воспринимались горные пейзажи и шустрые реки вдоль дороги. В автобусах же водители мучают пассажиров официальной украинской попсой, типа «Радио Закарпаття-ФМ». Более отстойного радио слышать не приходилось. Хотя попса везде одинакова, и любимые песни на Украине – русские, типа «всё-о-о что ты мне ночью говорил про любовь ла-ла-ла». Пример шутки: «А что это такое, понимаешь...» (голос Ельцина). Ответ: «Цэ радио Закарпаття ФМ!».

Жители Закарпатья предпочитают деньги вкладывать в недвижимость, владельцы сказочных коттеджей не стесня-

ются выезжать из ворот на калошеподобной «Волге». В Закарпатье можно отметить строительный бум, особенно в отдельных сёлах. Самое знаменитое село – Новая Апша. Сплошные коттеджи фантастической красоты. Говорят, что жители разбогатели на продаже семечек по всей России... Хорошие это были семечки, однако! Семечки превратились в дома из кирпича, поверхности стен отштукатурены и выкрашены. Результат: идеально гладкие домики с арками и полуарками, галереями, витыми решётками, зеркальными окнами. Некоторые делают бассейны во дворе. Дворы и дорожки мостят узорчатой плиткой. Всё это увито виноградом, украшено экзотическими растениями. Дома выкрашены в розовые, лимонные, сиреневые, оранжевые цвета, крыши покрыты красной, синей, изумрудной черепицей. Каждый коттедж выстроен по индивидуальному проекту. Всё это народное строительное творчество чем-то напоминает домики коротышек из Цветочного города из детской книги про Незнайку. Воплощённая в жизнь девчоночья мечта о райской, несколько слащавой жизни.

Магазины «Керамика» и «Магазины будивильных товаров» – из самых часто встречаемых на дорогах. Жители Закарпатья – великолепные профессиональные штукатуры и плиточники, наверное, от того, что хорошо натренировались на своих домах. Недорогими, но качественными услугами закарпатских бригад любят пользоваться в Москве, Петербурге, Европе. Один строитель рассказывал о том, как про-

веряют качество работ в Закарпатье. Если между вертикальным отвесом и стеной можно просунуть газету- дом считается кривым.

«Скажи мне, арбайтер, сын вольных степей,

Зачем ты собрался в дорогу?

Зачем ты за горстку кацапских рублей

Здесь робишь уси понемногу» (под «здесь» имеется в виду Москва).

Я не раз вспоминала эти строчки Всеволода Емелина, написавшего стихотворение «Смерть украинца». Коттеджи, вставшие вдоль дороги, доказывали, что горстка кацапских рублей кое-где имеет вес. Это там, на севере, где «сумрак угарный висит над Москвой, украинки гарны встают вдоль Тверской». Здесь украинки гарны возились с курами, коровами, детьми и огородом. В некоторых облюбованных туристами местах они сдавали комнаты и домики – от 10 до 20 гривен с человека в зависимости от популярности места. Некоторые занимаются традиционными промыслами. Вдоль дороги на Межгорье можно купить всё из лозы: плетёную мебель, коробки, корзины, безделушки.

По поводу гостиниц, мотелей и сдаваемых комнат. Почти всюду вдоль трассы переночевать. Свободные места все-

гда в наличии, цены зависят от удобств и популярности места. В глубинке место в скромной гостинице стоит 15 гривен. Удобства кочующие, часто возникают проблемы с водой, не только с горячей, но и с холодной. Особенно во время бурных ливней. В номерах чисто, уютно, приятно радуют взор элементы местной экзотики – вышитые крестьянские ковры на стенах, – но почему-то нигде не выдают полотенца. Это закарпатская особенность, возможно связанная с какими-то древними поверьями. На Синевирском озере, самом модном месте отдыха, цены достигали 140 гривен в день в благоустроенном уютном мотеле. Но полотенца и там не выдавали.

Хлопцы закусывают золотом

На Синевире мы сняли половину домика у гуцульской старушки за 60 гривен. Белоснежный снаружи и внутри домик с нависающей крышей оказался очень уютным. Спереди во всю длину стены шла галерея, где можно укрыться от дождя, сушить бельё, мечтать. На крыльце нужно было оставлять обувь и входить в дом босиком. Деревянные полы устланы коврами, на стенах – иконы. На окнах рубиновые шторы с розами, белоснежные занавески, у стен – старинные высокие деревянные кровати с множеством подушек. Удобства – на улице, в домике с дырой в полу. Вместо водопровода – бурный ручей, стекающий вдоль деревни с горы. Первый раз в жизни мои дети мыли руки и чистили зубы, наклоняясь над хрустальным потоком, смывающим мыльную пену и унося-

щим её ниже по течению, где другие дети, может быть, тоже мыли руки.

Вторую половину дома сняла компания отдыхающих из Хуста. Это были «новые украинцы». Золотая цепь на шее, иномарки во дворе, бодрые шутки, шумное купание в запрещённых заповедных местах... Новые украинцы напоминали «новых русских» конца 90-х. К тому же они экзотически закусывали сало и горилку золотом. То есть горилка была особенная, – в ней плавали мелкие пластинки золота («23 карата» было написано на бутылке). Минздрав Украины одобрял это золочение внутренностей. Соседи уселись за деревянный стол, стоящий прямо на траве, разложили свою скатерть-самобранку. Подмигнули мне, чтобы я отпустила детей погулять, и чтобы я отведала с ними их выпивки и сала. Мы выпили золотой горилки. Глаза заблестали ярче, но мозг заработал хуже. Видимо, засорился золотом. Представители нового украинского бизнеса, владельцы джерела – источника минеральных вод, разливали по бутылкам дары природы, и эту воду пила вся Украина. Новые украинцы оказались людьми остроумными и образованными. Кроме украинского, они знали немецкий, русский и английский. «Оставь, меня, брат, я смертельно устал, во рту вкус цветного металла, знать злая горилка завода «Кристалл» меня, наконец, доконала», – звучали во мне стихи В.Емелина. Горилка «Золото Полуботка» никого не доконала, несмотря на привкус цветного металла. Всем стало хорошо. В голове моей плава-

ли фразы и надписи типа «алкоголь да тютюн», «гуртом да враздриб», «мени потребна твоя допомога»... Перед домом журчал ручей, вода из него была не хуже, чем из освоенного бизнесменами джерела. Богата гарна Украина! В ней много фруктов, нет бензина!

Дети не хотели меня оставлять с жирными украинцами, и я полезла с ними в горы.

Ручьи и змеи

Одна из главных прелестей Закарпатья – это бегущие повсюду ручьи, перекатывающиеся по камням зелёные реки, водопады, родники. Плюс доступные, приятные горы. Самая большая гора – Говерла – имеет высоту 2061 метр, на её вершине можно встретиться со снегопадом в июле. Остальные горы поменьше, покрыты лесом, цветущими лугами, зелёной травой. На Синевирской поляне лес совсем родной, северный: с черникой, грибами, хмурыми сырыми облаками. Только расположен почему-то вертикально (от дурнэнький! – как сказали бы украинцы), грибы надо собирать, цепляясь зубами за ветки и камни. Самые приятные горы в районе Межгорья, Ужгорода, Рахова. В низинах, вдоль горных рек – жара, виноград, подсолнухи, сочная кукуруза, маки. Чуть выше – горы в ромашках и гвоздиках.

Заберёшься на приятную гору, на склонах пасётся скот,

выше – селяне убирают сено, ещё выше, над лесами – орлы летают. Кругом манящие лазоревые очертания гор. Лазать по горам интересно. Всегда есть цель у бессмысленного мотания – достичь вершины. Увидеть новую даль, новый пейзаж и объект притяжения. Бывает, заберёшься на дикую гору, где ничего не должно уже быть, кроме самостоятельно существующей природы, а там молельный крест, украшенный цветами, или хорошенький домик с пасекой, или жёлтое поле со стогами. Лошадки пасутся, стога стоят. Выясняется, что гора – с плоской вершиной, на которой повторяется равнинная сельская жизнь. Считается, что в горах есть олени, кабаны, волки и рыси, но никто из них живьём не встречался. Только на выцветших плакатах, сделанных ещё при СССР.

Однажды, когда мы влезли на вершину горы и чувствовали себя в раю, достали гуцульскую колбаску, чтобы подкрепить силы, над нами вдруг стала парить пара орлов. Они с криками стали кружиться над нами. Было такое ощущение, что их цель – отобрать нашу колбасу.

Вода в широких реках тёплая, в маленьких – ледяная. Но в жару это даже приятно. Повсюду есть места, где можно освежиться, как в ледяной природной джакузи. Забраться под белую пену водопада, например, или лечь на дно недалеко от берега, вцепившись в камни покрупнее, чтобы не унесло. Течение в реках обычно весьма сильное. На берегах часто встречались прогуливающиеся по гальке аисты. И на земле, и в воде много змей.

Однажды мы купались в глубоком месте горной речки, где было что-то наподобие городского пляжа. Везде мелко, а тут углубили дно, посыпали песочком, устроили купание в сильных струях мутновато-зеленоватой свежей воды. Я нырнула и увидела, что меж ног купающихся людей и детей ловко фланирует длинная серебряная змея, охотящаяся за мальками. Я подумала, что это уж водяной, и что пусть он резвится меж людей. Но не так подумали остальные купальщики. Какая-то мамашка ужасно завопила, следом завопили дети и женщины, указывая на змею. Карапуз лет четырёх вдруг смело ухватил длиннющую змею за шею под головой, вытащил её на берег и стал бить её об камни. Несчастная змея продолжала извиваться. Тогда пацан постарше, лет 10, на велосипеде, стал колёсами давить голову речного змея. Жестокое зрелище! Больше всего меня поразил смелый карапуз-Геракл, смелый змеборец с колыбели...

Бруд

Во время нашего путешествия по горам объявился кандидат в президенты Украины Виктор Ющенко, глава коалиции «Сила народу», с призывом «Очистимо Украину вид броду». Об этом мы прочли в украинских газетах. Нам почему-то показалось, что это он нас имеет в виду... Если имеется ввиду всякий сброд типа диких кочующих туристов-москалей, то тут он не прав. Туризм неплохо кормит Закарпатье, и туристы то всё люди цивилизованные, не только из России, но и

из Польши, Чехии, Венгрии, Германии. Если имеются в виду цыгане, то они, действительно, назойливы. Но, судя по всему, за ними присматривают, в города покрупнее не пускают.

Может «бруд» – это мусор? Вот от этого действительно следует Украину очищать. Судя по разбросанным по берегам пластиковым бутылкам и горам мусора, встречающимся в каждом селе, на Украине ещё не научились строить мусороперерабатывающие заводы, хотя научились фасовать и разливать. Если для нас типичная картина – роющиеся в мусоре бомжи, то в Закарпатье в роли бомжей выступают коровы и козы. В самых райских уголках натыкаешься на безобразные кучи глобалистского мусора, а в нём роются и что-то слизывают с выброшенных упаковок белоснежные козочки и худые рыжие коровы. Судя по всему, горные реки и ручьи весной смывают мусор с берегов, разносят, и вот уже в самых безлюдных райских местах видишь слипшийся полиэтилен, мятые бутылки, пластиковые упаковочки. Гадость глобализма...

Национальное

Продовольственные магазины в Закарпатье намного беднее, чем в Питере, зато цены намного дешевле. Всё необходимое всё же можно купить, а деньги экономятся. Овощи и фрукты в продаже – на 95 процентов местные, дешёвые, без всяких генетических извращений. Всюду есть кафе, колыбы, рестораны. Повсеместно в меню: украинский борщ со шкварками, драники (вареники), пельмени, котлеты по-

киевски, блюда из грибов. Конкуренция большая, и готовят везде старательно. Местные жители любят посещать свои кафе. Утром всюду пьют кофе, вечером гуцулки предпочитают кофе и горилку, мужчины – пиво и горилку.

Религия, судя по количеству церквей, в Закарпатье процветает. Всё старое реставрировано и сохранено, повсюду строятся новые церкви. В каждом селе обычно по три церкви на все вкусы. Между собой конкурируют православная, греко-католическая и католическая церкви. Много православных действующих монастырей. На дорогах встречались безумные проповедники-иеговисты, размахивавшие своей литературой.

По поводу особенностей национального характера. Западные украинцы – хитрованы. Всюду обещают чуть больше, чем делают. Обманывают, но не смертельно. Одна киевлянка жаловалась, что в информации на туристских украинских сайтах были указаны цены ниже и услуги побольше, чем это оказалось наяву. В мотеле, где мы питались, в первый день порция сырников состояла из 4 аппетитных довольно крупненьких пухлячков и стоила 4 гривны. На 4 гривны можно было позавтракать вчетвером. На следующий день за 4 гривны давали 4 более тощих сырника. На третий день за те же деньги давали уже 3 тонких, плюгавых сырника. Мы не стали дожидаться, что будет с сырниками происходить дальше, уехали. И так во всём: хоть чуть-чуть, а жажда выгоды начинает превалировать, но постепенно.

В-целом гуцулы, лэмки и бойки – жители Закарпатья – народ добродушный, с нежностью вспоминают времена СССР. Все говорят, что тогда жилось легче. Памятники Ленину в сёлах не попадались, памятники героям Второй мировой повсеместно сохранены, покрашены. Только звёздочки посбивали, и на их месте теперь кресты, память об убиенных. Многие жалеют времена колхозов, – тогда у людей была работа в колхозных садах и на перерабатывающих фрукты заводах. Теперь каждый кормит фруктами и всем остальным себя сам

Солотвино

Интересное местечко Солотвино. В нём расположены соляные шахты. В окрестностях села – соляные озёра, целебные грязи. Кто-то едет на Мёртвое море. Почти тот же кайф можно получить намного ближе.

В соли утонуть невозможно. Откормленные украинцы целыми семьями плавают в коричневых солёных озёрах как розовые кабанчики. Особенно это нравится детям. Самые жадные до соли путешественники забираются под мощную соленую струю, вырывающуюся из трубы в одном из оврагов. За гривну можно посолить своё сало, за другую – соль смыть. Главное, чтобы кожный покров был без отверстий. Даже небольшая царапина даёт представление о том, что означает выражение «сыпать соль на рану». Вокруг невзрачных с виду прудов построены кафе, рестораны. Много отдыхающих приезжает сюда на машинах, многие останавливаются в палатках. В соляных шахтах, на глубине 300 метров,

больные лечат свою астму. Там вырублена соляная гостиница, койки в ней тоже из соли. Чтобы был эффект, туда надо спуститься и провести сутки хотя бы. Но это стоит серьёзных денег. Деньги идут местным соледобытчикам вместо задерживаемой и нищенской зарплаты. Сама надземная часть шахты напоминает фильм Тарковского «Сталкер».

Солотвино меня поразило меланхолией. Вот вроде июль, лето. А такая печаль лежала на сердце. Небо было коричневых оттенков, белая соль, как седина, прикрывала цистерны на рельсах. Я с детьми поселилась в домике у милой молодой женщины. Нам дали большую комнату с городской скучной мебелью, с унылыми советскими коврами бордово-бежевых расцветок, с пустым сервантом, в котором блесло четыре скучных бокала. В коридоре было что-то вроде кухоньки, на электроплите можно было приготовить еду. Из окна вид был на украинский огород, пыльный, в жирных сорняках и лебеде. В огороде кудахтали хозяйские куры и петух, хрюкал кабанчик в сарае. Удобства были на улице, на огороде был в клеёнчатой кабинке душ, подававший воду из бака, нагреваемого солнцем. Другие окна выходили на Солотвинскую улочку, узкую кривую улочку, сплошь застроенную симпатичными домиками, заборчиками, воротами, – всё аккуратненькое, ухоженное. На улице играли местные дети, прохаживались туристы, любители соляных ванн, а также местные жительницы. Мужчин местных было мало, почти все они уехали на заработки в другие страны.

После прогулки к соляным шахтам, вид которых сжимал в тоске сердце, мы вернулись в нашу квартирку, поели вишен и легли спать. Мне снилось что-то мрачное, какая-то ведьма предлагала мне купить пальто, я отказывалась. Она вдруг стала говорить древние заклинания. Слова её, как бы из выдернутых и демонически переставленных по своей воле букв, были похожи на некоторые стихи Велимира Хлебникова. Были они столь просты и страшны, что я их запомнила. Я почему-то должна была запомнить эти слова.

Проснулась я от громкого плача. Это до 40 градусов внезапно поднялась температура у моего младшего шестилетнего сына, и он проснулся и заплакал, весь в жару. Вскочил и старший, 12-летний сын. Я бросилась давать аспирин младшему. Старший рассказал, что ему снились кошмары – какая-то старая цыганка. И от них он проснулся. Я поняла, что ему снилась та же старуха, что и мне. Что-то жуткое разбудило и младшего. Я стала детям пересказывать свой сон и вдруг начала повторять заклинания ведьмы. Когда я произнесла три первых слова из 10 ведьминских, за окном сверкнула молния, и моментально ударил гром, хлынул, как опрокинулся из моря, бурный стучащий дождь. Дети завопили от ужаса, умоляя меня не говорить дальше ведьминское заклинание. Мне тоже стало жутко, и я вдруг мгновенно забыла ведьмин стих, забыла навсегда, хотя казалось, что её слова у меня отпечатались в голове навек.

Утром младший пропотел и поправился, мы рассказали хозяйке, молодой женщине, о том, какие сны нас мучили в её доме. Она как-то нехорошо помотала головой и ничего не сказала нам. Мы же собрали вещи и уехали путешествовать дальше

Псковская деревня (май2004)

Воспитание людей и зверей

Вовсе не фермеры

Мы долго ехали по разбитой, ныряющей то вверх, то вниз дороге. Приехали уже ночью. Уезжали из Петербурга – там был жаркий весенний день, 30 апреля. Приехали в морозную жгучую ночь, аж пар изо рта валил, на небе сияла серебряная луна, земля излучала могучий запах живой полевой жизни. По дороге встретили несколько зайцев, которые, увидев фары машины, начинали скакать в луче света, не в силах свернуть в лес.

Ехали к фермерам, и мне всё виделось «новые русские», из новых сосновых брёвен выстроенные хоромы. Оказалось, это не фермеры, это немолодые люди, которые выживают на земле в древнем, до революции построенном доме, ныне старом и почернелом. Молодые ребята, которые везли меня к «фермерам», были брат и сестра, а везли они меня к своим родителям, бывшим геологам, которые в лихие 90-е продали

городские квартиры и купили здесь, на Псковщине, усадьбу и дом с большим количеством пристроек для сельских животных.

Хозяйка Татьяна Марковна была типичная городская техническая интеллигентка, говорливая, активная, у которой слово было погонялом для собственного дела и для мужа, который дела делал. Ей нужно было всё обосновать речью. Одета она была в тёплые рейтузы по случаю навалившегося ночью зимнего холода. Муж её, высокий благородный мужчина в очках, молчаливо подбрасывал дрова в старую русскую печь. Машину загнали во двор за большие крестьянские ворота, залаяли радостно собаки, выбежали любопытные кошки.

Я с тоской осмотрела большую избу, поделённую на три комнатки, все сообщающиеся между собой по кругу. Так что изолированное спальное место мне тут не светило. Сын Смеловских Яша полез спать на ледяной чердак, где хозяйева оборудовали комнатку с книгами для интеллигентного отдыха. Дочка Лена легла спать с мамой Татьяной в угловую светёлку. В большой гостиной улёгся на старый советский диван с круглыми пуфиками по углам хозяин Сергей Матвеевич. Меня же уложили в проходной комнате на диван напротив своей внучки Ярославы, почивавшей на детской кроватке в углу. Я смертельно хотела спать после 14 часов езды на автомобиле, но поспать мне не удалось. Ночью по мне стали бегать кошки, за ними гонялась гончая собака, за собакой

вышел хозяин и ругал собаку, а хозяйка занялась какими-то действиями с громом и шумом.

Утром выяснилось, что это было. Это ночью одна из 16 кошек родила котят, схватила их зубами и хотела положить ко мне на кровать, за кошкой помчался кот, чтобы сожрать котят, за котом пошла собака, и т.д. и т.п. Хозяйка спасла котят, засунув их на чердак, а кота Ваську, местного злого бая, главного мужа всех кошек, вообще не принято было пускать в дом. Как он, гад, пролез, это расследовала хозяйка. Похоже, что с гостями незаметно пробрался. А вообще тут было три вида кошек; двум сиамычам, одной пушистике и ещё рыженькой аккуратненькой позволялось жить в доме. Остальные жили во дворе, а ещё несколько вообще приходили во двор раз в неделю, так как шлялись по полям и мышковали там, совсем одичав.

Утро началось с долгого чинного семейного завтрака, где переплелось несколько стилей: английская чопорность, русская дворянская упорядоченность и крестьянская скромность. Ели яйца варёные, ибо их было много. Масло и сыр были продуктами ценными, так как корова уже была продана, и молочное нужно было покупать в магазине в Опочке. Хлеб был местный и вкусный. Каша на воде. Попили кофе нескафе. Вокруг стола жадно смотрели на хозяев 4 привилегированные кошки и два пса: сеттер и разжиревшая, прожорливая и сладкоглазая спаниэлиха. Особенно звери ценили кусочки сыра. Да и яйца трескали с улыбкой. Мне было

неудобно, что я не взяла с собой продуктов, я думала, что еду к богачам, которые закормят меня плодами своих и земли своей трудов...

Внучка Ярослава была розовощёкой девочкой в бусиках, капризной и темпераментной, похожей характером на бабушку. Внучка и бабушка поэтому то конфликтовали, то спорили, то злились, то мирились. Ярославе очень хотелось полностью занять моё внимание своими рисунками и куклами, а бабушке тоже этого хотелось, и дело дошло даже до слёз и шлепков. Я ушла с Ярославой к её куклам и заставила её написать их имена для меня. Кукол было много, и дитя было занято надолго. Пока Ярослава выполняла задание, бабушка и дедушка поведали мне историю свою и села.

История семьи

Смеловские работали геологами на Сахалине, но началась перестройка, перестали платить зарплату, и вообще все ждали полной катастрофы. На самом последнем самолёте, который шёл в тот год с Сахалина по старым, доступным ещё ценам, Смеловским удалось перевезти мебель, пианино, книги, коллекцию камней, детей, внучку и собаку. Если бы не те билеты на тот самолёт, семья бы так и не смогла попасть на свою большую родину.

На вырученные от продажи квартир деньги купили дом у псковского жителя, озверевшего от одинокого владения дедовским наследством, и тоже находящегося в шоке от ре-

форм, сотрясавших Россию. Ему тоже захотелось сдвинуться с насиженного места. Продал он Смеловским всё, лишь иконы прадедовские родовые не продал. Он их вынул из древних избовых божниц, и продал чуть позже за бесценок каким-то проезжим фарцовщикам.

У Татьяны в Петербурге оставались родители в крошечной двухкомнатной квартирке с вещевыми останками дворянского прошлого её рода, одну из комнат занимал целиком древний рояль. Сергей был бесприданником с юга России, в небольшом городишке его кровные метры жилплощади давно была заняты размножившимися родственниками. Вкладывать сахалинские деньги в городскую квартиру было бессмысленно: в городах 1993 года Смеловских ждала безработица, нищета и ад бытовой скученности на квадратных метрах.

Смеловские решили начать новую жизнь, добывая хлеб свой насущный от трудов своих и плодов земли. Это был смелый шаг в неизвестное. У бывших советских горожан не было никаких навыков землепользования, животноводства и растениеводства. До этого они много лет бродили по необработанной человеком земле и питались от зарплаты. Зато у них были геологические советские энтузиазм и отвага, умение выживать в самых экстремальных природных условиях, заниматься самыми непредвиденными видами ручного труда. Были геологические навыки смело шагать в неизведан-

ную тьму. К тому же в руки им попала замечательная толстая «Настольная книга русского землевладельца», написанная в 1913 году во времена Столыпинской реформы и переизданная в 1993 году тиражом 25000 экземпляров.

В этой книге было собрано «лучшее из народного опыта и агрономной науки о полеводстве и огородничестве, бахчеводстве и травосеянии, садоводстве и лесоводстве, животноводстве, птицеводстве, пчеловодстве и шелководстве». Как известно, в результате Столыпинской реформы русские крестьяне стали свободными хозяевами своей земли, многие из них сдвинулись со своих перенаселённых мест и пошли на Восток, создав 2 000 000 (!!!) крестьянских хозяйств от Урала до Тихого океана. Не могу удержаться от цитат из этой книги: «Столыпинская реформа превратила Россию в мировую житницу, крупнейшего поставщика масла, льна, пеньки, мёда и других даров земли, причём богатств, возобновляемых ежегодно крестьянским трудом, а не извлекаемых безвозвратно из недр и продаваемых за рубеж на беду грядущим поколениям».

Смеловские вдохновились перспективами перестройки, стали хозяевами земли, но совершили свой путь в обратную сторону – с Востока на Запад нашей необъятной родины. Им тоже захотелось стать производителями ежегодно возобновляемых продуктов земли, а не разведчиками богатств, исчерпаемых на беду грядущим поколениям.

Подросшие дети вооружили домик всеми благами цивили-

лизации. Спутниковая тарелка-антенна делает доступными 40 каналов телевидения России, Украины, Франции, Прибалтики. В домике собрана хорошая библиотека- книги, которые близки сердцу хозяев: всё о Пушкине, краеведение, русская классика и русская поэзия прошлых веков. В домике собрана коллекция любимых фильмов и классической музыки на CD и DVD, в домике пара компьютеров. Интернета пока нет, но скоро будет. Кстати, соседние жители, заживая на минутку в дом Смеловских, типа за спичками, высмотрели и компьютеры, и антенну-тарелку. Теперь почти все соседи обзавелись компьютерами и антеннами, один сосед, по слухам, пошёл дальше всех и сделал себе спутниковый Интернет через телевизионную антенну. С дорогами повезло. В соседней деревне живёт на корнях своих мать директора хлебозавода из соседнего городка. И результат: директор добился как-то, чтобы от шоссе до той материнской деревни проложили асфальт.

Самое больное место – сантехническое. Нужники старинные. Навозец на поле. Это прекрасно для природы, это естественно, это бесследно. Но всё же, после тёплого эгоистического унитаза это грустно. Вода в доме из колодца. Это и хорошо и плохо: нет зависимости от поломок водопровода, есть естественный тренажёр для мышц рук, но после эгоистических кранов с холодной и горячей водой в индивидуальной ванне в городе – это грустно.

В доме у Смеловских – старинное пианино с хорошим зву-

ком. Дети привозили настройщика из Петербурга. Старшая внучка готовится поступать в консерваторию. Когда на каникулы она приезжает к бабушке и дедушке, по полям разносятся Прокофьев и Шопен, пугая зайцев и кабанов. Дедушка мечтательно слушает классику, сидя в кресле и поглаживая спаниеля справа и сеттера слева. Бабушка заваривает чай в окружении четырёх любимых кошек. Потом, сыграв свои этюды, Смеловская-младшая идёт подавать сено лошади и корм курам. Такие вот барышни-крестьянки и барыны-крестьяне. Пианино сначала изумило аборигенов, они с великим уважением помогали его сгружать и заносить в избу старого купеческого рода. Может быть из-за этого пианино Смеловские пребывают в некоторой изоляции: местные жители до сих пор их своими не считают, для них Смеловские – это пришлецы, несерьёзные клоуны, притормозившиеся дачники, чудаковатые аристократы, низко павшие до жития на земле с ними, представителями более низкой социальной касты...

Недавно я читала «Фердидурку» поляка Гомбровича. В этой книге, написанной лет 90 назад, очень точно подмечены эти странные игрища между барами и крестьянами. Какими бы дворяне нищими, пролетарствующими, трудящимися и трудогльствующими, какими бы туповатыми и неумными, необразованными они бы ни были, но они – баре. Что-то такое сильно втемяшилось в гены и головы людей, исконно живущих на земле и от земли – у земляных трудящихся есть

своя гордость, своё ощущение замкнутой касты. И всё равно बारे являются чем-то высшим, неким верхним сословием, и великая мудрость состоит в том, чтобы каждое сословие блюло себя. Геологи, получившие глубокие свои специальные знания, – они должны разведывать недра. Барынька-музыкантша должна играть в городе, в консерватории. А люди земли должны владеть землёй в нужных, соразмерных запросам количествах, тихо долбать её, пахать, сеять, растить картошку, доить коров, вывозить навозы на поля. Ходить в зипунах, ватниках, покорябленных трениках и сапожищах, а по праздникам надевать хорошую светлую одежду, иметь в домах ковры, холодильники и компьютеры, и косо, всегда косо смотреть на пришлецов, с какой бы миссией и целью они на земли не приходили.

Может быть, эта одна из причин того, что в России часто гибнут попытки развести фермерские хозяйства. В конце 80-начале 90-х фермеров сжигали, сжигали жестоко и молчаливо, с круговой порукой. Сжигали фермы со 100 коровами, с телятами. Сжигали сараи и сено. Кто сжигал, зачем – никто не знает. Ни в одной из деревень никто не мог сказать, что точно знает, кто сжигал. Тёмные всё это и странные истории. Главное, тут удивляет роль милиции. Почему эти истории не расследовались? Какова роль ментов в попустительстве этих преступлений? Не происходила ли зачистка русских земель от людей?

Умные, предприимчивые люди, люди с деньгами, с агро-

номическими и зоотехническими знаниями, молодые, полные энергии и расчётов жить лучше, давать родине возобновляемый продукт, эти люди как приходили, так и уходили. То есть уходили гораздо в более плачевном состоянии, нежели приходили. Уходили, и оставляли разорённые русские земли, как есть: запущенные поля, поросшие подлеском, жестоко вырубаемые бесконтрольно некими анонимными варварами леса, рынки, забитые дешёвыми оптовыми товарами низкого качества глобалистского происхождения...

Сергей Смеловский считает главной чертой русского характера зависть. Лишь бы у другого было не лучше, чем у тебя. Деревенские жители повсеместно не желают работать на пришлецов, даже если им предлагают достойную зарплату. Да, это, пожалуй, земляная, нутряная животная зависть – к тому, кто из другой касты. Но, может, и другое. У этих коренных земляных людей нет ничего кроме их куска земли, избытки и – свободы. Свободы спать или не спать, ходить на работу или не ходить, впрягать себя в качестве придатка к севообороту и молочным рекам родимых коровушек, или же не впрягать, пить или не пить. И это их последняя свобода.

Прогулка по селу

Мы пошли на улицу. День был солнечный, старые яблони в саду готовились к цветению, снег везде сошёл, трава выросла шёлковая и ярко-зелёная, всюю распускались одуванчики. Гудели пчёлы. Мы вышли на сельский Бродвей, пошли вдоль села мимо заколоченных и крайне редких жилых до-

мов с признаками постоянного проживания.

Сергей рассказывал, что при приезде сюда обнаружили деревню в печальном состоянии. Жители в деревне ещё кой-какие были, но мало кто уже держал коров, один человек на всю округу разводил пчёл. По лысым полям шастала старая кобыла, уцелевшая от распавшегося колхоза. На ней обычно ездили за водкой по бездорожью в соседние сёла, когда родное топливо в местной лавке заканчивалось. Все как-то обленились, пили водку и больше рассчитывали на пенсию и пособия, нежели на заработанный трудом продукт. И вообще Смеловские были изумлены голодом и бедностью людей, владеющих землёй, этой великой ценностью, великой волшебной скатертью-самобранкой, стоит только не полениться и расстелить её, встряхнуть...

Сначала Советская власть изгибала людей, до этого – крепостничество. Как-то Андрей Битов сказал, что три богатыря на Руси – это Лень, Уныние и Гордыня. Сергей Смеловский считает, что это зависть и привычка к покорности.

Село когда-то принадлежало помещику, чуть ли не другу Пушкина. Во времена Столыпинской реформы местным помещиком была построена уездная земская школа, создана библиотека, процветало хуторное хозяйство, у крестьян было всё больше надежд на зажиточную жизнь.

В конце 19 века в местную школу в качестве учительницы

приехала петербургская девица, заражённая вирусом марксизма и атеизма. Её вежливо выслали в Архангельск, при этом она проклинала попа, пытавшегося благословить её на более правильную женскую жизнь. После революции в этой же школе прославилась другая, а может та же самая учительница. Вместе со своими учениками семиклассниками, в порыве антирелигиозного бешенства, она разорила и осквернила местное кладбище. Дети бегали по деревне с черепами и костями своих предков в руках... Потом в крестьянские хозяйства приходили коммунисты, забирали с собой крепких мужиков и пускали их в расход. Также прихватывались с собой животные-кормильцы.

В 1993 году в селе была начальная школа с библиотекой, был клуб, магазин, почта и фельдшерский пункт. Тогда ещё были дети в деревнях. Деревенское стадо ещё насчитывало 30 коров. Колхоз распался, и его части и запчасти в виде тракторов, земли и другого добра попадали в руки потерявшихся людей, привыкших к превратностям советской системы земледельческого труда. Одна из местных жительниц рассказывала, как она рано утром высаживала на своём участке картошку, а в 9 утра к ней приходил председатель колхоза и ногами топтал её поле, как кабан, приговаривая, что надо сначала колхозное поле засадить, а потом уже своё. Дело было в 80-х. Понятно, что в 90-е местные жители находились в состоянии ступора и лечили невроты русским водочным лекарством.

В местном магазине продавщицей работала местная баба. Жертвами этой бабы стали многие жители окрестных деревень. По сути, она стала местным Чекатилой. В лавку попадали какие-то очень левые товары, ядовитые колбасы, странные напитки. От палёной водки за прошедшие 15 лет умерла половина мужского населения местных деревень. Последняя страшная трагедия случилась два года назад. Три самых лучших местных мужика, молодые, крепкие, сильные, не так уж чтобы пьющие, развернувшись на земле, взявшие большие участки, обзаведшиеся большими фермерскими хозяйствами и семьями, три этих последних русских богатыря земли местной купили в сельпо бутылочку водяры и распили её на троих. Заряд яда был таков, что никто из парней даже не дошёл до своей хаты, они умерли, сделав всего несколько шагов от проклятого магазина.

Я сфотографировала букет искусственных цветов, который теперь лежит под берёзой, в 50 шагах от магазина, на месте, где умер последний перспективный мужик деревни. Звали его Иван. Последний Иван на деревне...

Не было ни милиции, ни вскрытия. Не было кровной мести, как это принято в сериалах. Никто не отомстил продавщице, никто не подпалил ей хату и не отмутузил, напав на неё из-под куста орешника. Она не сидит в тюрьме. Никто не спрашивает, у каких людей покупала она водку не раз и не

два, зная о последствиях её потребления. Это русская баба. Что у неё творится в голове, что там у неё в сердце – этого никто не узнает. Правда, последняя история всё-таки заставила её по-тихому закрыть магазин, уйти в свой дом и там тихо пасти своих кур.

По статистике ежегодно в России от палёной водки умирает 40 000 мужиков. Умерший Иван и его товарищи не вошли в эту статистику. Туда, очевидно, не входит множество таких вот отравленных Иванов. Так что статистика намного шире и глубже. Чеченский ли терроризм, рука ли мирового глобализма, приговорившего к смерти Русское сельское хозяйство через вертикаль власти, ничего не видящих ментов – об этом мы вряд ли узнаем. Но кто-то с 93 года заливал российскую землю тоннами яда, и ни один из отравителей не был пойман милицией. Говорят, что палёная водка шла цистернами из Осетии, и что Беслан – это ответ небес на преступления против русской глубинки.

Оставшиеся на земле – это бесконечно терпеливые, молчаливые люди, понявшие за столетия покорности, что самое лучшее – это молчать, сносить всё тихо, не вынося сор из избы, не обращаясь ни к властям, ни к соседу, ни к другу. Каждый сам за себя, закона и правды нет на русской земле. Если хочешь выжить, то живи тихо и уединённо, терпи, молчи, таи все мысли тайные свои. Тихо и упрямо делай своё дело, если желаешь выжить. Когда станет невыносимо – ни

за что не пей! Отравят...

Недавно сгорела дотла соседняя деревенька Мокрятино. Сгорела она от того, что в конце апреля, когда сошёл снег и проступила сухая трава, один местный житель решил покурить. От его небрежного жеста, каким обычно курильщики выбрасывают хабарик, от этого жеста прошлогодняя трава загорелась, три дома в миг слизнуло, будто их никогда и не бывало на этой земле. Жители успели спастись, но у них не осталось ни дома, ни двора, ничего, кроме груды головешек. Пожарники пытались добиться от людей имени поджигателя. Все знали, кто поджог, но по православной традиции уповать только на суд Божий, имени поджигателя не называли. Поджигатель, как и вышеописанная продавщица, живут прежней, без изменений, жизнью. Ждут суда Божьего...

Зато законы в глубинке хорошо работают для добывания слабых, как в Незнайке на Луне. В тюрьме сидит женщина, мать троих детей, чей муж когда-то умер от палёной водки, и которая, в отчаянии, не нашла ничего лучшего, как украсть что-то из недр умирающего колхоза. Женщину поймали с поличным, посадили. Она сидит, дети её растут в интернате. Когда женщина выходит из тюрьмы, она уже не знает, как можно жить по-другому, она опять что-то ворует, её опять сажают. Я сфотографировала её голубой ветшающий дом с тремя окнами, возле него стоит старая мёртвая берёза, вся покрытая грибами, с отвалившейся верхушкой. Символ времён.

Год назад закрыли школу. Сначала она перестала быть средней школой, стала восьмилеткой. Потом превратилась в начальную школу для последних детей деревень в округе. Теперь и на начальную школу детей не собрать. За 15 лет население сократилось раза в три, остались те, кому уже за сорок и больше, да чуток юношества, которое ещё не успело из этих земель изойти. Появились дачники и беженцы, но это уже не те люди, которые могут быть свободными земледельцами и производить возобновляемый на земле продукт. Беженцы пребывают в страшной депрессии, вспоминая свою прошлую добротную жизнь в советских республиках и ужасаясь нынешней. Воспоминания мешают им осваивать эту новую, не самую плохую на свете землю. Год назад застрелился председатель пытающегося возродиться колхоза. Ему было 44 года. Сам ли застрелился, или ему кто помог? – из тех же сил, которые поставляют на эти земли тонны отравленной водки, которые сажают в тюрьмы вдов, которым поручили сокращать население и держать земли без сельского хозяйства.

За день до моего приезда вполне приличное здание опустевшей школы разгромили местные юноши и девушки после дискотеки в ещё не сдохшем местном клубе. А может и не они. Всё тут таинственно на земле.

Тенденции к лучшему типа попыток проводить день деревни, убрать сообща мусор с дорог, устроить праздник для

оставшегося народа, – они есть, они случаются, но как-то быстро обваливаются.

Зимой была уничтожена зверским образом местная библиотека. Вся деревня похаживала в этот неостывший культурный очаг, оставшийся от умершей школы. Библиотека была шикарной, она собиралась 100 лет, тут было много классики, редчайшие книги по краеведению, по истории Пушкинских мест. Зимой приехали грузовики и варварски увезли книги. И если бы для продажи в антикварную лавку! Или для макулатуры... Увы! Для выброса в помойку. Кто-то сверху отдал этот приказ. Смеловские проследили, куда поехал грузовик, потом нашли книги в канаве, самое ценное оттуда забрали себе, остальное кабаны читать будут на небесах...

Магазина ныне в селе нет, иногда сюда приезжают автолавки. Одна автолавка внимательно относится к нуждам людей, продавец всех знает по имени и старается привезти то, что купят. Другая автолавка настырно привозит по принципу «на тебе Боже, что нам не гоже».

Обустройство людей и зверей

Сергей отправился к своей лошади, пора было вспахать поле под картошку.

Лошадь Смеловские купили у цыган. В глубинке, как и 200 лет назад, лошадьми торгуют цыгане. Взнуздывать, объезжать, поить, кормить, чистить и подковывать, впрягать в

телегу и сани Сергей научился по столыпинской книжке... Садился вечером возле лампы, надевал очки и читал, выписывал в тетрадку, штудировал. И вообще всему Сергей научился по этой книге: принимать роды у коровы, лечить её от мастита, делать ульи для пчёл, чинить упряжь для лошади, выкармливать цыплят и телят, сажать вовремя картошку, по правилам вносить навоз в землю.

Прошло несколько лет, и деревенские коренные жители, увидев, как ладно ведут хозяйство Смеловские, стали к ним обращаться за советом, как к дипломированным специалистам. Из деревенских людей не нашёлся ни один, кто мог бы или хотел бы что-нибудь внятное объяснить начинающим землевладельцам. Даже старики деревенские в ответ на расспросы ехидно помалкивали. Жители села здороваться здоровались, но на этом человеческое участие заканчивалось. Эта стена молчания доводила Смеловских до исступления. Им хотелось общения, хождения в гости, бесед за чаем.

Лошадь помогла Смеловским сломать стену отчуждения. Лошадь давно уже стала в русской деревне невидалью, признаком особенного социального статуса. Я помню, как в Калининской области все, кому не лень, гоняли по русскому бездорожью на тракторах и комбайнах, прожигая безнаказанно общественное топливо, но вот лошадь имел только председатель колхоза, да ещё один, чрезвычайно зажиточный и процветающий колхозник с многочисленными родственными связями в верхах колхозных. А без лошади всё

равно было никак, во время весенней и осенней распутицы деревни превращались в оторванные от мира острова, куда даже и трактору «Кировцу» добраться было не по силам. Глиняные дороги превращались в пруды, чавкающие болота... Перебираться от деревни к деревне «Кировцы» и «Нивы» пытались по полям, по руслам рек. Отчего рядом с дорогой, похожей на овраги, вырастали такие же овраги и рвы, а от речек оставались плешины и омута, речка возле деревни моей бабушки просто сгнула. Некогда прекрасная речка, с камышами, утками, гусями, в которой ребятишки купались, а бабы полоскали бельё...

Смеловские быстро смекнули, что лошадь не зависит от цен на бензин, от времён года и состояния дорог. Лошадку им удалось вырастить хорошую, трудолюбивую. От долгого простоя без бороны, плуга, санок зимой, телеги летом, лошадка начинает скучать и хулиганить. Отвязывает зубами себя и козу от пут, и убегает с козой на поле побаловаться, побегать. Односельчане посмотрели на Смеловских с ехидством, а потом что-то поняли, и теперь почти у всех есть лошади, даже по нескольку...

Смеловские купили и корову, потом телята пошли, потом было две коровы. Сейчас ни одной. Смеловские постарели, устали от этого обслуживания непрерывного природного молокозавода, да и молока им уже в таком количестве не надо. Дети, внуки подросли, уехали в город учиться в университе-

тах, консерваториях, всё же гены интеллигентов в нескольких поколениях дают знать о себе.

Бывшие горожане Смеловские не могут до конца стать сельскими жителями. Особенно это сказывается, когда сельская жизнь требует необходимого расставания с домашними животными. Смеловские так и не смогли съесть ни одной из своих кур, куры умирают у них своей смертью. Зато бывшие геологи узнали, сколько лет живёт петух. Петух у них прожил 11 лет и умер жарким летом, очевидно, от старческого инсульта. Несколько раз, внешне молодой и роскошный, без всяких там седых перьев, петух-старичок падал оземь вверх лапами, типа терял сознание. Но потом вставал и продолжал свою жизнедеятельность как ни в чём не бывало. Пока, наконец, не околел окончательно.

Особая статья – кошки. По интеллигентской привычке Смеловские не топят котят. К тому же любая кошка – это судьба. Кого-то подобрали дети в городе и привезли в деревню, какая-то живая хвостатая тварь сама пришла, неведомо откуда. Добродушные Смеловские с ухмылочками вникают в кошачьи проблемки.

Мы прошли за баньку к глубокому пруду. Смеловский достал из садка живую рыбу. Возле прудика выстроилась очередь из кошек, началась раздача карасей на обед. Караси у Смеловых хороши: ровные, круглые, крупные... К вечеру Сергей нажарил их, это было редкое экзотическое обеде-

нье, коричневые в масле карасики.

Сергей рассказал, что любит поохотиться. В ближайших лесах водятся лоси, кабаны, лисы, зайцы, куницы, еноты. 1 августа, когда открывается охота на уток, над местным озером стоит канонада выстрелов, опустевшие от земледельцев земли наполняются огромным количеством охотников. Огорчает то, что зайцев становится всё меньше, зайчата гибнут весной от весеннего пала прошлогодней травы. А трава горит от хабариков расслабленных курильщиков. Ещё трава горит от поджигаемых гор мусора. Глобализация пришла в глубинку со своими чудовищными неэкологичными упаковками, мусороперерабатывающие заводы не построены, увоз мусора отсутствует. Мусор варварски жгут пару раз в год, и диоксиды, подобно чернобыльскому шлейфу, щедро пропитывают русские земли. У нас никто в течение 100 ближайших лет не захочет покупать молоко и овощи.

Майский снег

Ярослава совсем раскапризничалась, ей нужно было внимание взрослых, но все они были заняты. Дед запряг лошадку и пахал, управляя плугом и лошадьё. На вывороченную свежую коричневую землю прибежали куры, червячков клевать. Они смешно выпрыгивали из-под копыт. Татьяна готовила обед. Все что-то делали. Козлик влез на ветлу и обгрызал кору с неё.

Я с Леной и Ярославой пошла на озеро. По дороге мне показали старый барский сарай, сложенный из камней, с древней крышей, крытой дранкой. У сарая стояла высокая ель с отломанной ураганом верхушкой, на ней аисты построили двухэтажное гнездо. В верхнем, как куклы с пластмассовыми розоватыми носами, сидели три аистёнка и два их родителя, с вниманием следящие за нашим передвижением. Места здесь были благодатные. Вдали, на холмах, матово зеленели первыми листочками берёзовые леса. Испускали дурманящий земной аромат вспаханные нарезы земли, солнце то улыбалось и грело, то пряталось за туманные набегавшие тучки, озеро серебрилось, травка качала своими стрелками на ветру.

Лена училась в аспирантуре, это была девушка с античной фигурой и античной головкой, всё это было неправильно упаковано в спортивную одежду, в джинсы и куртку с американской надписью. Девушка недавно прошла стажировку в США, привезла оттуда эти шмотки. Увы, это всё не шло ей, она чувствовала, что что-то не так. Платье, юбочка – вот лучшая одежда девушки во все времена.

Мы возвращались к дому, когда вдруг повалил снег, сначала крупными редкими хлопьями, потом стеной из пляшущих шариков. Одуванчики выглядывали из снега своими глянцевыми щёчками, как моржи в проруби. Зелень превратилась в бело-зелёные пространства, из снега как на голландских пейзажах выглядывали старые деревья с сучьями,

не успевшими так сильно, как берёзы, зазеленеть. Снег шёл и шёл, я увидела на лугу возле озера, почти уже полностью занесённом снегом, штук пять журавлей. Они прилетели на родное озеро и радостно плясали под пеленой снега.

Вечером Сергей принёс с чердака неподъёмные портфели с образцами пород, со всякими агатами, сердоликами, срезами малахитов... Сергей стал интересно рассказывать о камнях. Стало грустно: Смеловские, высококвалифицированные специалисты, знатоки своего дела, разведчики недр земли, могли быть весьма востребованы со своими знаниями в новой России, да и в любой стране, а оказались за бортом кипящей жизни, лет на 20 раньше, чем нужно, ушли на обочину, в узкую индивидуальную семейную жизнь.

Лена села за пианино и сыграла довольно недурно Чайковского. Мне эта девушка представилась в длинном платье с открытыми плечиками, с перехваченной талией, с буколками над ушами, которые бы прелестно подчеркнули бы её греческий носик и античный овал лица. Не в то время она родилась, не в то...

Я в своём очерке называла всех совокупных людей, с которыми провела эти три дня, Смеловскими. На самом деле, когда я записывала имена своих персонажей, я удивилась, что у всех фамилии разные: и у хозяйки Татьяны, и у хозяина Сергея, и у Лены, и у Яши, и у Ярославы. Татьяна Марковна сначала стала диктовать мне всё это пёстрое разнообразие, но потом вдруг сказала: «Знаете что, напишите, что все мы

Смеловские. По фамилии Сергея Матвеевича»

Порхов

Мы за продуктами поехали в ближайший Порхов. День был праздничный, воскресный. Жизнь пустого с виду городка, состоящего преимущественно из русских народных деревянных коттеджей, вросших в землю, в три окна, концентрировалась на главной площади. Промтоварные магазины были закрыты, хотя было странно – народ съехался по случаю праздника за праздничной провизией. На рынке торговали толстыми, наверное, генетически изменёнными турецкими яблоками, китайскими грушами, греческими киви. Происхождение лесных коричневых орехов так и не удалось узнать, была надежда, что всё же местные. Все леса вокруг поросли орешником... А так – знакомая картина: баночки, сраночки, скляночки, пластиковые упаковочки, бутылки с напитками, крикливые слащавые картинки и названия, низкое качество густо приправленного химией продукта. Весь этот глобалистский фабричный ужас еды с ароматизаторами и красителями, абсолютно одинаковый во всём мире, во всех странах, городах и сёлах... Из местного было только мясо, сало и молочные продукты, кое-кто продавал мёд и яйца со своего хозяйства. Колбасу и мороженое, произведённые в местных цехах, посоветовали брать с осторожностью – часто бывает несвежее, просроченное. Радовала местная бул-

ка. Её единственную хотелось увезти с собой как сувенир об этом местечке. У булки была своя индивидуальность, свои пропорции, даже веселье какое-то русское было в местных калачах и рогаликах. Единственное, что в России осталось своего – это булки и хлеба, в каждом городке и селе со своим хлебозаводом – разные, часто очень вкусные. Хотя мука, из которой всё это делается, может тоже уже из глобалистских закромов...

По раздолбанной дороге мы мчались из Псковской губернии обратно в Питер, мимо деревенок, кажущихся мёртвыми и безлюдными, мимо поросших кустарником колхозных полей, мимо порубленных лесов с пролысынами, мимо бесконечных фур, куда-то из страны везущих наш лес, наши сосны и берёзы. Вдоль трассы летал полиэтилен, дымились чёрные язвы весеннего пала, белели ямы с мусором из разнообразных упаковок, который наша страна не готова перерабатывать. Ближе к городам куски земель, изгаженных какими-то лачугами, парниками и стоячими туалетами, перемежались с кусками земель, плотно застроенных коттеджами. Русские пейзажи вдалеке были прекрасны, кой-где, к великой радости, встречались гнёзда с аистами...

Хельсинки(февраль 2006)

Вставай, Финляндия!

Вечером, в 8 часов я вдруг встрепенулась перед присасывающим оком телевизора, сказала сыну-подростку, который протирает глаза от дневного сна после школы: «Вставай, едем в Финляндию». Мы встали и поехали, на первом попавшемся автобусе от площади Восстания. Благо на руках были первые в нашей жизни загранпаспорта с финскими визами.

На границе я почувствовала себя героиней фильма про Освенцим и войну. «Встать! Взять с собой паспорта и все свои вещи! Выйти из автобуса! Пройти на пост таможни!». Суровые женщины в серых формах, похожие на эсэсовок из кино, быстро потрошили цепкими глазами наши аусвайсы. Женщины были одинаковыми и на русской стороне, и на финской. Безупречные мужчины могли бы сыграть какого-нибудь штурман-фюрера. Но когда в глубокой ночи мы переехали-таки границу тела нашей дебелой и необъятной родины, вдруг в сонной душе проснулась какая-то песнь. Мы же едем в Финляндию, ледяную и тёплую Финляндию, чистую Финляндию, эту страну работающих аккуратных Хоббитов, в страну светлых рациональных хоботов и снежинок, как это хорошо, как это здорово! Мысль переходила в иррациональную песнь радости.

Проснулись в Хельсинки в 5 утра по нашему, в ихние 4 утра р.т.. Весь город в эту ночь с субботы на воскресенье гулял. На первых этажах чётких скандинавских параллелепипедов горел свет, по улицам всюду бродили молодые и средних лет финны: по одному, влюблёнными парочками, пара-

ми однополыми заигрывающими, горстками и компаниями. У остановок такси выстроились послушные длиннющие очереди. Это, наверное, были ребята, приехавшие из пригородов в столицу за развлечениями и общением, а теперь уезжавшие на хутора домой. Многие были по-детски пьяненькими, они уморительно спотыкались, делали неверные юмористические жесты. Один человек – единственный на весь город – упал на изумительно чистую панель, как сахаром присыпанную тающим снежком. Тут же вокруг него собралась толпа, в ту же секунду к нему подъехали копы на красивой, какой-то игрушечной полицейской машине с игрушечным ярким полицейским звуком.

У нас милицейские машины обычно помятые и с тусклым звуком. Милиционеры в машинах сидят приплюснутые, невидимые ясно издали. Наши милицейские машины как бы крадутся, чтобы выскочить из засады и засечь уже свершённый грех. Финские полицейские были как светлые ангелы, они издали дудели в свою иерихонскую трубу, чтобы грешники уже издали усмиряли свои дурные наклонности.

Наш автобус, на котором мы приехали, превратился в неудобное лежбище для спанья. Нам сказали: «Если вы сейчас выйдете, то уже не войдёте обратно до 10 утра. Мы закроемся и будем спать, никого не пустим». Мы пошли гулять.

Город был чистым и безопасным, немногочисленные негры и арабы выглядели игрушечными и кукольными.

Правда, толпы веселых людей быстро рассосались и исчезли, а недавно переполненные кафе и бары, и даже макдональдсы вдруг в миг оказались закрытыми. «Нет, это неправильно! Гулять так гулять! Это не по-русски! Даже у нас есть ночью куда пойти и где потусоваться до рассвета!» Хотелось в туалет, но всё было закрыто, и все газоны и дома были закрыты, лишь в одном темном месте у забора ужасно воняло хлоркой и мочой; мы поняли, что туда кто-то любит мочиться, а кто-то борется с этим.

Мы долго брели по пустым мокрым улицам, присыпанным чистыми хрусталиками снега, и выбрались в порт, к широконосим паромам и лайнерам. Они сказочно светились над раскрошенным льдом. Свежие человеческие следы одинокого человека вели вглубь. Мы смекнули, что там что-то есть такое, куда можно войти и погреться. Это оказался морской вокзал, абсолютно пустынный и сверкающий от чистоты. Дверцы как в сказке про «Аленький цветочек» сами собой открылись, разве что скатерти-самобранки и голоса невидимых слуг не было в пустом зале. Ни одного бомжа, прости господи, с вонючими ягодицами, как выразился поэт Родионов! Ну, прямо как при советской власти, почтим её память вставанием. Мы прилегли на деревянные скамьи и покемарили.

В 7 р.т. запахло кофе, пунктуальная финская буфетчица распахнула жалюзи и показала миру свой буфет, где самая жалкая плюшка, ну прямо мелкий плевок муки с сахаром на

противень, стоила целых 2 евро – то бишь больше полсотни наших родных рублей. Спасибо, не надо, у нас с собой была пара отличных бутербродов из Выборга, каждый в два раза дешевле и в три раза вкуснее. А кофе у финнов оказалось плохим, причём везде. Восточный напиток не прижился во всей роскоши на северной сдержанной земле. В отличие от Питера, где много есть мест, где можно отведать отлично сваренного кофе, ведь петербуржцы – это известные на севере «кофейники».

Солнце встало, бодрость проснулась в членах, за окном, куда ни кинь взор, всюду были фрагменты и цельные панорамы сдержанного скандинавского дизайна. Дизайном были морские разноцветные контейнеры, в совокупности являвшие собой чистую живопись из ржаво-зелёно-бордовых тонов. Живописью был паром с салатным брюхом. Живописными были канаты изумрудного и жёлтого цвета, за которые была прицеплена к берегу тёмно-зелёная баржа. Даже унылый павильон, прицепленный к старинному кирпичному сооружению, казался дизайном. Его ребристая, из какого-то металла поверхность, очень хорошо сочеталась с тёмно-коричневыми кустами под ним. Дальше начинался город из аккуратных домов, сделанных при помощи эстетики клетки и квадрата. Даже такая вещь, как квадрат, может быть обыгранна при помощи полутонов и чередования размеров как дизайн. В довершение по набережной проехался изысканный, ярко жёлтый, как цыплёнок, трактор, убиравший набереж-

ную от чистой слизи снега. Это был уже движущийся дизайн, внёсший в тонкую коричнево-серо-бежевую гамму города свой весёлый плевок.

Далее всё в Хельсинки оказалось дизайном. Я не переставала дивиться, как так изящно можно обыграть серые панельные дома. Небольшой продуманный штрих, тонко подобранный колёр цвета фонарных столбов, чуть иная, чем у нас, гамма дорожных знаков, продуманные, неслучайные витрины – и уже, куда не кинь взгляд – всё покрыто сверху могучим разумом человека-художника, любой фрагмент городской материи – это созвучие колоритов, разливающееся удовольствием по глазам, мозгам и даже телу, изболевшемуся от скуки петербургских спальных районов. «Нет! Такого не может быть! У них должны быть некрасивые спальные районы для бедных, как у нас!» – воскликнул мой сын-подросток. Мы долго бродили по Хельсинки в поисках районов, лишённых клетчатого скандинавского дизайна, и не нашли таковых.

Сто раз можно чему-то учить наших студентов художественных вузов, но главное- это эстетический вкус городских начальников, которые дают добро на ту или иную манипуляцию над городом. У финнов, похоже, это начальники со вкусом.

Я пыталась понять феномен пресловутой финской чистоты, о которой все говорят. Я поняла, в чём дело! Во-первых, панельные финские дома, которые, как и у нас, слеплены

по принципу детского конструктора, не имеют безобразных швов. Эти швы чем-то качественным аккуратно заглажены. Домик становится от этого гладким, имеет новорожденный девственный вид. Наши же дома, даже недавно построенные, имеют вид такой, будто они пережили бомбёжки, наводнения, голод и разруху, панельные дома в трещинах, с безобразными швами. Ещё секрет – это финские окна. Аккуратно выкрашенные рамы, промытые стёкла. У нас окна у людей часто донельзя загажены, у многих окна просто с трещинами и отколотыми кусками, за окнами выглядывают пожелтелые газеты, фанера, старые замученные жизнью занавески, которые хозяева не меняли из равнодушия к мелочам жизни лет 30-40. Может, за теми окнами и живёт какой-нибудь замечательный русский человек, обладающий талантами, мыслями, увлечениями, но если он скрывается за таким гадким окном и такой гадкой шторой, то это такая тоска волчья, такая тоска! И ещё к куче – финские лоджии. Они сплошь из стекла, и за их прозрачностью – полное отсутствие хлама. Наши лоджии – это кладовки для бытового хлама, покалеченных стульев, пустых банок. Финны, судя по лоджиям и балконам – сплошь эстеты. Пара стульев, пальма в кадке, столик, ничем не заваленный. В углу – малая скульптура, или несколько таковых. Особенно много среди них абстрактных, которые дают больше воли для фантазий и созерцаний.

Скульптуры повсюду – на перекрёстках, в скверах, во дворах. В одном дворе мы увидели на вершине срубленной бе-

рёзы деревянную скульптуру ястреба. На башне нашли граффити с розовым изображением символа Бурзума и подписью в виде молнии – знак Перуна. Язычество рулит.

Ещё, удивительным образом у финнов складываются отношения живой земли и городской панели. Я поняла, почему у нас такая грязь. Куда бы ни пошёл, всюду ноги в демисезон скользят по какой-то коричневой жиже. Неясно, откуда она берётся. Сейчас я поняла. У нас ужасны стыки газонов и асфальта. Земля вечно сквозь дырки вытекает на асфальт. Что-то чуть-чуть не додумано, не тот уровень взят поверхности, некуда талым водам всасываться, и вот течет грязь в дыры и зазоры между поребриками. Мелочи жизни, мелкие недодуманности, но от них ужасные такие вселенские бытовые последствия. Брюха у машин в коричневой корочке, как у свиной. Ботинки грязные. И уже теряется целостность чистого облика. Уже грязные подошвы требуют серой немаркой одежки. Уже от одежки такой – депресняк и неуверенность в своей красоте. Уже и внутри дома лень полы мыть. И на лестницу хочется плюнуть несколько раз. И хабарик не грех в жижицу-то навозную у краёв асфальта скинуть. И вот уж не город, а свинья в ухабах, в летающих мусорах, в навозцах, миргородских лужах, в которых от своей многолетности и неистребимости уже и тина завелась, и камыш вывелся. Ей-ей, у нас во дворах есть такие лужи с зелёным мхом в асфальте на проезжей части, которые обойти можно, только цепляясь зубами за кусты.

У финнов даже в сельской местности во дворах за заборами нет хлама! Изумительно! У них пустые сельские дворы, без старых тазов, позабытого бревна, кучки хвороста и бесколёсного велосипеда, а также старой бочки с дырой, которую можно ещё заделать! Зато у нас надежда на творческую переделку старых вещей есть, а у них нет.

Добро в виде пустых пластиковых бутылок, которые ковром покрывают в России леса, луга, болота и степи, финны у себя собирают. В 8 р.т. мы видели розового толстого чистенького финна, который шарил по помойкам и собирал в пакеты эти самые пластиковые бутылки.

Велосипеды на улицах Финляндии встречаются всюду – бесхозные, без замков. Надо – сел и поехал. Оставишь в конечной точке. А там его кто-нибудь другой возьмёт и поедет куда надо. Разумный круговорот велосипедов в природе. Говорят, что за небольшую оплату через банкоматы.

По поводу чистоты финского снега. Может, это машины меньше газов выделяют. Границу с Россией можно отличить по цвету снега. Резко после проволочного заборчика – снег чёрный. Ещё переёденную границу можно почувствовать по ощущениям задницы. Начинает на асфальте сильно подбрасывать. «Стало быть, родина», – говорят глаза и задница.

Австрия(апрель 2006)

Острые Альпы, нежный Дунай

В шпионском поезде

Пригласили меня в Вену представители литературного центра под названием «Старая кузница», где должна была пройти презентация моей книги стихов «Рай и ад», изданная в Вене билингва на русском и немецком. Но мой шестнадцатилетний сын Саша взмолился, чтобы я его взяла с собой. Я списалась с кураторами, и мне разрешили взять с собой сына. Чтобы вдвое сэкономить деньги, мы поехали на поезде, а не на самолёте. И это было правильно.

Сначала мы увидели, во что превратилась Россия. Как будто прошла война. Разрушенные заводы, из которых проросли плаксивые берёзки. Будто после бомбёжки коровники социализма. Дома погорелые, дома с выбитыми окнами, дома с проломленными кровлями. Поросшие кустом поля. Мусор, мусор всюду – в любой ямке и канаве. При такой разрухе и обезлюденности было непонятно, кто весь этот хлам производит. Леса были такими, будто там были бои. Деревья, обкусанные пополам, завалившиеся друг на друга. Кто-то вырубал деревья вдоль рельсов, и они так и гнили, никому не нужные загубленные растительные души. Попадались длинные старые линии электропередач, одни столбы покосились, другие завалились, провода провисли или порвались. Рядом была проложена новая линия с новыми столбами и проводами, но старую линию никто не убрал. Разруха и нищета, беспорядок и хаос... На заплюзганных русских стан-

циях слонялись алкаши обоих полов, бомжового вида люди с авоськами. Война, как будто была война...

Потом мы пересекли границу с Белоруссией. И попали в иную схему развития постсоветского пространства. Мы увидели ухоженные поля Белоруссии, чистые, ровно стоящие леса, аккуратные скромные домики. Когда я увидела первый за сутки поездки голубой трактор, который, пыхтя, пахал землю, я прослезилась. Потом мы увидели аккуратные нарезки полей и садов Польши, каких-то летающих длиннохвостых петухов – это были фазаны. Весь мир встречал весну сельскохозяйственным трудом, кроме убитой и преданной России.

Австрийский вагон оказался отвратительным, сделанным в годы «холодной войны». Вагон был узким, купе были тесными, трёхместными, люди должны были спать в узких щелях друг над другом, занимая даже и третью полку, которая в нормальных человеческих советских вагонах была багажной. Сидеть нужно было втроем на нижней койке и пялиться на стену, а не друг на друга. Да и койки были узкими, вместо столика было сооружение, похожее на писсуар. Может быть, это и был писсуар в старину советскую, когда русских туристов запирали в купе на границе, чтобы они не выскочили и не убежали на свободный запад. Всё было на кнопках и винтах, а ключ от винтов и кнопок был у проводника, наверное, чтобы через границу нельзя было провезти контрабанду или шпионские штучки резидентам передать. Пограничники че-

тырѣх стран испугивали нас по ночам, проверяя паспорта и штампуя странички. Особенно нас поразили холодные и безупречно красивые пограничники Белоруссии.

В соседнем купе ехали дикие монголы, не знавшие никаких языков, кроме родного, их вѣз, как баранов, какой-то более продвинутый монгол на какие-то работы в Австрию. И чего там могли в Австрии делать эти очень дикие и замшелые люди? Монголы везли огромный чан для приготовления себе варварской еды, который еле влез им в купе. Из-за какого-то очередного идиотского карантина через границы было запрещено перевозить куру, а именно жареных кур монголы постоянно и ели. В Бресте наш поезд менял колёса, поезд поднимался на рычагах, из него вынимали родные колёса и вставляли колёса вражды, узкие, скудные, сделанные в условиях вечной скудности, жадности, расчётливости, экономии всего хотя бы на сантиметр. Тьфу, противно это было после вольготных купе для развесистых русских задниц... Польский пограничник набросился на наших родных уже монголов, он их обнюхал наподобие овчарки и произнёс на русском: «Курррра! Курррра!», но монголы прикинулись чайниками, хитровански успев косточки куда-то глубоко спрятать. Пограничник обшмонал их довольно грубо, но ничего не мог с ними поделать. Рано утром мы прибыли в голубую туманную Вену, встречала нас моя переводчица Элизабет Намдер-Пушер со своими друзьями: инвалидом-поэтом Робертом и анархической подружкой Лизой.

У Элизабет

Элизабет великолепно знала русский язык благодаря тому, что работала с чеченскими беженцами переводчицей. В её большой квартире в центре Вены, обставленной деревянной мебелью в хипповском стиле, была неплохая русско-австрийская библиотека. Особенно меня поразили толстенные медицинские русско-австрийские словари. Анархистка, коммунистка и атеистка Элизабет, худенькая, крепкая, как крепкие корни южных деревьев, сероглазая и черноволосая, она первым делом задала мне вопрос, как я отношусь к чеченцам, не считаю ли их всех бандитами? Я сказала: «Нет, конечно, они разные бывают!». Хотя потом я стала сомневаться в своём абстрактном гуманизме. Мы вскоре увидели, что чеченцы проели все мозги доверчивым европейцам. Они нас русских оболгали перед всей Европой ради своих делишек. Они плели невероятную ложь про русские власти, про какое-то невероятное оружие, которое против них применяли, про то, что русские ловили чеченцев, сажали их в ямы и требовали выкупа у родных. Я даже расхохоталась, услышав такой перевёртыш. Я пыталась объяснить Элизабет, что русские могут убить, но держать в яме они не умеют. Зиндан – это восточная древняя чеченская развлекуха по добыче денег у русских, о ней ещё Лев Толстой писал. Ещё Лев Толстой описывал чеченцев как дикий народ, который работать не хочет и предпочитает разбой на дорогах, ловлю людей и вымогание выкупа за них. Они этим тысячи лет уже зани-

маются. Увы, бедная Элизабет обиделась на мой смех, она сказала, что нас русских наша власть зазобмировала, и что её чеченцы рассказывают о чудовищных пытках, которым их русские подвергали. Для того, чтобы понять ужас телесных повреждений, Элизабет и нужен был толстый медицинский словарь. Я сказала, что понятно, что чеченцам хочется пристроиться в жирную Европу на жирные пособия и в хорошие европейские квартиры с удобствами после их избышек из кизяка, и для этого они будут изо всех сил врать о своих болячках и страданиях, это у них чисто восточная хитрость такая. Любой прыщ или шрам будут объяснять пытками. Элизабет надула губки, и больше мы про чеченцев не разговаривали...

Меня Элизабет поселила в свою хипповскую эротичную комнату с двухъярусной кроватью, сын спал надо мной, но мой нижний этаж был весь в зеркалах и сбоку и сверху, наверное, для изысканной эротики. Ванная у Элизабет была тоже пикантной, дверцы не закрывались, одна из стен была из прозрачного кирпича... Европейская эротика... Ещё нас поразила лестница в доме – с питьевыми фонтанчиками на этажах, с лепниной и мозаичным панно в стиле модерн. Да, у них не было Шариковых и блокады, ЖЭКов и совка. Никто разруху не устраивал. Во дворе всё было в траве и цветах, цвели роскошные весенние деревья и плющи, свистели меланхоличные весенние птицы, над песочной дорожкой на верёвках сушилось бельё... В центре большого города...

Кузница поэзии

«Старая кузница» находилась в старинном средневековом квартале, в самом сердце Вены, в одной из кривых, мощённых булыжником улиц. Рядом с музеем, где можно посмотреть на грубые профессиональные приспособления кузнецов, был выстроен чистый белый куб, в нём с трёх сторон высятся друг над другом скамейки, в центре – небольшая площадка для выступающих литераторов. Выступления поэтов и писателей местного и международного разлива проходят практически каждый день. О мероприятиях существует информация в прессе, выступления литераторов оплачиваются за счёт грантов Евросоюза.

В первый же день мы отправились в «Старую кузницу», чтобы получить гонорар и познакомиться с начальством. В «Старой кузнице» в тот день зажигал Пригов. Ох уж эта тусовка, куда ни попадёшь, всюду знакомое лицо ты найдёшь. Многоликий Пригов представлял свою новую прозу. Проза у Пригова была очень скучная, если вещи назвать своими именами. Зал заметно ожил, когда Пригов стал отвечать на вопросы о жизни и смерти концептуализма, и прямо-таки закипел при заключительном аккорде, когда Дмитрий Александрович прочитал «Мой дядя самых честных правил» Александра Сергеевича в виде мантры с громкими завываниями.

Мне же сначала пришлось выступить в небольшом клубе «Виенцалле», почти как две капли воды похожем на наш «Борей». Андеграунды всех стран любят подвалы и цокольные помещения. Да и сама Вена чрезвычайно похожа на Пе-

тербург. Множество домов в стиле модерн с лепниной и маскаронами, много живописного сумрачного цвета стен, дворы колодцы с одинокой птичкой. Вот только без следов разрухи и без свинцовой пыли на стенах.

Перед тем как выступить в «Виенцалле», мы пошли с Элизабет и ещё целой компанией в Бургтеатр, на премьеру пьесы австрийской нобелевской лауреатки Эльфриды Елинек под названием «Ульрика и Мария Тереза». Одну из книг Елинек я читала на русском языке. Жёсткая проза. Театр меня порадовал публикой – такие же, как в России, интеллигенты, жаждущие испить культуры, милые девушки и юноши, мужчины и женщины, романтические пары и упорные театралы-одиночки... Действо не отпускаяло ни на минуту, вызывало волнение даже без знания немецкого языка. Публике на первых рядах выдали плащи из полиэтилена. Действо было такое: два мужика оделись женскими лонами, в вытянутые меха, и оттуда кричали феминистические тексты. Потом вышло много голых мужиков, на сраме у них были маски хрюшек. Потом вынесли картонные карикатуры на верховную власть Вены и Австрии – на премьер-министра, канцлера и мэра, у них были пририсованы большие члены. Потом мужики стали кидаться красками, поливаться водой, устроили ужасное свинство на сцене и ещё пускали струи в зрителей первых рядов. Почему-то и так всё было понятно без знания языка, о чём это. Очевидно, постановка была в духе школы Мейерхольда. Много пластики тел, жестов, музыки,

действия, эмоций. Я подумала – вот как надо читать стихи, чтобы люди, не зная языка, всё поняли.

И я так и сделала.

Небольшая аудитория в «Виенцалле» начала разогреваться и вспыхивать только от одной интонации и музыки стиха. Элизабет шепнула мне, что я превзошла все её ожидания, и стала мне подражать в манере исполнения. Мы получали по две порции аплодисментов и восторгов, первые от русского ритма и эмоций, вторые – от смысла стихов. Некоторые стихи вызывали бурное негодование. Один крепкий мужик вскочил, стал ругаться на немецком и стучать по столу кулаком. Другие стихи вызывали нарастающий восторг. Огромный человек по имени Мишель, байкерского вида, орал и стучал в ладоши над головой. Кончилось всё братанием. Из-за прилавка вышла женщина в белом переднике, типа женщина-буфетчица, она смахивала слезу, и бросилась меня целовать и обнимать. Я уже к этому привыкла, что мои стихи нравятся больше всего простому народу: охранникам, буфетчицам, пожарникам и официанткам, и тут было всё как в России.

Какой-то нервный человек с красивым голосом и размеренными глубокими интонациями – почему-то сразу было ясно, что он поэт, – подошёл ко мне и сказал, глядя в глаза, на немецком и английском языке: «Госпожа Дудина! Вы большой поэт! Хотя почему вы не знаете немецкого?!» Кто-то кому-то объяснял: «Ей не надо уметь говорить по-немецки,

достаточно того, что она умеет хорошо писать стихи!» Мне этот нервный поэт понравился, и мне было жаль, что я не знаю языка. Похожий на лысого пирата грозный Гюнтер Гейгер, благодаря которому стихи мои были изданы, гордо кричал: «Это я её нашёл! В Петербурге, на Пушкинской-10». Впрочем, вся эта очаровательная разношёрстная австрийская богема была охвачена каким-то жарким порывом и изумлением от того, что чьи-то стихи в наше время могут вызывать столько пронзительных эмоций. Особенно на «ура» пошли стихи о трупаре, олицетворяющем «разрывы линий» и гуляющем по Невскому, о бомжах, пьющих кровь из мента, о пламени эроса посреди революционных могил на Марсовом поле и про протруберанцы, которые на моей голове развешаются как гады.

В «Старой кузнице» мой вечер назывался «Путь на Восток». Кроме меня выступал Гюнтер Гейгер, он зачитывал главы из книги «Дельта Лены» о своём путешествии по Сибири, а также выступал со своей прозой австриец Александр Пир, чей дедушка был славянином. Из русских зрителей были Спирихин и джазовый музыкант Александр Фишер. Австрийская публика была разношёрстной, состояла из чинных дам в шляпках, девушек и юношей, любящих литературу, людей постарше, а также из виенцальской пёстрой богемы. Мои стихи по-немецки читали Элизабет Намдар-Пушер и Рената Зунига, представительница «Старой кузницы». Рената сказала, что ей очень нравятся мои стихи, и что она хо-

чет читать их вслух. Мы по пунктам обсудили каждое стихотворение, которое будет прочитано. Эта немецкая пунктуальность и щепетильное внимание к мелочам меня изумило.

Меня поразили строгие дамы в шляпках, сидевшие в первом ряду. Они привыкли к скучной поэзии и лица у них были ледяные. Но нам с Элизабет удалось их разжечь. Особо они разожглись при стихах о том, что любовь – это онанизм, и люди используют друг друга, мечтая о чём-то несостоявшемся. Дамы сначала чопорно смотрели на нас с Элизабет, а потом начали кивать головами и в конце уже почти вскрикивали: «Йя! Йя! Да! Это так!»

Перед моим выступлением на стену проецировался фильм Аси Немченок «Рваное небо», представлявший собой свободные видеоассоциации на тему моих стихов. Для тех, кто любит воспринимать через глаза более, чем через уши. Особенно всех привлёк кадр с голым мужчиной, снятым с тыла. Интересно, что Ася предвосхитила некое дуновение – вся Вена была наводнена плакатами с изображениями подобно снятого мужчины, правда он был не так красив, и его мучил некий крест на спине.

В конце вечера ко мне вышел огромный рыжий бородатый человек, очень похожий на Карабаса Барабаса, и дал мне от себя лично хорошенькую сумму денег.

По Вене

Потом мы шли по ночной Вене, Элизабет говорила мне: «Вот на этой улице мы два года выходили на демонстрации,

стояли с плакатами и транспарантами. Вот тут мы ночевали в палатках, среди борцов активисткой была Эльфрида Елинек. Вот здесь была жаркая борьба с властями и полицейскими...» Я изумлялась. Мирная благополучная Вена представляла как бесконечная арена борьбы народа с властями, общества с государством, народного рационального сознания о порядке и справедливости с жадностью и безответственностью правящей верхушки. Показательно то, что последняя в те времена часто проигрывала. Народ оказывался более сплочённым и более настырным. Самой главной победой Элизабет считает то, что австрийцы настояли на своём и не позволили построить на своей чудесной чистой земле атомную станцию.

Студент Макс, квартиросъёмщик Элизабет, отвёл нас на станцию метро Карлплац, которую захотел обязательно показать нам. Длинные скучные переходы были оживлены инсталляциями художника Кен Лума. На прозрачном пластике виднелись белые надписи. Под ними жили своей жизнью зелёные числа: одни поменьше, другие гигантских размеров. Их объединяло то, что последняя цифра, как правило, была живой, она или медленно сменялась другой или прыгала как зайчик. Одно число означало число лет, которое осталось до полного распада атомных отходов после аварии на Чернобыльской АЭС. Другое означало количество шницелей, съеденных австрийцами в этом году. Мы с сыном Сашей удовлетворённо погладили свои брюшки, в которых несколько штук

из этого числа попало. Кстати, австрийские шницели были отличными, повара не жмотничали и отваливали на тарелку приличный шмат мяса с картошкой. Непривычно было то, что всё это приправлялось уксусом. Ещё одно число показывало количество мусора, которое жители Вены выбросили на данную минуту. Было количество людей на земном шаре, ежесекундно меняющееся. И так далее. Самым длинным было число пи, состоящее из бесконечных циферек, на табло высвечивались последние данные по поводу точного количества этих циферек.

Сама Вена поразила ощущением безопасности. Казалось, что тут можно безнаказанно и в любом виде гулять и ночью, и вечером, никто не тронет и не ограбит. Порадовала прогулочная зона вдоль Дунайского канала. Всюду на скамеечках сидели венские жители, очень напомилавшие структуру типажей Питера. Люмпен-интеллигенты дионисийского типа с корявостями поведения и судьбы, с бутылками и хохотками; романтические девы и юноши; одинокие любители здорового бега; старички, дышащие на природе; молодые родители с колясочками. Много было стариков, бегающих с двумя лыжными палками, они были похожи на сошедших с ума лыжников, которые бегают без лыж, когда снег уже растаял. Оказалось, что это новая европейская оздоровительная мода – «нордик волк», «северная прогулка», поддерживающая мышцы подмышек и сердца.

Экзотикой были несуразные мусульмане. На скамьях среди оживавшей серой австрийской природы встречались чудовищные бабы, замотанные в ткани с ног до пят. Они сидели этакими скалами, а физиии их были похожи на дзоты с прорезами для пулемёта. Возле них прыгали детки, рядом порой сидел старик или муж восточного дикого вида с всклокоченной бородой. Эти люди были тут как перенесённые ковром самолётом из другой реальности, непонятно было, чего они тут делают, у них же там где-то осталось их родное приволье, иное солнце, иная пыль и дома, где они смотрелись бы адекватно и уместно. Чего они делают в изящной нервной утончённой Вене? Неужели будут слушать Моцарта и читать Гессе? Или это крутые специалисты в редких областях науки и техники? Что-то непохоже было. Эти люди были явно из деревенской глубинки Арабии. Их сюда еврокомиссары с протухшими от маразматического рационализма мозгами заселяли на расплод, для своих фашистско-коммунистических целей по смешению рас, а затем сокращению всех одним махом. Но прибывшие люди этого не понимали. Я размышляла о том, что у людей всё же есть выбор и судьба, и уж лучше чахлая Европа пусть вымирает в комфорте и эгоизме, чем вот так вот грубо её смешивать с дикими пришлецами. Брак старой маразматички и арабского жеребца карикатурен и аморален.

Встретились в Вене и настоящие бомжи, как и у нас возле вокзала, грязные, зашуганные, вонючие и хулиганистые,

правда, их происхождение было неясное, вроде как из Румынии.

Электростанция Худентвассера показалась последним ярким архитектурным событием прошедшего века. Столько раскованности, свободы, чистоты чувства и идеи. Без всякой скарденности, ужимок, оглядок на моду или вкус заказчика. Взял, и увидел вот так вот. И поползли по серому цементу кровавые артерии, и из балкончиков полезла зелень, и узор вскочил на унылую техническую поверхность... Хорошо...

На улицах метками были шпили готических соборов. При ближайшем знакомстве оказалось, что всё это новодел, всё было снесено под чистую во Второй мировой. Но жители восстановили то, к чему привыкли они сами и их предки. Правда, вера в Вене была совсем в загоне, соборы использовались как здания для муниципальных собраний, концертов, выставок. В одном из приделов одного из соборов проходила кощунственная выставка про дикарей с голыми сиськами и задницами, обмазанными глиной. Когда голое тело преображено и воссоздано искусством – это одно дело, а фотография – это всё же совсем другое. Со вкусом и стыдливостью тут вышел прокол. В соборах встречались памятные плиты, посвящённые воинам, погибшим в первую и во вторую мировую бойню. На витражах некогда католических соборов нас поразили сцены с полосатыми заключёнными концлагерей, они декоративно страдали, и их кто-то освобождал. Картинки были смутные, и Элизабет как-то ничего толком нам не

рассказала про смысл этих изображений.

Поразил парк неподалёку. Там стояли две чудовищные циклопические башни без окон и дверей, говорят, их построил Гитлер для неведомых целей, может, для запуска летающих тарелок, и башни эти до сих пор внушают ужас и никак не используются. Недавно вокруг них разбили парк, насажали молоденькие деревца вдоль ровных дорожек, сходящихся звёздочками. Солнце пригревало, деревца выпустили зелёные листики, все скамейки, а их было в парке очень много, были усижены людьми, греющимися на весеннем солнышке. Венские жители в парке выглядели как слёт весенних птичек.

Музеумы, чахотка и венский лес

Мы отправились в знаменитое венское кафе Музеум, сделанное по проекту Адольфа Лооса. Кафе в стиле модерн, немного похожее на внутренность старинного элегантного вагона, переносило в мир европейской литературы начала 20 века. В голове возникали нервные барышни с трудной судьбой, богемные эмансипированные дамы, истонченные полуголодные творцы с разных нив искусства, загадочные одинокие завсегдатаи, прикрывающие боязнь быть и своё одиночество газеткой и чашкой кофе. В тот апрельский вечер мы застали компанию, ужасно напоминающую питерскую сценку в вечернем кафе. Человек семь- может, преподаватели вуза, может, люди ещё какого-то интеллектуального вида труда, – зашли распить бутылочку вина, побаловаться кофе и десер-

тами. Десертами и мороженым, кстати, нас, петербуржцев, не удивишь. Были и у нас свои сладости в жизни.

В компании выделялся старый бородатый интеллеktуал в шляпе, элегантный, рыжеватый, с газетой, сигаркой и хулиганским блеском в глазах. Типичный венский завсегдагай, словно бы сошедший со старых рисунков и шаржей, или из кинематографа, повествующего о богемных трудах и днях. Джентльмен явно рвался пообщаться с нами, но, увидев нашу апатию, показал нам фак.

Нам с Сашей очень понравилось гулять по ближней к Вене горе, откуда открывается вид на раздвоенный в черте города голубой Дунай. Поражала идеальная чистота пригородной зоны.

Ни одной бумажки, банки, склянки. Всё в первозданности, велосипедные дорожки идеально выметены, деревья, кустики и травы – всё как в день творенья. Даже и хабариков не видно под ногами. Никаких самозахватов, парничков и огородиков. У подножья горы за загородкой из проволоки – участок сторожа этой горы, на нём – ослик, виноградник, похожий на ряд вверх тормашками посаженных саженцев, аккуратный домик... Из-под земли лезли сиреневые первоцветы, горные ручьи в тот год не журчали – пересохли от неправильной зимы. На вершине горы была обзорная площадка и ресторан прямоугольных форм, в стиле высокого западного модернового дизайна, который нас так поражал в советских фильмах.

Стояли очень жаркие по нашим северным меркам апрельские дни, было плюс 23, и все цветочки и листочки пёрли из-под земли, из клумб и газонов, из голых веток и вздутых почек, а потом жаркие дни сменялись очень холодными ночами. Повсюду слышались чиханье, кашель и всхрюкивания носом. И ко мне тоже приклеилась местная фирменная простуда, какие-то микробы злые, выпестовавшиеся в щелях гор, особо разжиревшие от повышенной солнечной радиации. Я чувствовала, что у меня набегают температура, и злобный простудный вирус заедает меня до костей. В голове в венском вальсе кружилась часовня Собисского, откуда христиане собрались воедино и освободили Вену от турок, ей навстречу бежал дом имени Карла Маркса, растянувшийся на километр и раскрывший свои комфортабельные объятия венской голытьбе в 30-х годах, дом Маркса сменяла теплоэлектростанция, возведённая Хундертвассером, с золотым шариком на трубе и красными прожилками на корпусах, похожая на сумасшедшую саксонскую игрушку...

Утром мы отправились в музей Леопольда. Особое впечатление на меня произвёл Эгон Шиле. В своих картинах он предвосхитил весь трагизм только что зародившегося, но уже зачервивевшего невероятными страданиями 20 века. В его работах как какие-то гомеомерии, отзвуки, зародыши, проклёвывались стили и художественные системы Врубеля, Петрова-Водкина, Филонова... Узнаваемые, уже узнаваемые австрийские пейзажи – почему-то серо-охристые, тёплых от-

тенков, но со скрытой жуткой меланхолией, с каким-то спря-
танным надрывным плачем под всеми этими декоративны-
ми сиропно-розовыми и лимонными цветами, какая-то ще-
мящая душу экзистенция под наипрекраснейшими на земле
пейзажами. Узнаваемы были убогие лачуги с черепичными
крышами у взгорий, ныне превратившиеся в идеал и апофе-
оз жилищного счастья. Глубинно узнаваемы были мужчины
и женщины, ужасно обнажённые, худые, эротичные, безза-
щитные перед лицом эроса, социума, войн и болезней, бес-
конечно одинокие, истощённые до костей, но по жилам ко-
торых течёт тёплая, жаждущая любви, кровь... «Человек по-
хож на червяка, когда голый и бледный лежит под одеялом.
Но при этом в нём по кольцам бежит кровь. Он горяч и по-
крыт тёплым паром».

Этажом ниже висели работы Эггера Линца. В монументаль-
ных квадратах арийские орлы, простые австро-венгер-
ские парубки с лицами Штирлицов в исполнении красавца
Тихонова, в белых льняных рубахах и коричневых шерстя-
ных штанах, всё простое, исконное, от плодов земли, эти
парни на картинах Эггера Линца молотили жёлтую рожь, жа-
ли её серпами, в общем, делали великое дело крестьянского
извечного труда. Приятно было, что это делают не бабы, как
в нашем русском искусстве, а крепкие ладные хозяева сво-
его куска земли на Земле. В одной из последних его работ
этих парубков, сдержанно приплясывающих, вела куда-то за
собой Смерть. Эгон Шиле умер от испанки, гадких злобных

грипповых вирусов, было ему всего 28 лет. Шёл 1918 год. Эггер Линц, так гениально изобразивший чистую мужскую трудовую мощь, которую, как крыс при помощи дудочки вела за собой смерть-крысолов, умер в 1928 году. Австрия того времени была наполнена гениями, предчувствовавшими своим открытым космосу нутром всё, что будет. Я не говорю о чересчур растиражированном Климте как эталоне венскости, чьё творчество всё тоже сплошь состоит из цветов, красоты, плоти и орнаментов, вьющихся на костях смерти.

В нижних этажах проходила выставка рисунков Германа Гессе. Гессе всю жизнь любил рисовать, ползал по горам с мольбертиком и акварелькой. Если бы он не был великим писателем, то мог бы быть средним крепким художником, рисующим в стиле своей эпохи. Мне стало жаль, что я забросила рисование с натуры после детской художественной школы. Это огромное удовольствие – елозить кисточкой по бумаге, следуя природе и внутренней музыке души...

Я чихала от венской простуды так, что картины, казалось, вот-вот упадут. Сын Саша, благовоспитанный мальчик, шипел на меня: «Не чихай так громко! Картина упадёт с гвоздей, и нас арестуют!». Картины, кстати, были развешены так редко, с таким тактом и величайшим уважением, что каждый карандашный набросок казался весомой драгоценностью. Я приехала из России, из Питера, где всё чрезмерно, где таланта много, что навоза. Вспоминались сокровища Эрмитажа и Русского музея, способные свести с ума. Так густо налепле-

ны они на стены, так много всего прячется в запасниках.

Но вернёмся к моему чиху. Я зашла в старинную аптеку и знаками стала объяснять старичку-аптекарю, что у меня звериный насморк. Он со знанием дела протянул мне волшебный спрей из множества трав, очень дорогой для русского кармана, но я не пожадничала и купила, и это лекарство очень помогло. Потом я брала его в поездки по Европе, и если кто подцеплял весеннюю европейскую простуду, то я давала это лекарство в нос, и оно быстро помогало.

Пасха в Вене

Мы пошли посмотреть на пасхальную ярмарку на одну из центральных площадей. Всё было застроено торговыми отсеками, всюду шла торговля яйцами – натуральными куриными и ненатуральными. От яиц пестрело в глазах. Яйцами застило глаза. В отсеках с грудями яиц рылись девушки, выбирая подарки для близких. Что-то в этом было эротическое и нежное...

Всюду свисали всякие гнёздышки, птички, зайчики, мёды, ликёры, колбаски, прихватки, тужурки и фиг знает что. Вокруг рядов ездили золотые кареты, которые везли двойки и четвёрки белых холёных лошадей. Процветал дух народного рынка. Шёл какой-то концерт. Какие-то девушки в чёрном что-то пели, на них пялилась мадам мужик в оранжевых колготках, юбочке и с усами над накрашенным алым ртом.

Этот австрийский фрик взял на себя функцию быть рабом нечистого и фриковать всюду бесплатно. Вот тоже солнышко пригрело, в яйцах засвербело...

Мы ужасно устали от толпы, толчеи и пестроты, но толпа нас уволокла в свой шопинг, в какие-то бесконечные магазинчики, окружавшие площадь и перетекавшие один из другого через крытые дворики. Всюду предлагали свои изделия международные очумелые ручки, всякие картинки, скульптурки, изделия всякие, призванные украсить вашу серую жизнь, ваш голый дом мишурой уюта. Зачем миру так много вещичек? Зачем мир так устроен, что, чтобы кушать, нужно вечно рукоблудствовать, делать товар, выманивать денежку из ближнего и дальнего? Почему нельзя жить без денег, в райской чистоте, не напрягая своё ремесло и не тербя язву деньгопохоти? Большинство этих штучек были из разряда нефункциональных пылесосбиралок.

Я купила дурацкого трудолюбивого зайца из глины, он был бодрый, откормленный и с восторженной морковкой в лапках. Элизабет мне сказала, что заяц – типа символ трудолюбивого, бодрого и эротичного народа Австрии, поэтому зайцев на Пасхе так много, почти как яиц.

Австрийская деревенька

Элизабет увезла нас с собой в гости к своему другу, венскому интеллектуалу, который взял в аренду сельский дом и живёт в деревне. «Мы хотим Австрийскую деревню!», – воскликнули мы с Сашей, утомлённые пробуждающейся к вес-

не Веной серых оттенков. К тому же в этом селе проходил сельский предпасхальный праздник-ярмарка.

Довольно быстро домчались на двухэтажной электричке до нужного места. В поезде потрясением был контролёр. Это был красивый мужчина средних лет, в очках, в идеальной форме, необычайно вежливый. Я подумала, что вот такая здесь культура! У нас такими безусловно вежливыми, знающими своё дело, довольными своей функцией бывают университетские профессора. Или высокооплачиваемые банковские работники. А у них – контролёры. Чем-то Кафкианским повеяло от этого представителя хорошо отлаженной системы. Предместья Вены поражали отсутствием свалок и ухоженностью построек. Практически не было замусоренных 4 соток со скособочившимися, некрашеными, недостроенными, но уже начавшими дряхлеть лачугами, чуть большими по размеру, нежели нужник или собачья будка, но не дотягивающими до настоящей избушки, как это у нас встречается. Изумляли ветряки возле домов для получения энергии от ветра. Вдоль железной дороги встречались одинаковые железнодорожные домики из серого камня. Это были абсолютно одинаковые домики, в которых явно кто-то работал или жил, были они такие бездушные и строгие, такие сюрреалистические, как какие-то ужасы от европейского рационализма, нашедшие выражение в абсурдизме Мржека, Беккета и того же Кафки. В каждой стране есть свои национальные формы крайней тоски жизни. У нас это дощатые

бараки сталинской эпохи. Тоскливее ничего не бывает. У австрийков – эти уныло правильные станционные домики...

В Питере был апрель с талым снегом. В австрийской деревушке жарило сладкое солнце, цвели лимонным и ярко розовым цветом дерева и кусты, зеленела трава. Мы прошли по подземному переходу, облицованному голубым кафелем, напомнившим советский кафель Хрущёвских времён. На старом кафеле красовались детские рисунки, нанесённые масляной краской. Недурно, но отзывает бедностью.

Деревня удивила безупречной гладкостью и чистотой асфальтовых дорожек, игрушечной красотой домиков и сельских двориков при них. «О, да это деревенька добрых трудолюбивых Хоббитов!», – воскликнул Саша. На чистейшем пороге домика, вход с улицы, стояли уютные тапочки. На ярко-зелёных, ровных, как ковёр, газонах не было ни одного сорняка. Улицы были переполнены прогуливающимися сельскими жителями в нарядных глобалистских, лишённых национальных признаков одеждах. Дамы в туфельках на каблучках, мужчины в светлых рубашках и при галстуках, преимущественно с красно-голубой полоской. И всюду стояли жирные чистые иномарки. То бишь, это была готовая рекламная картинка для нуворишей, решивших купить готовый для счастья домик в дорогом коттеджном посёлке посреди чистой, неизгаженной природы, с развитыми дорогами и инфраструктурой.

На старинную часть деревни с сохранившейся кладкой

некоей средневековой крепостной стены выехал мэр деревенского поселения на белоснежном коне. Одет он был в национальную одежду. Следом за ним выехали девушки в национальных одежках на конях. Перерезали розовую ленту в воротах в стене. Это означало начало ярмарки и праздника!

Простые сельские люди возле каждого пятого домика, оказавшегося рестораном, рассаживались на простые деревянные длинные скамьи, вокруг длинных деревянных столов. Это был культ совместной трапезы! Я вдруг подумала, что именно на ней и держалась западная цивилизация. Кажется, что это ерунда, а на самом деле это великое изобретение человечества, очеловечивающий, склеивающий социум фактор.

Из своих бытовых щелей повылезали все: и стар, и млад, и инвалид, и невеста, и домашние питомцы, и угрюмые изгои. Никакой жуткой, лезущей в уши насильственно радостной музыки. Тишина. В одном месте орёт пила – проходит конкурс по выпиливанию электропилой из брёвен неких несуразных грибов. В другом, под шатром, поют старые седые рок-н-рольщики для своих сверстников. Все идут, бредут семьями, кланами, стайками, с киндерами всех возрастов, с собачками, со своими стариками, со своими инвалидами в колясках. В-общем, всё нажитое из живых существ – всё напоказ, на суд общины. Давно я такого не видела – чтобы буквально каждое живое существо покинуло свою нору и вышло на Свет Божий, в Социум, на суд человеческих глаз, под яр-

кие лучи весеннего солнца себя показать, каждую свою бытовую и замшелую морщинку показать миру, соседям, пришлым гостям вроде нас... Во время передвижения люди оседали периодически на скамьи у столов, пили местное вино из местного винограда, ели свои колбасы и свои сладости, сделанные местными сельскими кулинарками.

Мы присели на деревянную скамью и пропустили по стакану кисловатого, но ароматного местного вина. Я рассматривала людей. Меня привлекла семья из трёх человек. Красивая молодая женщина в соку с маленьким двухлетним сыном и её разжиревшая, но ещё привлекательная мать. Нестарая бабушка всё время типа шипела на дочь, с неполной семьёй как-то ехидно здоровались всякие тётушки и дядюшки, на молодую мать лукаво посматривали седые бюргеры. Было видно, что у малыша нет папы, и поэтому вокруг семейки был некий нездоровый ажиотаж. Потом мимо меня прошла одинокая девочка лет пятнадцати. Это была некрасивая девочка в джинсах, с чахлыми волосами, корявенькая, но страшно одухотворённая, ужасно живая и любопытствующая. Было видно, что это штучный товар, что это девочка-изгой в этой деревне, что она слишком умна и необычна, чтобы найти здесь себе друзей. Горб одиночества висел на ней. Но в ней ещё не было отчаяния, она смело вынесла свою юную некрасивость на народ, проталкиваясь сквозь стайки более обычных видов людей её возраста. О, таких тут было много, счастливая молодёжь, стайки юнцов и девиц,

девушки-красавицы, нашедшие свою любовь, юноши-друзья на мотоциклах. Они сидели компаниями то там, то тут, они ходили небольшими стайками или задиристыми парами, пара красивых девчонок с кокетливым видом, или пара парней, делающих глазки девчонкам... Всё это напоминало мне неразорённую деревенскую общину 70-х на юге России, в селе Кантемировка, где я бывала в детстве. Там не было такой чопорной чистоты и не было трапезы, вынесенной на дорогу. Но были стайки радостной молодёжи, были праздники, выводящие и молодых и стариков на улицу, на пригляд и взаимооценку судьбы.

Потом ядом с нами сели два удивительных человека. Это были отец и сын. Оба были в очках, оба были чудовищно утончённые и чудовищно угрюмы. Они были очень похожи друг на друга, как отец и сын Шостаковичи. Высокие, с очень бледными белыми лицами, чёрными волосами, синими глазами, некрасивые, с какими-то сложнопостроенными, асимметричными лицами. Папе было лет сорок, сыну лет 16. Это были элитарные люди, с трудом общающиеся с простачками, это были угрюмые страдальцы-одиночки на этом пиру. Зачем они пошли на народный праздник, что их выгнало из дома, из нор, на что они жили, какое ремесло их питало... Может быть папа – писатель, а сын – поэт? О, как бы это было здорово! Это всё были загадки. Эти два крота-упыря, которым я очень сочувствовала, ибо я сама такой крот-упырь, они как бы слезились от яркого обморочного весеннего дня,

от тонких ароматов оживающих полей, от пронзительного цветочного запаха расцветших деревьев. В соседнем саду за домиком безумно цвели вишни и яблони, оттуда шёл этот одуряющий грустный аромат. Папа с сыном сумрачно сели рядом и стали угрюмо пить маленький кофе.

Всюду на улицах были сделаны прилавки для ремесленников. Элизабет нам сказала, что съехались сюда ремесленники и из Чехии, и из Польши... Торговали знакомыми всё поделками: куколками из соломы, дерева и тканей, какими-то штучками из проволоки, прихватками, платками, лаптями и солонками из лыка и соломы, корзинками... Я уныло думала, что вот куда всё это девать... Хотя, когда у людей такие чистые ровные сельские дома, понятно, что всюду надо их насыщать ручными поделками.

К нам прицепился злой чех. Услышав родную русскую речь, он подкрался и прошипел: «Я вас русских презираю!» Мы с сыном пожали плечами и сделали вид, что ничего не слышали. Мы радовались, что наша переводчица, анархистка и коммунистка Элизабет этого не слышала. Она бы не спустила бы чеху. Она бы затеяла долгую дискуссию. Мне было неприятно, что русских презирают. Но я-то и мой сын здесь причём? Мы – русские интеллигенты, безусловно воспитанные, занимающиеся кое-чем более тонким, сложным и дорогостоящим, чем поделки чеха. Это нам бы надо его презирать, лоха деревенского...

Чех имел бешеный успех своими поделками. Торговал он

пругьями, сплетёнными в косичку, наподобие бычьего хвоста. Хвост этот был украшен каким-то ярким бантиком. Почему-то это изделие все стремились купить. Я не понимала, зачем. Ещё чех плёл длинные кручёные верёвки, на которых лучше всего было вешаться. Он делал это на глазах у всех, при помощи древнего ножного станка. Доверчивые австрияки с умилением смотрели на изготовление кручёной верёвки, давали чеху свои кровные евры и забирали верёвки с собой для каких-то неясных целей. Садомазо во плоти. Казалось, злой чех злобно ухмылялся, воображая, как скованные, добротнo одетые австрийцы будут бычьими хвостами хлестать друг друга или вешаться на его верёвках. Мрачный славянский шутник, очевидно, болезненно переживал распад двух родных империй, нравственное и экономическое падение двух Старших Братьев – Австро-Венгрии и СССР, и вот теперь он цинично зарабатывал на жизнь такими вот злобными поделками...

В селе, оказалось, есть два профессиональных художника. Одна дама была мастерица изображать кровавые закаты и сочные жёлтые цветы. Один мужчина на другом конце села – мастер аккуратных пейзажей, столь аккуратных, с такой чёткостью прямых линий, что становится понятным происхождение этого порядка на улицах и в быту. Никакого хаоса. Правда, и искусства маловато. Торжество ремесла. Салон. Но картины покупали. Когда спросили у мастера прямых перспектив о мастерице кровавых закатов, то тот помор-

щился. Вообще было видно, что, несмотря на относительную малочисленность людскую этого поселения по сравнению с большим городом, например, люди элитарные, люди жреческих занятий, тонкий слой культуры – они не общаются между собой, не дружат, не ходят в гости, они живут разрозненно и одиноко, будто в городе они живут, а не в пешеходной досягаемости домиков на земле...

Мы тоже расселись на скамье. Хейно, к которому мы приехали, хотел угостить меня живой свинской кровью со спиртом и перцем. Я сказала, сдерживая клёкот в горле: «Спасибо, я не вампир!». На самом деле я страдала от вчерашней пьянки в клубе «Виенцалле», алкоголь в меня не лез.

Мы поели колбас, любуясь на стайки хорошо одетых пенсионеров, мило распивающих вино за соседним столом. Старики и старухи ели, пили, веселились. Хотелось рыдать, вспоминая отечественных стариков, ни разу в жизни не имевших удовольствия предаться такой вот совместной трапезе всем селом на лоне природы. Вообще все ели и пили, но зорко присматривали друг за другом: кто как оделся, как постарел такой-то господин, как расцвела дочка такой-то фрау, как милы и как подросли внуки такого-то человека. Я думаю, всё это моментально отмечалось и потом долго длительно обсуждалось, до следующих посиделок и всенародного праздника и выползания на люди.

После таких вот совместных трапез жителю деревни стыдно будет навалить дерьма на дороге, или ходить плохо оде-

тым, или загромоздить свой хорошо просматриваемый со всех сторон дворик мерзкой рухлядью, или заломать цветущую вишню на обочине шоссе. Человек должен находиться под присмотром именного человеческого глаза! Это укрощает в нём зверя и свинью.

Домик Хейно

Мы отправились в домик Хейно. Так как Хейно – венский интеллеktуал, любитель книг, литературы, истории и публицистики, дворик его был в русском стиле, порос дикой травой и фруктовыми зарослями. Правда, это посреди рукodelьного земледельческого уюта здесь котируется. Хейно от поселкового совета дали табличку с изображением нюхающего цветы ёжика, что означает благодарность за сохранение дикой флоры и фауны.

Домик Хейно – это типичная квартира питерского гуманитария. Всё в книгах, пара компьютеров, стеллажи с дисками. Хейно сделал сайт, вывешивает туда статьи, рецензии, прозу и стихи, которые ему нравятся. Активно общается с посетителями сайта. Денег этот труд пока ему не даёт, но даёт возможность самовыражения. Жена обрабатывает свой сад. Домик этот Хейно и его жена купили на деньги родителей, я так поняла. Жизнь в Австрии такая же тяжёлая, бездомная, бесперспективная, и проблемы жилищные – это вековые большие проблемы.

На стенах домика висели картины венских художников, подаренные Хейно за его рецензии, или просто по дружбе.

Пара картин привлекла моё особое внимание, они отличались от мрачного абстракционизма других работ. Оказалось, что это работы самого Хейно в юности, зря он не стал художником. Хейно показался мне постмодернистским путаником, но всё же человеком ищущим, серьёзным. Может быть, эта чрезмерная требовательность к себе и к окружающим тормозит его. Из современных русских писателей Хейно любит Владимира Сорокина, своего ровесника.

В домике Хейно было четыре комнаты, отличный городской туалет, кухня в деревенском средневековом стиле, много банок с сушёными травами и приправами. Поели бедно, но вкусно. Попили крепчайшего кофе.

Наступил вечер. Все сильно закурили – и Элизабет, и Хейно, и его суховатая жена, по привычке европейских интеллектуалов, чья юность пришлась на 70-80 годы. Саша ушёл гулять по австрийской деревне в поиске новых ощущений. Хейно включил симфонию Глюка, откуда-то бесшумно явились 4 хозяйские кошки, расселись к нам на колени. Кошки были сплошь кастраты, и на улицу их не выпускали. Всё же европейские люди что-то не то с природой творят, что-то всё же не так, как надо...

Кстати, по поводу классической музыки. Телевизор в среде тех людей, где мы вращались, практически не смотрят. Говорят, что в Австрии 2 канала, и оба скучные, да ещё и дорогие. Зато все слушают радио, или СД, или пластинки. И всюду классика. Малер, Моцарт, Гайдн, Бетховен... Немно-

го напоминает радио советской эпохи, когда запросто транслировали длинную оперу без купюр, и миллионы советских граждан вынуждены были становиться более одухотворёнными...

Альпы

Потом мы отправились с Сашей в Симмеринг, местечко где-то в часе езды от Вены на электричке. Альпы со снегом, горнолыжный курорт, пансионаты, фуникулёры, старинные дачи в стиле модерн.

Сначала мы от восторга перед божественной красотой туманных Альп полезли вверх, в гору, не разбирая дороги. Часть горы была в снегу, на другой, южной половине, снега не было, всюду пробивалась трава и цвели какие-то удивительной красоты цветочки с лиловыми стебельками. Мы лезли, лезли, и долезли до помойки под каким-то отелем. Вот те и экология на задворках! Полезли обратно, рискуя покачаться колобками по глине вниз, цокаясь о нерусские деревья, какие-то буки и нерусские лохматые берёзы.

Вышли на дорогу. Это была старая дорога рейха, об этом говорило название на деревяшке. Справа мы обнаружили кладбище фашистских воинов, погибших в 1945, сплошь из одинаковых чёрных каменных крестов. На табличке была надпись: «Каких бы вы взглядов не придерживались на историю, просим вас не тревожить прах людей». Кстати, вдоль железной дороги мы видели кладбище советских воинов в идеальном порядке... Неведомо откуда на пустынных доро-

гах Симмеринга показалось множество этнически одетых евреев всех полов и возрастов. С пейсиками, в кипах, они шли в одну сторону. Наверное, в этот день был какой-то их праздник, какой-то слёт был в этих Альпийских горах. Это было поразительно – здесь жили немцы, потом русские и немцы поубивали друг друга, а на этих красивых землях, среди могил, теперь так смачно скучковались евреи, у которых есть своя родина.

Возле пансионата «Эдельвейс» мы зашли в кафе. Кроме нас за столиками было ещё два посетителя – два пожилых австрийских орла, которые поутру зашли пропустить по стаканчику вина. Узнав из нашего разговора с официантом, что мы русские туристы, орлы тут же завязали беседу между собой, в которой то и дело слышалось два знакомых слова – USSR и терроризм. К русским в Симмеринге уже привыкли. Родные флаги мы увидели на нескольких пансионатах. Очевидно, они означали, что в пансионате кто-то из русских ныне гостует... Мы полезли на вершину, которая нам показалась привлекательной. Оказалось, что это гора Солнца с кельтской древней обсерваторией на макушке в виде камней. Солнца нам северным заморышам не хватало. Метров 800 мы не дошли до креста Наполеона. Повсюду цвели разнообразные подснежники. Мой сын Саша сказал: «Вот место на земле, где мне хотелось бы жить»...

Усевшись на верхушке горы, мы стали отправлять эсэмэски по мобилам своим друзьям. Я отправила эсэмэску худож-

нику Гушину, я написала: «Я сижу на вершине Альпийской горы среди эдельвейсов». Он мне ответил: «А я на дне могилы Смоленского кладбища, куда меня попросила встать Ася Немченок, чтобы сфотографировать для своей выставки». Я подивилась тому, как это вот так оно выходит, что в одно и тоже время так по-разному людей загоняет...

Соседняя окапитализированная горнолыжная гора портила впечатление. Пластиковые морды для увеселения детей, фуникулёры, крикливая глобалистская эстетика ресторана, строящаяся пиццерия, искусственный варварский водоём с гладкими боками, закрытыми полиэтиленом... Такие постройki можно видеть по всему земному шару, будто сделала их одна и та же бездушная компьютерная программа, нацеленная на некоего среднего потребителя, которого не существует. Всё это не имело никакого отношения к тонкой изящной красоте этого места, к этим горам в пожухлой прошлогодней траве с шапками ноздреватого снега, к этим стройным деревьям на склонах, к чащобам и к ветру, к этому весеннему туману, к этим зацветающим кустам бересклета, к бункеру в скалах, в котором, возможно, жил Гитлер, к древним камням на вершине Солнца. На дне выкаченного водоёма страдало целое стадо альпийских лягушек, которые не могли оттуда выбраться.

Ужин с шафраном

В Вене Элизабет устроила прощальный ужин. Друг Элизабет, иранец Опас приготовил рис с шафраном, гранатами

и зеленью, в гости пришли венские анархисты, бывшие коммунисты, а ныне любители музыки и изящной словесности Лиза и Роберт, последний был ужасно похож на питерского философа Сёму Левина, а также русская галеристка Вера Вебер. Иранец Опас оказался очень внимательным и добрым человеком. Глаза у него были печальные, казалось, что он бесконечно печалуется о своей покинутой навсегда родине. Опас увидел, как трудно мне кормить Сашу, который вечно капризничает, и он иногда сам ему готовил рис с пряностями и гранатовыми зёрнышками, а мне подарил баночку шафрана, чтобы я подкладывала его Саше в скучные каждодневные блюда.

Дочка Элизабет, тридцатилетняя девушка с красными радикальными дредами ниже плеч по имени Юдит не пришла, её задержали проблемы с двумя её собакам, которых она дрессирует. Вообще животных в Австрии любят, но как-то по-современному, то помучивая, то чрезмерно обожествляя. Кот Чарли, питомец Элизабет, брюхатый, толстый и трусливый кастрат, по пол дня проводил в потайном месте в верхнем туалетном ящике. Иногда выходил, когда публика его не пугала, и показывал себя во всей красе, превращаясь в божка местности. Прыгал на лёгкие деревянные шкафчики так, что те едва не опрокидывались на пол вместе с компьютерными прибабамбасами. Студент Макс из Тироля нежно щебетал что-то Чарли, но тот был себе на уме.

Перед отъездом успели съездить на Дунай, станция метро

находилась прямо на мосту, удалось подышать воздухом и ветром священной реки и бросить в неё монетку.

Спирихин, тонкий питерский человек, несколько спившийся, который вляпался в Австрию безнадёжно, жил в каком-то полуподвале, не имел работы и потерял навсегда жильё в Питере, пришёл к поезду и подарил мне часики на колёсиках. Время, которое едет...

Италия (февраль, 2007)

Там свистят Чиполины

Месяц у них лодочкой, качающейся на воде, а не буквой «С», как у нас. Птицы у них свистят, а не поют. Флоренция любит пешеходов и придумывает всякие каверзы, чтобы туристы всю её протоптали подошвами. Италия – страна врождённого эстетического чувства, которое не в силах затоптать даже всё нивелирующий глобализм,

Италия – страна, в которой божественная гармония бушует и цветёт через людей посредством производства красоты.

Закон выше власти денег

Одно из самых больших потрясений – это когда юная девушка-контролёр в ночном поезде в течение 40 минут доказывала семи здоровенным неграм, что без билета они не имеют права ехать в электричке. Поезд – почти пустой. Одна хрупкая итальянка против семи мужиков, явно нелегальных

эмигрантов. Девушка контролёр с такой страстью, с таким бесстрашием доказывала неграм их неправоту, а они ей так и сяк с такой нарастающей страстью отвечали! И итальянка победила! В какой-то момент негры, рассерженные, пристыженные и переубеждённые, встали и пошли к дверям, явно не на своей остановке.

Потом с такой же страстью ночной портье отказал нам в ночлеге в гостинице на основе того, что у нас документов с собой не было. Мы ему подмигивали и совали деньги. Портье был непреклонен. Он сказал нам, что его может проверить полиция, и его тогда накажут за нарушение законов. Мы всё поняли и пошли на ночную прогулку. Деньги в Италии уже на втором месте после закона. Мы вспоминали наши электрички с контролёрами, кладущими наши и железнодорожные деньги себе в карман, без всяких квитанций. Вспоминали и другие факты... Тут, на севере Италии, встречались крепкие итальянские орешки.

Говорят, что на юге Италии всё по-другому, и Неаполь тонет в мусоре, и мафия на Сицилии правит бал. Тут же на улицах попрошайничают только цыгане, причём это, очевидно, международная мафия и есть, ибо они это делают по такой же методе, что и на Невском, и на Красной площади. Сидит типа согбенная старушка и трясётся от бедности и старости, вся с ног до головы закутанная отрепьями, лица не видать. И руку тянет для подаяния. А рука то хоть и грязная, смуглая, но молодая! Я отговорила двух старых венецианок подавать

в эту руку евры и монетки. В другом месте законолюбивая венецианка насмерть прилепилась к попрошайке, разогнула её и стала чуть ли не пинками гнать в приют. Надо было видеть, какое у мошенницы было перекошенное от злобы лицо! Потом ночью на вокзале мы видели стайки этих цыган, спящих прямо на ледяных плитах пола. В 6 утра некая девица из соцслужб типа проверяла пульс у этих бродяг – не околел ли кто от холода за ночь. Тяжёлая у цыган свобода...

Скрытая теплота патриотизма

Италия- страна патриотов, которые любят свою родину. Мы были в Венеции, Флоренции, Милане, Виареджи, Сиене, Пизе, Пьетросанти – всюду, в больших и малых городах в кафе и ресторанах вы встретите блюда итальянской национальной кухни – пиццу и лозанью, пасту и спагетти, кьянти и граппу, томатный суп с раскрошенным в нём «панини»– хлебом. Хлеб, пан, панини – всему голова. Макдональдс чего-то не встретился ни разу. Правда, за две недели спагетти и пицца встали колом, от непременных сладких булочек с мармеладом на завтрак многие русские прибавили в весе. Ужас как надоело всё это мучное и на основе муки. Очевидно, это кухня итальянской бедности, когда хлеб, мука – это всё, это основной вид получения калорий. Плюс томаты. Мука и помидоры – самая дешёвая и здоровая пища! Ни в одной стране я не видела таких эскалопов. Под видом эскалопа подаётся тончайший, прозрачный лист мяса. Это удивительно-каким таким острейшим ножом можно отрезать миллимет-

ровые пласты... И всё от бедности и жадности...

Но мы за это на Италию не в обиде. Всё же они молодцы. Они пропагандируют свою национальную кухню, свои пищевые традиции. Они их отстаивают, они не пускают в эту сферу экономики пришлецов. Шаверму, которая в России вытеснила национальные пирожки повсюду, и в глубинке, и в больших городах, в Италии мы встретили один раз – в глухих задворках Венеции, в какой-то дыре над попахивающим каналом.

Национального в Италии ещё очень много: и архитектура, и дизайн, и одежда. Йогурты местные, колбасы местные, много вонючих сыров с плесенью, которые у нас дорогие, а у них – дешёвые. Особенно меня увлекли овощи и салаты. Какие-то штуки типа репы с торчащими листками, синие кочаны, кудрявые капустки, серые морковки. Видно, что фермеры в Италии не спят и не дремлют, гонят и гонят из земель всякие древние римские овощи. Тонкошкурые, красные внутри апельсины стоят один евро за три килограмма. Правда, всё это в супермаркетах, в маленьких же магазинчиках всё раза в три дороже.

Понравилась архитектура. Всё очень человеческое, небольшое, в основном дома в два-три этажа, редко где в шесть и выше. Почти не встречаются строительные сериалы, большинство домов – индивидуализированы, имеют отличия по форме и по цвету. Правда, при ближайшем рассмотрении, выяснилось, что в хорошеньком домике живёт

порой несколько семей, бывает и очень тесно.

Сан сантехники

Сантехника шикарная, космическая! Италия – королева сантехники. Какие-то немыслимые краны, сливные кнопки, которые всегда приходилось искать, так изобретательно они были вделаны. Медные трубы для вечного пользования водой, полы с хитрым подогревом. В поезде как на экскурсию мы ходили смотреть на унитаз с крутящимся стульчаком, который обтирался специальной губочкой при вращении.

Всё озеленено, возле домика, на балконах – садик, в горшках или на земле растут пальмы, лавровые кусты, лимонные деревья. Мимоза цветёт уже вовсю, ах, как цветёт мимоза! Она ничего общего со знакомыми по 8 марта полузасушенными шариками цвета куриного желтка не имеет. Цветущая мимоза пышна, как пух цыплят. В-общем, эта сбывшаяся мечта нынешнего российского среднего класса – каждому по коттеджу и зелёному уголку, правда, в скученных местах, с соседями через каждые два метра. И каждому по машине.

Автопром

Машины в Италии на селе – насущная необходимость. Когда пытались проголосовать на шоссе, на нас все смотрели с изумлением, как на сумасшедших. Смотрели все: девяностолетние деды на старых раздолбайках, домохозяйки в коротких плащах на красных ферари, двадцатилетние девчонки в джипах, фермеры с фургончиками, чопорные французы и англичане, любящие скупать средневековые руины в этих

красивых землях. Они смотрели и не понимали, как это так, что у людей нет своей тарантайки для передвижения, и вообще, что им надо? А автобусы в сельской горной местности ходят два раза в день, совсем как у нас в районе станции «Дно». А в выходные дни и праздники они не ходят. И авто-стопом не берут. А пешком от станции до домика идти кило-метров 30, что нам и пришлось проделать. Выяснилось, что и местным жителям это иногда случается проделывать. Ужасы эгоцентричной капиталистической жизни, где каждый сам за себя.

Экология

Мусорок есть, но не в таких масштабах, как у нас. Свобод-ной земли мало, Италия выглядит как большая мастерская. Всюду вдоль дорог-артерий – или жилые дома, или паром дышащие заводи и цеха, или аграрные площади, где что-то растёт на продажу – деревца-саженцы, оливки, виноград, овощи какие-то. Городки повсюду, почти на каждой верши-не горы каменные дома. Всюду мусорные баки разных цве-тов с закругленными боками – и в городах на узких средне-вековых улочках, и в дикой сельской местности. Между за-нятыми людьми территориями бегают дикие кабаны, олени, лисы, а в озёрах копошатся пеликаны. Я сначала удивилась, что за цапли такие горбатые – это были пеликаны.

Часто встречается слово «комонито» – что-то об обще-ственной собственности. Такое ощущение, что в Италии много коммунального, общинного. То скамейка какая-то, то

стенд, то мост строится на деньги «комонито», с чётким указанием тратящейся на строительство суммы, перечислением имён архитектора, прораба, инженеров и их телефонов. Нам бы такую прозрачность по поводу общественных денег и проектов!

Антиквариат

Вся земля усеяна бесчисленными сохранившимися руинами и обломками ушедших эпох. Там средневековый каменный дом, увитый плющом, точь-в-точь прототип с фресок какого-нибудь сиенского мастера, тут – колонны римские обкусанные стоят посреди улицы, и трамвай их нежно объезжает. Они такими же обкусанными были и тысячу лет назад, и с тех пор не изменились. С ужасом думаем о том, что ещё снесут в Питере из старых домов, пока мы тут смотрим на тщательно сохраняемое старое, и какой макетик из папье-маше воткнут вместо старых антикварных стен из старой ручной кирпичной кладки. Наша проблема национальная – это налезание друг на друга, это когда земли много, а все толкуются друг на друге и стараются друг друга вытеснить. Полный бред. Земли у нас много, нам есть, где жить, проявлять свою креативность, но всё напластование и ходынка возникают. У итальянцев же всё в порядке с чувством пространства и с исторической памятью.

На вилле Камерата во Флоренции, где мы остановились в отеле, посреди двора – древний фонтан. Может быть, ещё во времена древних римлян сооружённый. Округлый такой,

мраморный, с художественным краном, обвитым истлевшей змеей. Видно, что всё здесь сделано под этот пейзаж, под этот горный склон, где снизу вид на долину, а сбоку север и холм, и лужайка округла. И дом большой вписывается, а маленькие пристройки должны сползать по холму вниз, подбоченясь, с разной высоты стенами. И бассейн тут идеален круглый. А скамейка полукругом, высеченная из цельного камня, вторящая природному закруглению. Рыбки сонно плавают. На их предков, может, Достоевский смотрел, или Анна Каренина, или Горький периода «Сказок про Италию», может и Данте ещё смотрел... Всё может быть... В садике, среди стриженных лавровых кустов – чудесная скульптура Дионисия с Сатиром из позеленевшего мрамора, если копия – то ей лет 300, а может и не копия... Никто скульптуру не завалил и нос не отбил, вот что странно. В главном здании виллы – лепнина, ангелы в стиле барокко трепещут, фрески на куполе, внизу дядька встречает туристов, в столовой мозаичный жизнерадостный флорентийский пол из мелкой-мелкой мозаики, красно-голубой орнамент. Никто полы не сдирал, мрамор не перепродавал, фрески в музей не относил, спасая от варваризации. А вилла Камерата – местечко буйное, сюда съезжаются толпы тинейджеров из разных стран, по ночам они пьют и орут, бегают и поют. Но красота в Италии королева, люди ей прислуживают.

Я видела как сельский итальянский житель колок грецкие орехи на столике эрмитажной красоты. Он его нашёл в зем-

ле, извлёк и пользовался как мог...

Вандализация

По поводу слов «варваризация» и «вандализм». Эти слова по-особому звучали однажды поздно вечером, когда мы ехали из Сорано во Флоренцию. Юноши-арабы, видно обкуренные, подожгли наш вагон. Вроде пошли в тамбур покурить в смутном сне разума, вагон весь из пластика, от окурка что-то вспыхнуло, кто-то успел всё залить пеной из огнетушителя. Электрическую дверь заклинило. Поезд остановили в густом местечке Монтекатиньо. На ночную улицу упал страшный холод, плюс один после плюс семнадцати ещё два часа назад при солнце. Прибежали карабинеры, стройные мужчины с белыми ремнями, в белых касках как у Гермеса, вроде как с намёком на крылышки сзади, вроде как ангелы, сбоку в белой кобуре эффектно выглядывает пистолет, наручники рядом, левее – дубинка. Малочисленные пассажиры высунулись из окон посмотреть, что будет. Мимо пронеслись те трое арабов, хихикающие нехорошо. Следом за ними – девушка-контролёр, несколько пассажиров, все встревоженные, с горестными возгласами «Вандализация в поезде! Вандализация!». Наверное, так вскрикивали древние римляне, когда варвары рушили им их виллы, статуи и колонны. Тогда тоже было это самое – варваризация и вандализация со стороны странных людей, не умеющих бережно относиться к успехам цивилизации, к комфорту и уюту, созданному трудом. В Монтекатиньо стояли часа полтора, весь график по-

ездов, ездящих по однокорейке, был сшиблен. Вокзал Монтекатиньо мёртв и холоден.

Вообще вокзалы в Италии не ахти, мало мест для отдыха, нет зала ожидания со скамейками, правда, если б был, то там поселились бы надолго кочевники из поруганных стран – румыны, негры, арабы. Наши русские вокзалы всё же гуманнее.

Ночная жизнь

Ночная жизнь во Флоренции отсутствует. Ни одного круглосуточного магазина, кафе, ресторана, бара, «буквоеда» какого-нибудь. Единственный неусыпный Макдональдс у вокзала – и тот обманул. Закрылся в 5 на уборку, в 6 открылся, хотя было написано от 6 до 6. Ночью по Флоренции неприкаянно шатались толпы иностранных туристов: англичане, французы, немцы, много местной симпатичной молодёжи. Присесть негде. Выпить и закусить – тоже. Последний бар с барменом-китайцем закрылся в 2. Компании слегка навеселе бродили среди Давида и Нептуна, весело общаясь, кто-то пытался присесть на ледяные каменные скамьи, но тут же вскакивал как ужаленный, потом кто-то уходил в отель, кто-то уезжал на машине домой. У церкви Санта Мария Новелла как исчадия ада восстали из тьмы подозрительные африканцы и предлагали все виды разврата – от наркотиков до сексуальных услуг на все вкусы. Они были очень похожи по своей функции на средневековых и маньеристских чёртиков, которых художники обычно помещали в нижнем правом углу как побиваемых святыми, но ещё не сдавшихся. В неудобной

ночной жизни виноват, очевидно, перегиб с европейским социализмом, когда предприниматель не имеет права эксплуатировать тружеников ночью, и за это ему будет кирдык. Ну и зря кирдык, город и страна теряют миллионы от недополученных доходов от обслуживания туристов ночью.

Мы с сыном бодро бегали по ночной Флоренции до 3 ночи, но потом силы иссякли. Я нашла тележку на вокзале, загнала её в угол, где не дуло, мы на неё сели и покемарили часок до 6 утра, трясясь от холода. Под зад я подложила журнал «Магазин». Стало теплее. У входа в Макдональдс выстроилась очередь из подмороженных туристов и ночных гуляк, в 6 утра двери распахнулись, к барным стойкам со сладкими пирожками и горячим эспрессо припали пожилая дама в норковой шубке, глухонемой местный юродивый, пара негров, пара немок, весёлая компашка юношей и девушек в полосатых юбочках, какие-то деловые люди в белых рубашках, выкатившиеся из своих крутых тачек.

Карнавал в Венеции

Венеция во время карнавала разочаровала. По центральным улочкам сновали толпы туристов, ждущих величайшего счастья, красоты, таинственности и сказки. Физиономии у всех были напряжённые, всем казалось, что сейчас оно начнётся. Но оно не начиналось. Некоторые прикупали себе золотые и серебряные носы, кое-кто побогаче – полные костюмы, с маской, с плащом и шляпой. Они были как главные молекулы карнавала, остальные как придача к ним. Толпа по-

добно стаду двигалась вперёд, протискиваясь среди рыночных и торговых рядов, магазинчиков и забегаловок. Хитрые венецианцы предлагали покупать, покупать и покупать всякий вздор: маски из папье-маше, футболки, рюмочки, маленькие маски для прицепки на холодильник, ботинки, платья. Негры на панелях предлагали хорошие зонтики по 3 евро, а также ремни и сумки, которые делали, наверное, их соплеменницы в Африке из натуральных зверей. Это был типа большой европейский шопинг по древним улочкам. Никакой музыки, музыкантов, клоунов, артистов, представлений, никакого народного творчества масс, стихийного народного веселья, никакой бесплатной раздачи вина и пиццы тем, кто в масках.

Особенно разочаровало последнее. Я взяла с собой маски кривомордых кошечек, сделанных из папье-маше моей соседкой. Я думала, что мы все наденем эти маски и будем большой кошачьей группой подходить к бесплатной раздаче, сэкономим деньги. Увы, всё было за деньги. На русско-финской границе нам устроили большой обыск с потрошением всех-всех саквояжей. Мы узнали всё-всё друг о друге, у кого какие носки и трусики. Одна дама особенно заинтересовала русского пограничника, он спросил у неё, а что у неё там под свитером прячется. Она ответила: «Целлюлит», – и он отступил от неё. У меня же из сумки были извлечены два советских гранёных стакана и четыре кривомордые кошечки. Пограничник чуть с ума не сошёл от такой гадости.

Шопингующие из всех стран сливались в большой котёл на площадь Сан Марко. Там тоже не было ничего интересного – масок побольше, костюмы пошикарнее, типа того, как у нас у Спаса На Крови стоит Пётр первый в парике и Екатерина в платье. На сцене в глубине с ужасным звуком, от которого сыплется штукатурка и опадают фрески, происходило дефиле костюмов. Ну, дамы в платьях, ну, глаза припрятаны загадочными гламурными лицами из мёртвого папье-маше в блёстках. Ну и что. В этом всё счастье – купить золотой нос за 10 евро, нацепить его на себя и так бродить среди таких же олухов, как и ты?

От нарастающей злобы против этой обманки спасло странное происшествие. В ушанке за столиком в переулке сидел Анвар Либабов, с которым неделю назад в Питере я делала интервью. На нас капал холодный дождь. Анвар в русской шапке на лысой голове сказал, что привёз на карнавал три костюма, но ни один ещё не надевал из-за плохой погоды. Мы попили с ним кофе. Кстати, потом во Флоренции, в некоей дыре под горой, в баре, куда я зашла на минуту купить билет на автобус, кто-то назвал меня по имени. Это был итальянский режиссёр Риккардо Соттили, который делал фильм об Итальянской армии в России в 1941 году. Мы с ним познакомились в Питере осенью, и моя мама стала героиней его фильма, ибо была свидетельницей тех событий, Соттили к нам домой приходил. Ну и ну! Встретиться в Италии со знакомыми в толпе. Это как иголки в стогу сена!

Мы свернули с протоптанной трассы, и там открылась настоящая Венеция. Тихая-тихая, с бирюзовой лаковой водой, с облупленными домиками, с тонко колорированным декором среды. Ставни голубые, дверь оранжевая, чёрная гондола и гондольер в красной шапке. Гармония цвета изначально была столь сильна, что всё под себя перемалывала, всё в себя вписывала. Куда не кинь взгляд – всюду чистая живопись. В кривом тёмном провале между стенами мы увидели скрюченного дряхлого старика, в недоумении склонившегося над большой сумкой. Старик было лет 200, он еле-еле держал голову на шее, потом он вдруг сумел согнуться, схватить крепкими руками чужую сумку и утащить её куда-то в лабиринт дворов, обычно кончающийся тупиком у воды канала. В другом кривом затхлом венецианском тупике к нам подошёл странный человек лет 40, не цыган, он стал у нас выпрашивать металлическую денежку. Нет-нет, не купюру, а именно мелкую монету. Мы решили, что он алхимик, может быть маг и колдун, и может ему уже 1000 лет, и он колдует над глуповатыми туристами и питается их энергией. А, в довершение венецианских чудес, мы увидели железную цепь, которой была прикована лодка к берегу, которая не тонула, а болталась на поверхности волн противоестественным образом. Шопинг-шопингом, но мистика в этих местах сочилась из всех щелей. Хотя под золотыми носами чаще всего скрывались богатые немцы, а в гондолах катались богатые китайцы.

Религия

Зазвонил колокол и призвал прихожан к мессе. В собор, украшенный беспечно росписями кисти Тинторетто и Веронезе, стекались прихожане: старушки, девушки, мужчины. Мальчишки обрядились в бело-лиловые одежды и крутились у алтаря. На время мессы включили обогреватели, свисавшие из-под величественных сводов рядом с люстрами. В других храмах не было никого, в одном надпись: «В соборе ведётся видеонаблюдение». Среди скульптур и росписей на скамье сидела толстая девушка в позе покаяния с опущенной на молитвенную подставку головой. Потом присмотрелись – это была туристка, которая решила отдохнуть от карнавала и чуток в тишине поспать. Ведь на улицах Венеции нет ни одной скамейки, чтобы турист мог ногами отдохнуть, только за деньги стулья кафе... Мы тоже так присели и чуть-чуть покаялись.

Католические храмы вообще производят грустное впечатление. Бог в Европе мёртв, Европа пронизана атеизмом и материализмом, пусть простят за банальность все предшествующие наблюдатели, произносившие эту фразу с 19 века. Вспоминалась живая таинственность русских православных церквей, где вечно кто-то покупает свечи, молится, где молодые красивые батюшки ведут службы, церковные хоры что-то прекрасно поют, кого-то крестят в купели, кого-то отпевают. Церкви не пустуют, в них идёт напряжённая жизнь.

У католиков церкви почти безлюдны, «под видеонаблюдением».

Во время воскресной мессы в Пьетросанти к нескольким десяткам прихожан вышел старый-старый падре в серебряной шапочке, он громко запел надтреснутым тонким голосом в микрофон, у меня от грусти сердце сжалось. Ему вторил на органе другой старый-старый падре. Ещё один, совсем как бы столетний, в чёрной ризе, сидел еле-еле в деревянном чёрном домике с решёточкой и чёрной занавеской для выслушивания покаяний. На скамьях лежали хорошо отпечатанные программки о плане благотворительной работы прихожан на месяц. От горести я вышла на площадь. Там было другое. Там немолодой седой танцовщик разложил на древних камнях площади покрывало, включил оперную итальянскую музыку, записанную на диске, и под неё стал одухотворённо танцевать, вздевать руки к небу, и всячески изображать мольбы современного человека о лучшей жизни. Зрителей тоже собрал немного.

Европейцы выглядели как заевшиеся угрюмые бурундуки, несущие каждый отдельно сам по себе своё зерно во рту за щекой в свою норку, и на общие идеи покаяния или возвышенности духа у них времени и сил не было.

Пьетросанти

Городок, где Феллини снимал свои фильмы и откуда он брал своих персонажей. На 25 тысяч жителей – культурная жизнь по густоте как в пятимиллионном С-Петербурге. Каж-

дый день по пять и больше событий культурной жизни. Вернисажи, финисажи, литературные презентации, поэтические вечера... Мы успели выпить шампанского из пластиковых стаканчиков на открытии выставки скульптора, проходившей в залах старинного здания, выстроенного в виде квадрата с галереями и двором в центре. Солнце играло с резьбой колонн, на мраморных плитах вымощенного дворика то там то тут озадачивали выкрученные многозначные формы, в которых то можно было увидеть птицу, то девицу... Потом мы выпили дешевого вина из пластиковых стаканчиков и заели его крекерами на литературном вечере, где экстравагантная дама в шляпке представляла недавно вышедшую книжицу в гибком бесцветном переплёте. О чём проза, мы не поняли в силу слабого владения языком. Каждое событие сопровождала околочультурная тусовка, благородные седые гуру, длинные фрики, толстенные весельчаки, несколько спившегося вида дамочки, угрюмо одетые девушки, романтические юноши со взором горящим. Все необычные, возвышенно пламенеющие искусством во всех его видах.

Повсюду в городке у маленьких кафе, на улицах, за столиками эти пронзительно и изысканно одетые товарищи сидели под солнечными зонтами, потягивали вино или вкушали кофе. Эта был театр тщеславия и амбиций, каждый деятель искусства или деятель бизнеса от искусства тут что-то вылавливал, кого-то поджидал, с кем-то что-то обсуждал, кого-то соблазнял или отшивал. Большинство вальяжно рассижива-

ющих у столиков персонажей имело несколько гротесковый вид. Театр! Кино! Фредерико Феллини тут явно находил густейшую, плодороднейшую почву для своего творчества.

Городок был не только насыщен яркими необычными людьми, он был перенасыщен современной скульптурой, керамикой, приметам проживания художнического люда.

Виареджи

Мы оказались в Виареджи. Совершенно сказочное по красоте место: горы с белыми от мрамора головками, синее Лигурийское море, ослепительно белоснежные яхты и белые, как торт из сливок, виллы, пальмы. Говорят, что это городок, где любят отдыхать миллионеры. Вроде, как и яхта Березовского тут стояла, когда мы были, по слухам.

Жизнь трудовая вокруг мира денег кипит, кругом доки, мастерские, итальянские мужчины в белых комбинезонах яхты ремонтируют и красят, моряки и капитаны с кривоногой походкой поедают пиццу в кафешках, кто-то продаёт кальмаров со своей лодки. На набережных загорают дамы в норковых шубах, мужчины в белых брюках с собачками читают газеты. Детей в колясках выгуливают важные бабушки и матери. Дикие дюны все застроены и зарешёчены заборами, лишь полоса пляжа – общая, может быть в честь зимы. На домах висят красные типа Буратины, кукольные морды какие-то и изображения осьминогов, здесь тоже недавно был карнавал.

Наши русские друзья, увидев синее море и почуяв плюс

семнадцать в воздухе, несмотря на февраль, стали сбрасывать с себя одежды, чтобы искупаться. С севера же мы! К ним подбежал пожилой мужчина и стал что-то объяснять. Мы поняли, что. Среди белых яхт и вилл красовалась труба, из которой в синее Лигурийское море нагло сливалась чёрная жижа. Итальянец сказал, что тут 18 лет уже никто не купается. Мы были потрясены. Я на месте миллионеров, живущих в этих краях, чуток от миллионов потратила б на очистные сооружения.

У вокзала на полянке росло роскошное дерево, всё-всё покрытое апельсинами. Философ Ноговицын из нашей группы стал подпрыгивать и сорвал много апельсинов. Они оказались горькими-горькими. На вокзале под карнавальной скульптурой пьяного хряка все выпили граппы, которую в Италии никто почти не пьёт, кроме отчаянных русских. Русских в Италии сейчас, наверное, каждый двадцатый. В любом автобусе, поезде, в музеях и кафе – всюду звучала русская и с хохляцким акцентом речь.

Телевидение

Телевидение в Италии ужасное – точь-в-точь как у нас в России. Одни товары гигантские летают по экрану, по всем каналам пошлейшие шоу, тупейшие плоские сериалы, никакой культуры, никакой гуманитарности. Скучная долгая политика, чуть-чуть слепляет нацию боление за футбол, что-то живое проскакивает иной раз в новостях. А так – тупость, бескультурье, попса и печенье на весь экран, заби-

вание людской расы своей же вышедшей из-под контроля жратвой. Никакого напоминания о Россини, Феллини, Антониони, «Пармской обители», никакой оперы и марионеток, никакого театра и интеллектуалов на ТВ. Одна жвачка для обывателей, будто у Италии нет корней и Рим – не великий город.

Но утром за крепко зажмуренными жалюзи виллы Каме-рата насвистывал свою песню Чиполино. Я подумала – что это, не сошла ль я с ума, как сошёл с ума Стендаль от красоты Флоренции? Говорят, что во Флоренции есть дом Стендаля, где подлечивают особо нежных туристов, свихнувшихся от разлитой в Италии красоты. Нет-нет, я не сошла с ума! Это свистел не Чиполино! Это свистели птицы в вечнозелёной туче, лаврах, кипарисах и среди хвои пиний. Точно так же они свистели с фресок фра Бартоломео, так же насвистывали они в уши римским патрициям и рабам о наступающей весне...

Итальянская подруга

Первым мужем Даши стал питерский художник Саша, представитель культурного питерского рода. У Саши и Даши родились две дочки – Лиза и Ксюша. Но началась перестройка, финансовые трудности, семья распалась. Даша встретила симпатичного интеллигентного итальянца Витто, любителя искусств и игры на виолончели, и оказалась с дочерьми в Италии. Потом Даша встретила другого замечательного ита-

льянца – Мауро. Девочки выросли настоящими итальянками. И вот я оказалась в гостях в доме у Даши и Мауро в местечке Пеша, на берегу одноимённой реки.

Пеша находится недалеко от Флоренции, в очень живописных горах, это место туристы называют Пешетинской Швейцарией – из-за сходства пейзажей. Бурная река, горы, поросшие буком, каштаном и лианами, повсюду – древние средневековые дома и городки на вершинах гор, непременно с прямоугольной колокольной башней и часами на маленькой средневековой площади.

Дом Мауро оказался бывшей средневековой мельницей. Три этажа, подвалы выходят прямо на бурный поток, толстые стены из огромных камней. Мауро когда-то жил в городе. В городе выросли его родители, они были рабочими на заводах. Но деды и прадеды Мауро когда-то жили в деревнях, имели свои дома, обрабатывали земли. И вот в Италии что-то изменилось лет 10 назад, стало вдруг модным возвращаться к своим корням, покупать деревенские дома, заниматься фермерством. Шесть лет назад Мауро взял у правительства кредит и за 100 000 евро купил заброшенную древнюю мельницу на реке Пеша. Сделал новые деревянные перекрытия, соорудил винтовую лестницу из брусков, расчистил камин, поставил новые рамы. Дом получился трёхэтажный, почти как средневековый замок какой-то. На третьем этаже – спальня, на втором – кухня с огромным столом, старинными креслами, сделанными по римскому образцу. Вни-

зу – огромные хозяйственные помещения со сводчатыми потолками, и ещё вторая часть дома с несколькими комнатами и мастерской Даши.

Картины Даши были отличными. Несколько широких взмахов кистью – и полное ощущение бирюзовой Адриатики, оранжевого марева холмов Флоренции, пирамидальная зелень итальянских холмов. Точная, лаконичная петербургская живопись... Очень хорошая авторская керамика. Всё это продавать здесь в сельской местности оказалось затруднительно. Итальянцы неохотно пускают на свой арт-рынок иноземных художников. Да и вдохновение к Даше в Италии приходило реже, чем в Петербурге.

В солнечной и жаркой Италии зима длится, увы, долго и скучно, почти как в России. В ноябре начинаются холода, и длятся они до марта-апреля. Плюс 10 градусов днём, ночью до нуля, на самом деле это холодно и противно. Особенно если учесть, что Европа безалаберно привыкла радоваться жаркому лету, и совсем не готова к уютной жизни зимой. Русских печей здесь нет, камин в доме совсем не нагревают, если только не усесться прямо возле огня. На улице от нуля до плюс десяти, и в доме точно так же. А я то думала, почему на картинах европейских художников средневековья и ренессанса дамы и рыцари так любят меха. Нет ничего лучше меховой шубки, толстого бархата и множества всяких одёжек-пододёжек, толстенных юбок, стёганных штанов, шерстяных чулок, а также желательно иметь бархатный тёплый бе-

рет на вате – и тогда ещё в каменном европейском доме зимой европейской можно как-то перекантоваться.

Постели в доме Мауро нас ошарашили. Огромные, с пятью одеялами, представляющими собой всевозможные варианты борьбы с холодом. Кроме обычного, пухлого, на вате – одеяло 70-х годов с электрическими проводками, включающимися в сеть. Сверху – итальянской бабушкой вязаный плед в крупную дырочку, очень даже согревает. Совсем сверху – ковровое покрывало с радостным флорентийским красно-голубым орнаментом. Ах, капитализм, вот у нас во второй половине 20 века покрывала в СССР делали каких-то бежево-серых тонов, что-то с цветоощущением у наших фабричных художников было не то, глубокая депрессия у них была, и они ею щедро делились с потребителями. А тут народ сохранил в душе древнее тонкое цветоощущение.

Но даже пять одеял не спасали. Голова ночью сильно мёрзла, даже под волосами. Хотелось вязаного ночного колпака, как в кино или в сказке. Утром мы выбегали на улицу, там от взошедшего солнца было теплее, чем в средневековом каменном мешке.

В доме своём Мауро развёл 10 кошек, ибо дом был наводнён мышами и крысами, но фирменные итальянские кошки быстро с этим безобразием расправились. Кошки были необычные, у них, очевидно, от перепадов температур, шерсть была густая, с подпушком, а снаружи лоснящаяся и жёсткая. Глаза у кошек были как у античных прорицатель-

ниц. Глава кошачьего прайда, чёрный кот по имени Сибилло, воистину был колдуном и магом, он видел привидения. Мы сидели за большим семейным столом, тут что-то задуло, зашумело, дверь захлопала, камин зашуршал – Сибилло уткнулся раскосыми глазами в воздух, ощерился, он явно видел в воздухе то, что люди не видели. По глазам кота можно было наблюдать за передвижениями призрака!

Но спать в доме было не страшно, несмотря на скрипучие полы и потолки. Дверь из дома выходила прямо на горное извилистое опасное шоссе, но двери можно было не запирать. В Италии сейчас нет преступности. Ночью мне снилось что-то волшебное и прекрасное, как хитрые улыбки Сиенских мадонн и сказки Гоцци.

Кроме 10 кошек на ферме Мауро держал мулицу Карину. Мауро разводит на ферме фасоль, но недавно он прикупил оливковую рощу на вершине горы, и мечтает возить на мулице мешки с оливками. У Карины тут же появился поклонник – страстный рыжий жеребец по имени Соло, что означает Солнце. Это Солнце иногда подстерегало Карину и набрасывалось на неё. Интеллигентная питерская художница Даша выскакивала из дома-замка с зонтиком и сражалась с Солнцем за честь Карины. Жеребец Солнце удивил нас своими умными пронизательными человеческими глазами, живёт он у соседа Мауро – в соседней бывшей мельнице.

Мы, недолго думая, отправились в гости к соседу. В отличие от Мауро, который в этих местах новый человек, со-

сед Мануэль оказался представителем древнейшего местного рода, его предки тысячами жили в этом месте, на берегу этой реки, под этой горой, тысячами они кормились от мельницы, жернова которой неустанно крутила горная Пеша. Увы, жернова валялись за домом, мельница давно не работает, Мануэль постарел, дети его уехали в город, он живёт на реке трудной стариковской жизнью. Окна первого этажа от холода и ветра заделал полиэтиленом, развёл декоративных курочек и сторожевых собак. Собаки охраняют участок Мануэля от диких кабанов, лисиц и волков, которые иногда сюда заглядывают.

Иногда по горам бегают охотники с мобилами и ружьями, они пытаются подстрелить кабанчика или оленя.

К Даше в гости мы приехали весёлой компанией – Коля-филолог, реставратор Аркадьич, философ Олег плюс мой сын-подросток Саша, юноша с волосами до пояса. Итальянцы всюду его называли «рогацци» – «подросток», слово это очень подходило к Сашину возрасту и ершистому состоянию.

За домом я увидела древнюю римскую дорогу, которая вела в горы. Дорога была удивительно вымощена – камень к камню, с выдолбленными желобками для стока воды. Дорога была усеяна палой листвой, но сделана так, что листья на ней не образовывали гумос и почву, они сами собой с камней смывались. Потрясающее сооружение! Мы пошли по дороге вверх, встречая свежие кабаньи следы. Я пыталась предста-

вить себе, как 1000 лет назад, а может и 3000 по этой дороге от мельницы наверх поднимались лошади и ослики с поклажей, тащили муку на вершину горы в селения. По дороге то и дело встречались развалины древних домов, живописно увитые диким виноградом. На вершине мы наткнулись на большое ухоженное поместье с господским домом и хозяйственными пристройками.

Солнце зашло и стало быстро темнеть. Ровно в 7 часов с вершины соседней горы, на которой находился древний городок Виллано, вдруг раздался медовый звон колоколов. Ему откуда-то с другой горы ответил другой сельский колокол. Ещё откуда-то издалека забил третий колокол, уже с басистым голосом. Боже мой, так они переговаривались ещё при Рафаэле и Джотто! Какие благословенные сельские места, жизнь в которых не прекращалась никогда – ни во время чумы, ни во время военных конфликтов между какими-нибудь гвельфами и гибеллинами. «Это они призывают – пора пить граппу! Пора пить граппу!»,- так расшифровал переключку колоколов наш друг Коля.

Лес вокруг стоял стеной, терновые кусты с жуткими колючками делали его непроходимым. На римской неснашиваемой дороге я увидела шкурку дохлого ёжика. Вдруг я увидела, что всё вокруг покрыто серыми колючими шкурками дохлых ёжиков! Это оказались оболочки переспелых перезимовавших каштанов.

Наступила ночь. В чёрном небе зажглись крупные звёзды,

все горы вокруг покрылись огоньками жилых домов. Стало уютно и приятно, такое чудесное сочетание дикой первозданной природы и обжитости её людьми. Мы шли по роскошной гладкой асфальтовой дороге, которая петляла вокруг гор, спускалась к бурным потокам и водопадам, опять куда-то поднималась. Наконец мы оказались на шоссе и осели в ближайшей таверне. Цены на вино и колбасы средневековых размеров были смешными и наивными после туристской обдираловки в Венеции и Флоренции. За прилавком работала семья: дама средних лет, её муж; потом откуда-то с гор в кафе зашли молодые парни. Мауро нам сказал, что после 7 вечера, после звона колоколов, местные жители любят собираться в ресторанчиках и тавернах, есть пиццу, пить вино, обсуждать новости. То бишь Коля правильно понял голос колокола.

Мы вернулись в дом Мауро. После пышного ужина, тостов и вина в гигантских бутылках все уткнулись в телевизор. В горах он ловит 10 программ. Огонь в камине почти не грел. Люди и кошки, все мы чуть ли не лезли в пекло, чтобы согреться. Надели на себя шапки, куртки, толстые носки. Хотелось чунечки надеть. По телику Берлускони соперничал с Проди, в дебатах участвовали представители того и другого. От Проди был интеллигентный старик, от Берлускони – красотка с силиконовыми губами. Понятно было, кто победит. По русскому каналу пели чудовищно пошлую попсу чудовищные русские девахи, почти голые, с очень порногра-

фичными телодвижениями. К Лизе и Ксюше в гости пришли их итальянские женихи – юный фермер из соседней деревни и юный ученик повара. Они были прекрасны в своих тёмных кудрях, с влажными виноградными глазами, белозубыми улыбками, будто только что сошли с картин Брюллова. Молодёжь с восторгом смотрела на русских певиц. Слов они не понимали, а всё остальное им нравилось! Мауро предложил всем заняться делом. Он принёс мешок фасоли и высыпал её на древнюю столешницу. Мы начали перебирать фасоль: белые зёрна в одну кучку, с одним пятнышком – в другую, совсем брак – в третью и т.д., где-то 5 сортов. Через 10 минут пальцы от холода задубели и стали примерзать к ледяной фасоли и столу. Мы чувствовали себя Золушками.

Фасоль Мауро тонкокожая, высоких диетических свойства, и продаётся в магазинах по 30 евро за килограмм. Мауро не успевает её выращивать в нужных количествах. К тому же трудности с землёй: как и 1000 лет назад плодородная земля в горах – результат огромного труда. Нужно вырубить лес, сделать террасы, выложить их камнем, чтобы почва не смывалась, наносить землю... Фасоль даёт Мауро неплохие доходы, недавно он провёл в доме отопление, сделал роскошную сантехнику.

Утром мы напоили мула, а длинноволосый Саша вдруг изъявил желание помыть волосы свои длинные. Мауро и Даша смутились, мы поняли, что с сантехникой тут проблемы – или дорогое электричество, или что-то не очень рабо-

тает. Мауро отвёл Сашу на третий этаж, в душ возле своей спальни. Сказал, что мыться надо быстро, вода нагревается, а потом быстро остывает. Мы с Колей, Олегом и Аркадьичем воссели вокруг семейного средневекового стола, чтобы выпить дешёвого вина и закусить хлебом и рукколой с сыром. Кошки итальянские бесновались, старый кот пытался изнасиловать неполовозрелого котёночка, и тот отчаянно визжал. На наших глазах одна из кошек бесстыже исполнила свой туалет прямо в промёрзлый камин.

Вдруг на стол, прямо на вино и хлеб, полился водопад. Я сразу поняла, что это Саша, и рванула по древней лестнице вверх. Саша журчал водой за занавеской, а из-под неё струился мощный поток – по полу спальни, по лестнице, оттуда – прямо нам на стол. Это длинные Сашины волосы забили дырочку слива, произошёл затор и пошёл поток. «Саша! Саша! Выключай воду немедленно!» – испуганно вопила я, но упрямый рогатци сказал, что не выключит, пока не домоется. Я и Даша, мы взяли тряпки и тазы, стали собирать текущую воду. Запахло свежестью, чистотой, уборкой. К нам в столовую спустился свежeweымытый Саша и на упрёки процедил сквозь зубы: «А что такого? Я помог в этом доме смыть средневековую пыль!».

На следующий день Даша села за руль своей старой красной машинки, окна которой за ночь покрылись инеем. Из-за скалы выскочил лихач, но вовремя успел притормозить. Вдоль речки Пеша то и дело встречались заброшенные и дей-

ствующие бумажные фабрики. Пахло хлоркой. Выяснилось, что из-за частных бумажных фабрик на реке Пеше и применения ими хлора, вода тут слегка отравлена, что ведёт к бесплодию местных мужчин. Вот такая красота, вот такие Чиполины и Буратины плюс борьба с бесстыжим капитализмом. На склоне горы мы увидели албанцев, которые по чьему-то разрешению или без него налысо вырубали лес...

Салмела (июнь, 2007)

Искусство в глуши

Недавно финский центр искусств «Салмела», расположенный в селе Мянтюхарью на берегу озера Пюхавеси, пригласил питерских журналистов к себе в гости. От поездки в этот центр осталось несколько потрясений. Если их перечислить во временной последовательности – то это фуры с русским лесом, таможня на русско-финской границе и сам культурный центр и его хозяин, господин Туомас Хойкала. Если расположить впечатления по степени позитива- то получится в обратном порядке.

Так что лучше описать всё по возрастающей. Чем больше мы приближались к русско-финской границе, тем больше встречали фуры с нашим родным кровным русским лесом, который высасывается из территории нашей родины очевидно в катастрофических масштабах. Из Финляндии в Россию в таких же масштабах идут фуры с иномарками. Если посчитать, сколько вредного газа выделяет каждая машина и

сколько кислорода выделяли загубленные вековые сосны и берёзы, то стоит всем дружно завывать и заголосить. Всемирное потепление – это наших рук дело, Россия вырубает свои леса, зелёные лёгкие на одной шестой суши скоро превратятся в болота и пески, нас ждёт экологическая катастрофа. Все журналисты подрёмывали, я же вся извивалась как уж на сковороде, беспрерывно снимала фуры с лесом и громко верещала и ругалась. Я, наверно, потомок эльфов.

На таможне мы простояли часа два. Не потому что утром в будний день на трассе было много машин. Очень даже немного было машин – десяток фур с лесом и десяток легковушек русских путешественников на нашей стороне, штук двадцать фур с автомобилями – на той стороне. Но стояли мы два часа. Потом стало понятно почему. Вместо пяти или хотя бы двух таможенников работал один. Он лениво откуда-то из долгого небытия вылез, потом лениво штамповал паспорта. Такая же леньность наблюдалась на обратном пути – на стороне финнов. Это изумительно, как со сменой советского строя на капитализм совершенно не изменились повадки жирного слоя российской бюрократии. Более того, во всех учреждениях очереди и мытарства населения ещё больше возросли, и с каждым нововведением и усовершенствованием системы сберкасс, собеса или телефонной станции эти очереди и мытарства ещё больше увеличиваются. Наверное, улучшения коснулись и таможенного быта. Коснулись настолько, что даже финнов разложили и заразили.

Слава богу, что пока ещё мы не заразили финнов любовью к мусорку. Ещё в 10 метрах от границы на нашей территории наблюдались скинутые полиэтиленовые мешки в канавах и раскисшие картонные коробки, но уже на той территории всё стало каким-то лучезарным, чистым и дизайнерски красивым, даже финские плоские домики на ровных лужайках, оживлённых шарообразными кустами сирени.

Центр «Салмела» оказался расположенным типа в финской глуши, посреди лесов и озёр. Это как у нас если ехать по Новгородской губернии и в 200 км от города, не на главной трассе, обнаружить среди лесов роскошный культурный центр современного искусства, с выставочными площадями в 1000 квадратных метров. Увы, у нас такое даже и в самом сладком сне не увидеть, хотя художников земля русская не перестаёт плодить, куда ни взгляни – талант на таланте.

Всё началось с того, что Туомас Хойккала предложил использовать заброшенное деревянное двухэтажное здание мирской управы как выставочный павильон. Жителям деревни Мянтюхарью идея понравилась. Потом господин Хойккала стал прикупать земли и создал выставочную территорию Дормандер, где под экспозиции современного искусства были приспособлены бывшая аптека, почта, жилище слуги и хозяйственные постройки 19 века. Также под выставки стали использоваться беседки в стиле северного модерна, созданные известными финскими архитекторами Энгелом, Виви Лённом и Айно Аалто. Сам господин Хойккала, похо-

жий чем-то на нашего голубоглазого кудрявого поэта Есенина, как если б он бросил пить во время, и дожил до более зрелых лет, по образованию своему музыкант, пианист. Родился в бывшем финском городе, который потом стал советским Приморском. Судя по увиденному- талантливый, серьёзный и чуткий арт-менеджер, куратор и организатор искусства.

Туомас Хойккала встретил нас, питерских журналистов, с каким-то северным изяществом. Девушки в кружевных передниках вынесли вино в пупырчатых, напоминающих россыпь брусники, бокалах. Сам хозяин в белоснежной рубашке такой белизны, что никакому «Тайду» и не снилось, провёл нас в ресторан, украшенный абстрактной живописью, потом он сел за пианино и сыграл «Рябину кудрявую». Потом он рассказал о центре «Салмела» и о том, что всё приходит само, когда это нужно. Туомас Хойккала получает ежегодно около 500 портфолио художников, не только молодых и не только финских, потом из них отбирается человек 10, они приглашаются в «Салмелу» жить и творить. Их работы с величайшим вкусом выставляются на территории Центра, все они предлагаются посетителям. От проданных работ Центр берёт 30 процентов – на развитие экспозиций и другие нужды.

Современное финское искусство мне понравилось. Раскинулось оно по «Салмеле» вольготно, роскошно, всегда с тонким вкусом вписываясь в ландшафт или интерьеры помещений. На зелёных лужайках высилась гигантская скульп-

тура Киммо Шхродеруса, напоминающая какие-то противотанковые против инопланетян заграждения, или на связку гигантских гранат, так и не брошенных в рыло оккупантам. Сам Киммо, молодой человек, все свои рабочие скульпторские руки покрывший татуировками, называет свои скульптуры этой серии «Страшилищами», некоторые из них украшают Хельсинки. Внутри здания бывшей мирской избы мы увидели сияющие белым алюминиевым неземным цветом скульптуры Шхродеруса, изображающие что-то опять же космическое- «Фони», единицу звонкости, некую горную пропасть в уменьшенном виде и т.д. Космическому сиянию скульптур вторили радостные полосатые арифметические композиции Мари Рантанен, которая и сама была одета в полосатое платье, навевающее ощущение озёрной финской ряби.

В следующих залах нас ждали картины Вилмалотты Оливии Шхафтхаусер, которые уже выставлялись в России и которые сразу вспомнились. В синих и голубых прямоугольниках чем-то терзались девушки и юноши в джинсах и футболках, над ними реяли части белоснежных лебедей, как намёк на несбыточность мечтаний. Своей находкой Оливия считает то, что в картину она как бы вписывает ещё картину в раме, которую можно вырезать, заменить другой- как это имеет место быть в потоке сознания человека. Какую-то пронзительно лазоревую красоту литературоцентричных полотен Оливии подчёркивали скульптуры Арво Сиикамяки. Самого

художника в Центре мы не застали, но его женские торсы, вызывающие ассоциации с льющейся чистой водой, постоянно изумляли своей уместностью в той или иной экспозиции.

Автором бабочек и кувшинок оказалась юная художница Беата Юутсен, которая зимой учится в Париже, а летом гостит в Салмеле. Одной из самых покупаемых художниц является Мариа Ойкаринен. Девушка в розовом рассказала нам, что её большие абстрактные полотна, в основном в розовых бурных тонах, навевают ей финские закаты, восходы и тучи перед грозой. Сана Кауппинен потрясла всех своими задумчивыми графическими работами, которые она делает на типично финском материале – листовой фанере. Особенно меня очаровали скульптуры Тины Торккели. Из керамических листьев выглядывали человеческие листья, на нитях свисала стеклянная растительность, среди гигантских лепестков извивались маленькие бронзовые человеки-почти эльфы, но какие-то слишком страдающие и даже трагичные. Акриловые могучие завитки Весы Песонена, на фоне которых порхали бронзовые эльфы Тины Торккели, также производили впечатление некоего порождения природных четырёх стихий, погружённых в грустную и мрачноватую борьбу-раздумье. Вообще, искусство Финляндии в том виде, в каком оно было представлено в Салмеле, показалось глубоко национальным, насыщенным какой-то кристально чистой, сияющей, но при этом уязвимой и страждущей природой.

Если в одной половине творчества художников Салмелы бурлят стихии и силы финской природы, то вторая половина явно погружена в мир человеческий, мир психологии, страстей. Кроме Вилмалоты Оливии Шхафтхаусер в глубину человеческих отношений полностью погружена Мари Пихлякоски, на картинах которых сложно и трепетно общаются размытые и словно введенные в мелкий тремор полуголые девушки. Мир мужчин и мужских отношений исследует Топи Руотсалайнен. Его картины напоминают запечатлённые в холсте и масле кадры каких-то хороших реалистических кинолент, типа наших кинолент 60-х, где юноши и мужчины часто запечатлевались тонко и задушевно размышляющими и спорящими между собой.

Но самым драматическим и мощным художником Салмелы мне показался Янне Мюллонен. К тому же выяснилось, что он неплохо говорит по-русски, так как учился в нашей Петербургской Академии Художеств, в мастерской Уралола. Его академическая живопись почему-то оказалась вся проникнута темами войны, воинства, мускулиной приверженности богу Марсу. Слепой снайпер, изящные девушки в красном, попавшие на холст рядом с какими-то полуживыми искалеченными торсами обнажённых воинов, солдаты в касках. То ли холодного финского юношу потрясли наши фильмы о войне, то ли сводки из Чечни, то ли афганские инвалиды в метро, но картины Янне производили потрясающее впечатление. Но не пацифизм, а иное. Скорее «сису». «Сису» –

это основополагающее финское понятие, которое трудно перевести на русский одним словом. Это и упрямство, и несгибаемость, и огненная страсть, которая бывает пробуждена в финском вялом и холодном с виду мужчине в экстремальных ситуациях. Может это что-то гиперборейское и нордическое. Янне Мюллюнена можно было бы назвать этим исследователем и певцом финского «сису». В Питере его зовут Ян Нево, потом я часто его встречала на Невском в фирменной льняной кепочке.

Ещё одно впечатление – это внешний облик обитателей Салмелы. Если бы я была кинорежиссёром, то взяла бы всех подряд сниматься в кино, и всем бы дала главные роли, главную партитуру конечно, отдав бы Туомасу Хойккала. Пока мы бродили по выставочным залам и зальчикам Салмелы, яркие финские индивидуальности сидели за деревянным столом и смотрелись как мизансцена из пьески Чехова или Стриндберга, а, может, как экранизация жизни Репина в Пенатах. И всё это плодоносящее творческое созвездие личностей – в деревенской по русским понятиям глуши...

В небольшом пруду отражались ледяные узоры беседок. Господин Хойккала рассказал нам, что тут было болото, он сделал из него пруд, и вот теперь изящных беседок на территории парка Домандера стало вдвое больше... Кроме живописи и скульптуры в «Салмеле» можно увидеть музыкантов и поэтов, услышать музыку, пение, стихи. За год в «Салмелу» заглядывает более 100 тысяч посетителей. Многие ста-

новятся покупателями и увозят с собой в свои чистые домики среди лесов и озёр произведения своих соотечественников.

В сентябре Туомас Хойккала собирается открыть подобный центр искусств у нас в Выборге, он уже купил и отреставрировал целый дом для этих целей. Предполагает работать с русскими молодыми художниками, особенно его привлекают выпускники нашей Академии Художеств. Автор и произведение не умерли, живопись жива, рамы для картин нужны хорошие, скульптуры округлы, куратор на коне, и вообще нам бы таких «Салмел» побольше...

Гжель (июль, 2007)

Наличники и наличность

Путь в Гжель начинался от Выхино. Выхино – это типа нашего Купчино. Загазовано, дома стоят безобразные, грязные, в трещинах, с надкусанными панелями, как после войны. А дальше идут места культовые, заповедные. Люберцы. Такие беспробудно унылые и безнадёжно тоскливые, что сразу хочется записаться в русскую провинциальную мафию и стать мелким бандитиком, строить жирных лоснящихся буржуев из центра. Иного труа и развлечения здесь нет. А ещё дальше – могучая трасса в сторону Гжели и Егорьевска. Вдоль трассы – бесконечные дома, то грязные блочные монстры в трещинах, то унылые уродливые новостройки, дома без души и фантазии, порождённые бездарными архитекто-

рами, потом дома из серых кирпичей, какие любили рисовать на плакатах по гражданской обороне – ровные такие, по линейке прочерченные, абсолютно без украшений, дома для спасения под вопросом от поражающих факторов атомного взрыва. Дальше идут деревянные домишки без украшений, перемежающиеся коттеджами. Потом – избы традиционной Руси, с украшениями, с радостями жизни, нарядные домишки деревенские людей, когда-то пребывавших в гармонии с миром и со своей душой. Среди них – церквушки шатровые старинные.

А вообще дома стоят такой бесконечной стеной вдоль шоссе и справа и слева, так слиплись и срослись поселения и городки меж собой, что возникает ощущение, будто из Москвы и не выезжал – так, мчишься по одному бесконечно-многокилометровому Гжельско-Выхинскому проспекту, от центра прочь, а жирная Москва всё никак не кончается. Мне сказали, что вокруг Москвы везде так, на всех дорогах, в радиусе 50 километров – сплошные сросшиеся поселения. Москва предстала страшным спрутом, ужасающим inferнальным магнитом, всё в себя всасывающим вокруг себя. У нас в Питере эта тенденция тоже появилась, но пока пунктирно, пространство всосано от краёв Питера до Ольгино и Горелово, но всё же не так густо ещё заселено людьми и замусорено домами, и от города это километров 10-20. Никак не 50. Дальше у нас леса какие-то техногенные, в которые по ягоды идти неприятно – город маячит за спиной, и сами

леса дремучие, людьми не хоженные, зверьми покинутые, где птицы не поют. Просто зелёная зона для освежения воздуха.

Места в Гжели – русские, народные, сказочные. Избушки в сложных деревянных кружавчиках, в коих проступают узоры древних рун. Могучий аромат полевых цветов, кузнечики бесчинствуют, как бы сходя с ума от летней радости. Яблоньки шатровые – те, из «Гусей-лебедей», под ветвями которых могла спрятаться Алёнушка с братцем Иванушкой. Я всё думала, что это за яблони такие, под которыми можно от Бабы Яги укрыться. У нас на севере ветви у старых яблонь торчат вверх сучьями. А тут я увидела первый раз яблоньки плакучие, с длинными гибкими ветвями, сплошь украшенными бусинами румяных яблочек, типа как ива с подарками. Травы под ногами шелковые – как ковёр самый лучший в мире.

И ещё я раньше думала, когда мчались мы на машине по шоссе на Мшинскую, пронзая насквозь старинные русские сёла – а вот каково в таких деревушках жить, в тех, в которых по деревенскому Бродвею проложены могучие неумолкающие трассы. Каково сельским жителям с дремучими петушками и козами своими глазеть сквозь кружевную занавесочку на скачущую мимо цивилизацию- на все эти жирные лоснящиеся улюлюкающие вольво, нисаны, джипы, опели...И вот узнала – каково. Попала именно в такой недрёмный домик, где по ночам по древней избешке носятся оголтелые лучи фар, и не смолкает круглосуточно шум дороги. Где на

яблоньки, очевидно, оседает свинцовая пыль, а лёжа на травушке-муравушке, ты всё время чувствуешь себя так, будто ты прилёг посреди московского пресловутого дворика, воспетого Поленовым, но перенесённого в наши дни.

Мы пошли погулять по этой самой Гжели. Поля, леса. В полях встречаются белые абрашки-барашки, коровищи с огромными вёдерными вымями, коз много. Дома почти все заселены – не русскими, так пришлыми людьми, которые активно земли эти осваивают для жизни. Приезжают целыми аулами и родовыми кланами. Гортанная речь звучит через каждые три-четыре дома. Какие-то южане разводят цветы и так успешно ими тут же торгуют на трассе, что даже возвели круглосуточный ларёк с неоновой подсветкой. Иметь дом на такой оживлённой артерии и не суметь найти в этом выгоду – это бред. Бабки местные торгуют по-мелкому всем, что здесь производится и растёт: кабачками, тыквами, огурцами, черникой, яблоками, картошкой, молоком. Для местных старушек это даже развлечение, замена телевизора. Мы видели раскладушку, которая стояла у самого края зловонного шоссе. На ней возлежала прекрасная старая карга, ссохшаяся, грозная, в каком-то типа древнерусском сарафане. Она присматривала за своими тыквами, которые хотела продать проезжающим шофёрам.

Более молодые русские люди встречались крайне редко – в виде дебелых добрых и послушных тёток с рыжими ресницами и в виде абсолютно потерявших человеческий об-

лик мужиков, от алкоголизма чрезвычайно похожих на какую-то новую породу человекообразных обезьян. У этих спившихся русских мужичков вид хмурый, целеустремлённый- они все или идут за выпивкой, или страдают от похмельного синдрома с видом кротким и поникшим. У них морщинистые лица, маленькие яркие синие чистые глаза, немного даже детские, уши каике-то как у обезьян – торчащие и округлые – я думаю, что они так отвисают от спирта. Они все сухощавы, ссутулены – точь- в точь как человекообразные неандертальцы, не совсем ещё пришедшие к прямохождению. Одеты во что-то чёрно-серое, заношенное. Дети у них растятся в бедноте, ибо сначала батяне надо на святое – на выпивку, а потом уже со сдачи растроганный водкой мужичок готов купить дитяте мороженое. Самое дешёвое – стаканчик бумажный. Это так грустно, так из другого века, из романов Диккенса и Достоевского.

Однажды я задержалась в Москве – на поминках поэта Дмитрия Александровича Пригова, и добиралась я до Гжели на электричке. Вокзал московский потряс меня изобилием железа, решёток каких-то всюду для загона людей по нужным направлениям, всюду воняло шавермой, на ларьке с изобильным притягательным запахом, у которого выстроилась очередь из усталых работяг, было написано «рабская шаверма», это от слова «арабская» отпала буква «А». Я усмехнулась и помчалась на нужную электричку. Переполненная электричка, долго-долго следовавшая в чадном жире

дешёвого города, среди хрупких панельных некрасивых домов, чуть-чуть приукрашенных добавлением голубого цвета в некоторые панели, вдруг как-то опустела. Мы вырвались в вечерюющие поля, на пластиковых скамейках вагонов крутились какие-то изработавшиеся некрасивые мужчины разных возрастов, какие-то корявые люди, одетые во что-то всё чёрное, безнадёжно тёмное, какие-то опасные с виду... Я еле дождалась того сладкого мига, когда электричка выплюнула меня на перрон станции Гжель, но там оказалось ещё страшнее. Кроваво-коричневый летний закат догорел, наступила темень, на станции не пахло могучей вольной травой, а пахло пожарищем, где-то смрадно и жирно горела помойка, горели пластиковые бутылки, пластмасса, рваные кроссовки, весь этот долбаный глобалистский мусор, который взгромоздился на нашу родную деликатную уязвимую русскую природу, и душит, душит её... Я очень боязливо и энергично бросилась под колёса последнего уходящего в поля такси, таксист вёз уже трепетную, загулявшуюся, как и я, в Москве девушку. Таксист всё ж взял меня вторым пассажиром, потом мы долго мчались по грунтовым дорогам в поросшие травой, одичавшие поля, по обочинам которых кавказцы пасли в мелких масштабах животных для своего личного пользования, заехали в какое-то совсем уже ночное село, там, в Доме культуры, была дискотека, там играла громко музыка, а вокруг клуба вились тени нарядных девушек, нарядных как-то нехорошо, по-городскому, чересчур откоро-

венно, кричаще, как на последнем издыхании и призыве. Нарядную девушку с голыми крылушками девичьего таза и задранной кофточкой высадили прямо на пир сельской жизни, меня водитель повёз дальше, это был средних лет приятной внешности мужчина, наверное, из средних слоёв деревенских, вот, не пьёт, машину купил нормальную, извозом ночным занимается. Он дал мне свою визитку с номером мобильного, сказал, что в любое время можно звонить, приедет, отвезёт куда надо... Это было удивительно – комфортно, безопасно, это здорово облегчало жизнь живых людей в этих окраинных землях... Водитель притормозил лихо у нашего колодца-журавля, я вышла, опять резко обдало запахом жирной полыни, зацицикали миллионы ночных цикад, русская народная природа рванулась мне навстречу с горячечными объятиями своими... В сарае, где раньше грустно вздыхали корова, свинья, лошадка, гуси, а теперь никого нет, – включили вечерний дынный свет, свет зажгли во дворе, где шёлковая трава опять удивила своей прохладной ласковостью, яблоня скинула со стуком ещё пару румяных яблочек ... Опять долго смотрели какие-то дурацкие фильмы на жидко-кристаллическом плоском большом экране над кроватью, потом ночью опять пугали городские игры пробегающих мимо фар...

Соседом по деревенскому дому был пожилой грузин. Он куда-то исчезал, потом вдруг приехал со своей усталой женой, к вечеру с их участка пахло шашлыками...

Я шла по деревне, такой знакомой по детству пахучей, могучей деревне, с толстенными серебристыми ивами вдоль шоссе, с голубыми глазками цикория, улыбающимися из трав, мимо древних весёлых изб, красноречиво говорящих о таланте и жизнерадостности людей, которые здесь когда-то строили дома, жили веками... Одна изба меня поразила. Это был такой маленький в три окна домик, древненький, с особо весёлой вязью деревянных кружев вокруг простодушных глазиков-окошечек. Он был мёртв, это было видно по тяжёлой паутине на окнах, за которыми висели ещё кружевные занавесочки из льна с мережками. Прямо к задней стенке мёртвенькой избушечки был прирощен огромный кирпичный коттедж, раза в два выше и в полтора толще, чем дряхлая избушечка. Коттедж был сделан из тёмно-коричневого кирпича, почти без окон, под черепичной крышей одно скучное прямое окно с рамой-стеклопакетом, мёртвое такой уродское окно серийного дешёвого производства, и каждый завиток дряхлой избушки, над которой как-бы надругивался коттедж, стоил в тысячу раз дороже, чем это мерзкое, не пришей кобыле хвост, окно. К тому же хозяева коттеджа были трусы, на окне была решётка. Сбоку зловеще торчали окна-бойницы, сквозь них точно враг не пролезет, тазом застрянет, но они были зарешечены. Внизу красовалась покрашенная в коричневый цвет могучая железная дверь. Всё было ясно, бандит 90-х нахапал и боялся ответного хапа и мести.

Пока я рассматривала эту безобразную картину сожительства пошлого и пришлого, не имеющего никакой культурной и эстетической ценности кирпичного дома с домом дряхлым, умирающим, на ладан дышащим, но таким неповторимым, таким драгоценным, из железной двери вышло лицо кавказской национальности, что-то гортанно кому-то сказала, посмотрело на меня хмуро. Я стыдливо опустила глаза, будто увидела неприличную сцену, и сделала вид, что спешу по делам дальше, вдоль по деревенской улице. Я всё думала, зачем это кавказец вот так вот прицепил к задней стенке избушечки своё наглый гадкий коттедж, почему не рядом поставил... Потом поняла, он ждёт, когда домик развалится или сгорит, и его коттедж, несгораемый сейф его, будет тогда посреди участка стоять... Это пристройка с перспективой на смерть домика рассчитана.

Мне стало так гадко и грустно, так грустно. Особенно за тех людей, который жили вот в этом домике, прошляпили достояние дедов своих, тех, что завитки эти деревянные вырезали в радости жизни своей для наличников, а детей-внуков плохо воспитали, и те потом совсем всё пропили и продали домик этот пришлым людям, за бесценок. А может кавказец этот – того, насильно в этот домик проник, бабке помог умереть и перед смертью в домик его прописать, и вот воздвиг свой пошлый дворец, и ничего от его жизни хорошего никогда никому не будет. Ни искусства, ни творчества, одни «дэнги, дэнги, дарагой», одно пошлое животное выжи-

вание на чужой земле, с презрительным плевком на чужую культуру и местных дураков, которые пропили эти жирные весёлые, пригодные для счастливой жизни земли...

Днём приехала на своём авто хозяйка избушки, в которой мы жили – питерская художница Аня Желудковская со своим мужем Виталием. Виталий был московский галерист, усталый и замученный. Ездил по Москве он только на своей машине, статус не позволял пользоваться общественным транспортом. И это был ужас – ползать по чудовищным пробкам, задыхаться в газах, зажатым со всех сторон такими же автобедолагами. Под глазами у Виталия словно пролегла невымываемая свинцовая пыль. Хозяева протопили крепкую деревенскую баньку. В силу утекающего здоровья чуть-чуть натопили. От этого мытья в прохладной бане тоже вяло грустью. Но зато у Ани на поросших бурьяном огородах стояли прототипы её арт-объектов, которые прославили её на весь мир. Остов железной кровати, восхитительный по чёткости демиургической линии и излучающий строгую красоту минимализма. Остов бороны. Потом Аня в этом стиле стала из железного прута ваять линии платья, ноутбука, всякого другого, и это сделало её знаменитой аж на Венецианском биеннале. А потом Виталий умер молодым от инфаркта, а Аню стрессы довели до бесконечной психиатрии... Но всё это было потом.

В тот год она осваивала и пыталась оживить чьё-то покинутое, некогда полное волшебной ласки и живого труда ро-

довое гнездо...

Финляндия (май, 2008)

У Финского озера

Уезжали из Петербурга, где уже листики у деревьев вылезли, где всё зазеленело, задышало, трава восстала из праха густым ковром. Едем по пустынной Финляндии. Камни, одинаковые молодые сосны в золоте солнца, телесного цвета берёзы, блестят озёра синими чашами. Всё севернее едем, и всё меньше листиков, и уже и снег пятнами лежит, и всё больше снега, и вот уже озёра в полосатой ряби льдов. Приехали на гору, на вершину сопки карельской, взгромоздившись по ленте шоссе. И там уж совсем север дикий, деревья голы, снег лежит сугробами твёрдыми, озеро покрыто ноздреватым льдом. В небольшой проталине, ближе к противоположному берегу, два лебедя патологически красиво плавают, изогнув белоснежные шеи, любя друг друга... Увидели, загототали не испуганно, а так, что вот, мол, видим вас, двуногих.

Утром окружность воды во льдах озера стала больше. Солнце жаркое. На глазах зоны снега сокращаются, но сухонько, без ручьёв и луж. У избы финской, бревенчатой, с одной стороны сугробище лежит, с другой стороны оттаявшая полностью поляна из мягких вялых трав. Солнце так нещадно жарит, что земля тёплая, сухая, летняя совсем земля. Не выдержала, вытащила коврик финский, сплетённый

из натуральных х-б нитей на улицу, коврик национальный такой – белый, сизый и блёкло-красный, три нити волнами плетутся, плетутся, цвета сдержанной финской природы, рябь озера, лебеди серые в закате... Легла на коврик и загораю. Конец апреля, ещё первая верба тут пушок даёт, но такое солнце надо уважать, такое, может, теперь за всё лето не поймаешь.

Надоело лежать, иду к озеру. Боже, как жарко, прямо голыми ногами иду по снегу. Белый снег жжёт весело, выпрыгиваю на каменистую в мелких камушках оттаявшую дорогу, прыгаю босиком. На озере мостки сделаны, две скамьи друг против друга, – сидеть, медитировать по-фински. У неоттаявшего озера ещё холодно, лебеди на меня посматривают, утки со свистом и воплями взлетают, удирают к лебедям, серебристо плюхаются в воду.

Ночь наступает чёрная, с маленькими северными звёздами. Ночью снятся финские ужасы, привидения, духи приходят ко мне и душат меня на моём деревянном ложе под крышей треугольной. Снятся финские мужики, тётки, девки какие-то, все они входят в мой несчастный домик без замка, говорят, спят на первом этаже, какой-то мужик плюхается рядом и храпит на соседнем матрасе. Я понимаю, что сон, я открываю с трудом веки, никого нет, закрываю глаза – опять рядом мужик финский хрюкает, проходя сквозь меня и меня не видя. Глаза открывать всё труднее, всё труднее выходить в реальность из зоны сна, в которую набились все-все фин-

ские постояльцы этой турбазы, за 25 лет много, наверное, финских тел здесь в деревянном домике спало и всё такое делало, кому что нравится.

В СССР нам так мечталось юными телами попасть на такую вот турбазу цивилизованную, под деревенскую избу сделанную, но со всеми благами цивилизации. И, чтобы в гущу ровесников... И всё это тут тогда уже было. Душ с горячей водой, унитаз в доме, всё устлано стильной плиткой, на века выстлано, до сих пор не отвалилось нигде ни миллиметра, холодильник, микроволновка, кофеварка, плитка электрическая, шкафчик с посудой и красивыми бокалами. Тогда все слушали АББУ и Бони-М, их счастливые голоса манили в горнолыжный рай, в такие вот деревянные домики посреди природы, где много молодёжи в лыжных фирменных костюмах жизнерадостных светлых цветов, где бокалы с вином по вечерам, жаркие избы, сауна, занавесочки-шторы в народный клюквенный цветочек и радостные спортивные ровесники. Рай, тут был рай.

Потом сон мой совсем стал отвязным. Будто после финских парней-упырей вдруг Вий пришёл, пришло Оно, такое ужасное, тяжкое, аж земля колыхалась. А дверь-то на тоненькой защёлке, а Оно подходит, подходит к моей избе, земля дрожит, Оно в окна смотрит, хоть я и на втором этаже, под крышей сплю, а я знаю, что Оно тут уже у стены, вот Оно, дышит громко, сопит. Это лось, всего лишь сохатый финский притоптался, или медведь, ну и что медведь, карху,

не будет же он окна мордой бить, еды тут нет никакой, лишь моё накофеиненное и пропаренное винным спиртом тело, это, карху, невкусно. Оно уходит. Я открываю с большими усилиями глаза. Ура, наконец то я не во сне глаза открываю, а наяву! Свет другой, реальный свет финского солнечного наступившего дня, в оконце луч яркий горит, птицы много-рядно поют разными лучезарными холодными голосками.

Ба! Да это же была Вальпургиева ночь на 1 мая! Вот откуда эти призраки душевные! Вот откуда ужас гоголевский. Язычество! Тут земли ведьминские, неотмоленные, души язычников сюда как к себе домой приходят, во цвете своих тел... А может, дерево тут всё помнит и фонит, транслирует прошлое, отпечатавшееся в брёвнах.

На озере уже две проталины, лебеди плавают в новой луже, лёд совсем посинел и почернел, похож на модные японские синтетические ткани, с чернотой и серебром внутри.

Работники турбазы Паша и Рая выставили два новых шезлонга на пригорке. Пока хозяева спят, мы валяемся в шезлонгах на жирных тюфяках, пьём кофе, едим бутерброды с красной рыбой, смотрим на озеро с патологически красивыми лебедями.

Рая из гарных дивчин украинок с вишнёвыми глазами, дочери её выросли, выучились и разъехались, кто куда. Рая вот и согласилась здесь в глуши на финском озере работать. Паша из породы бывших фарцовщиков. Затянула его Финлян-

дия и финики по самое не хочу, он совсем уже как финн, только язык не выучил, а так – с машиной, солидный, голубоглазый. Хозяйка Татьяна устроила капиталистический перформанс. Привезла всякие дизайнерские штучки для улучшения вида и так прекрасной и безупречной турбазы. В том числе висячие качели из ниток. Заставила Пашу лезть на берёзу, подвешивать качельки. Лестница хлипкая для богатыря Паши, берёза тоже, он влез, висит на берёзе, как заживевший кот, трясясь от напряжения, что чебурахнется.

Снегу ещё поубавилось. Иду гулять с хозяйским бульдогом Гарри, вспоминая фразу из «Горя от ума» Грибоедова – про подлизывание к хозяйской собаке. Гарри – хороший парень, он бежит по лесной дороге в никуда, дорога грунтовая, посыпанная мелким острым камнем, кой-где в снегу, на сугробах наложено лосем кудрявыми катышками, зайцами – золотыми шариками. Гарри то и дело нюхает, замирает в сторону леса, там явно животные резвятся. Из сугроба вылетает перепуганный насмерть тетерев. Мы с псом сами почти падаем в обморок от испугу.

Загораю опять на излюбленном половике, почитывая книжку Захара Прилепина. На моё тело тяжко плюхается большая финская бабочка, чёрно-коричневая, крылья в белых ободках, какая-то постзимняя северная крапивница, что ли. Я ей нравлюсь, она мне то на пятку садится, то на плечо, то на руку, я её лениво стоняю. Прилетает стройная после зимы пчела, она настырно кружит вокруг моей красной пер-

вомайского цвета футболки с надписью «СССР». Может, думает, это алые цветы? Я гоню её, она настырно жужжит прямо у лица. Я делаю из Прилепина веер, машу на пчелу, она отлетает и возвращается тупо и настырно. Я вдруг понимаю – это виноват купленный мною одеколон дамский из магазина «Перекрёсток» – для бедного класса, с сильным ароматом розы, искусственный такой синтетический запах, духи в розовом пластиковом флаконе, для бедных горожанок, сделаны в Китае. А финская пчела вот купилась, думает, что роза это расцвела, за нектаром прилетела на мои подмышки.

Жара, белая зимняя кожа солнце не впитывает, отражает его ультрафиолет как белый снег, пчела и бабочка надоели, к тому же лёгкий страх окутывает. Тут на десятки километров никого нет, вдруг карху или рысь придут? Берёзы рядом удивительные стоят. Нерусские берёзы. Огромные, все в лишайниках и пятнах, какой-то особый северный ведьминский мох клочьями седыми свисает по всему стволу, ветер чуть обдувает старые эти берёзы, и лохмы их чуть шевелятся...

Гарри выбегает на берег озера и истерично гавкает. Я понимаю, что он делает эхо и изумляется этому хору собак, тысячами пастей гавкающему ему в ответ из лесных далей... Над озером стоит марево, воздух заметно трепещет, льётся, струится, лёд тёмно-синий тает зримо, лебеди в мареве маячат зыбкими извилистыми белыми пятнами.

Вечером мы пьём водку, белое вино, красное вино. Выяснилось, что с Таней вместе учились в художественной школе.

Вот так вот. А Юрий Николаевич, смешной учитель небольшого роста, лысый, голубоглазый, который мне советовал в косички вставить проволоку и задира́ть их завитками такими стоячими, он не женился, бездетен, ушёл в монахи, жи-вёт отшельником.

И как вот наши пути разошлись. Я в гостях у Тани, купившей эту туристическую деревню в Финляндии. Таня веселится с деньгами, я без них. Всё дело в характере, а деньги – это у кого как получается играть в эту жирную наслойку на тощей коре жизни. Да и ладно... Сын её Фёдор с другом, на него сильно похожим, и с девочками, уезжают на шикарнейшем джипе, при виде которого у мужской части населения начинаются пароксизмы и судороги зависти. Я в машинах и деньгах ничего не понимаю. Ну да, вот бы мне такой хутор... Но мне скучно выжимать из него деньги. Я бы хотела просто в нём жить, может, лошадь и корову бы завела, друзья бы приезжали. Но без денег. Как тяжело, когда эти деньги ещё нужно крутить, варить, считать, какие-то сверхсущности липкие, как без них хорошо. Дармовое молоко из-под коровы, трава всякая на грядке растёт. Поставить ветряк, чтобы всё было даром от природы. А деньги – это гадость. Придуманы, чтобы людей доить за вымя, отжимая из них соки, иногда чуть излишние, а иногда и с кровью, последние необходимые, чтоб не жирели.

На вершине горы стоят развалины старого каменного сарая, сложенного как из конструктора ле́го из гигантских ку-

бических глыб, высеченных из чёрной скалы. Откуда они? Неужели в Финляндии была история до 19 века? Она ведь наверняка была, здесь тысячелетиями жили люди, но следов не очень видно. Я трогаю тёсанные глыбы, сделанные, пожалуй, тысячу лет назад и перекладываемые новыми поколениями людей. Здесь, может, крепость была гипербореев.

Приехали бывшие финские хозяева турбазы. Старик, его жена, их дочь лет сорока с сынишкой. Старик после инсульта, в светло-сером, сухощавый, голубоглазый. Деловито ходит, но с большим трудом, сильно волоча ногу, по своей родной земле. Жена, тоже во всём светло-сером, всё время вежливо улыбается. Ходят, прощаются со своей землёй, своим трудом, своей жизнью длиной в 25 лет. Мне больно на них смотреть, они здесь 25 лет содержали эту базу, и в каком она идеальнейшем порядке! Всё до последней мелочи здесь продумано, привинчено, каждый крючок на месте, до последнего миллиметра подогнан каждый кирпич печи, каждая доска рамы. Дочь хозяина со своим сынишкой, белёсым тихим мальчиком лет 12, заняла соседний домик, сидит на крыльце во всей одежде, несмотря на жару, читает скучную финскую книгу. А может и не скучную. Но энергия на спаде, зачем хозяева, которые 25 лет вылизывали эту свою деревянную натуральную турбазу, зачем они продают её, почему она не нужна детям и внукам, это так грустно, так грустно! Лучше б финская женщина не читала книг, лучше б она вертела бы деньги на этой земле, своей родной земле...

Уехали, наконец-то уехали на двух машинах финны, теперь наша русская Татьяна – полная хозяйка этой чужой финской земли, этого озера с лебедями, этих плакучих лишайчатых суровых растрёпанных берёз, этой сопки с горнолыжным подъёмником, этих саун и домиков, этих каменных развалин на горе... Я как-то по-особенному чувствую себя, сидя на финской скамейке на финском синем озере в своей алой футболке с белой надписью «СССР»...

Утро. Лёд полностью сошёл. Озеро всё покрыто чёрной плёнкой какой-то, со слюдяным масляным оттенком. Что это, неужели и здесь, в такой глуши, цивилизация гадит, или же это природная плёнка, ну, там, следы сгнившей палой листвы прошлогодней, ну мало ли, пыльца с травы... У берега плавает бурая слизь, в ней круглые пузырьки. Наверное, икра, что ли, рыба, лягушачья, стрекозиные личинки... Гладь озера масляно-синяя, в ней красиво отражаются верхушки карельского леса. Берёзки молодые вдоль озера стоят голенькие, голопузые, задрав вверх ручки-веточки. Две лодки лежат кверху брюхом у воды, розовая и рыжая. Набегает ветер, морщит голубой шёлк воды, отражения берёз превращаются в змеистых белых фурий, которые куда-то вглубь хотят ввинтиться своими змеями-косами.

Из воды выпрыгивают рыбы, что-то происходит с птицами. Лебедей сегодня нет, зато чайки сошли с ума. Орут так, так бьют крыльями по воде, будто их за ноги держит выдра, или запутались в рыболовных сетях. Смотрю против солн-

ца на противоположный берег. Лес стоит тихий, отражается зеркально в масляной воде, но по воде идут полосы, и лес отражается ступенчато, орнаментом карельского коврика – треугольниками и полосками. Чайки подплывают ближе и орут. То ли дерутся, то ли это секс такой у них. Глядя на чаек, вдруг сходят с ума мелкие местные утки-нырки, очень трусливые. Они улетают со свистом на тот конец озера и начинают там устраивать какое-то водное шоу, гоняются друг за другом, поднимают хрустальные водопады брызг, поднимают утиные цунами, мчатся, разворачиваются, бьют друг друга крыльями. То ли это турнир самцов, то ли секс такой у них.

На дальнем берегу озера пара финских домиков, там живёт финский старик, он всё время кашляет – то ли курильщик заядлый, то ли простыл. Кроме него слышен иногда женский голос, лает тонко собачка, не такая, как Гарри, простая, нежная. Финн не выдерживает, садится на лодку и плывёт, издавая громкие звуки веслами. Теперь вот плавает у своего края озера.

Я взяла вдруг акварельные краски и нарисовала тот берег озера, пыталась передать эти треугольные узоры ёлок на том берегу, их ступенчатые отражения в воде. Я подумала, что хорошо, что фотоаппарат не взяла. Ну, наснимала бы щелчками всю красу, похитила бы её навсегда лёгкими щелчками, высосала бы всю до нитки грубыми поцелуями объектива. Ну и что! Фотографии ужасно быстро надоедают, даже са-

мые красивые. Это радость на миг, радость мига, одноразовая радость. Как глоток пепси-колы во время жары и жажды. Как акт проститутки для переполненного самца. Как плевков бензина в баке, позволяющий продвинуться вперёд. Фотоаппарат, по сути, это те же скважины нефтяные и газовые – выкачал ради минутного удовольствия и забыл. Может, дыру в природе оставил незатягивающуюся.

Иду по дороге, которая вся оттаяла за три дня. Из глубины иногда вдруг доносится чуть слышный запах хвои, пронзительно свежий, холодный такой запах, сентиментальный, будто плакал до чистых соплей в носу, и пылью чуть пахнет зимней, после снега...

Едем домой в Россию через Иматру и Светогорск. Лес в Финляндии скучный, чистый и рационально человеку подчинённый. Видно, что были вырубки, а потом посадки. Лес как грядка с луком, для денег, а не для буйной стихийной жизни. Озёра чистые. В каждом по паре лебедей плавает. Домики финские похожи на сараи для сена и животных в России, низкие, без украшений, в стиле минимализма, красно-коричневых натуральных тонов, с серыми крышами. Цветовая гамма мрачная и суровая, как камень и кора, камень и хвоя. Никаких игрищ колорита, как это бывает в русских деревнях, никаких загогулинок и завалинок, никаких заборчиков и палисадников, наличников резных и выкрашенных в яркие краски узоров под крышей, как любили и любят в России.

Зато маленькие города из новых домов в Финляндии – это сплошной дизайн, до которого у нас не дотягивают. Простые геометрические формы, но всегда тонкое чувство фактуры, пропорций, всегда увязка с ландшафтом. Серый простой блочный дом, но оштукатурен шершаво и ровно, и на его фоне так хороша чистая берёза, и так не раздражают большие чистые окна, и вставки из стекла не раздражают, они не разрушены, они уместны.

Но вот мы на территории России. Как много разрухи, колдобин, хаоса. Мы едем, видим, как жители российские порадовались весне, вскопали под окнами панельных обшарпанных домов типа могилки и воткнули цветуючки в них, окружив попками пустых пластиковых бутылок. Или в круг чёрной резиновой покрышки посадили цветик в горбик земли. Гадость жуткая. Типа красавица-цветок и чудовище-шина, несочетаемое никогда.

Леса варварские. Кругом валежник, стволы гниют, корни торчат, то густо, то пусто, то вырубки страшные, то мрачно и всё дико заросло. Будто пьяный медведь шалил. Мусор, бесконечный мусор вдоль шоссе, будто каждый шоферюга в ненависти к родине и жизни своей норовит выбросить бутылку, бумажку, упаковку, мешок с дерьмом каким-то. Вроде и люди-то тут не живут, тут огромные перегоны без домов и людей, но всюду след человека, всюду след не любящего красоту, грубого человека, срывающего своё раздражение на зелёных полянках и моховых кочках...

По шоссе с тяжким гулом едут и едут фуры. Вывозят в Финляндию из России лес, а из Финляндии в Россию иномарки. Из леса сделают экологически чистые мебель, полы, стены, дома. А от иномарки останется горка пластика и резины. Обмен евромусора на лес, как у дикарей принято. Говорят, с ельцинских времён мы подписали договор какой-то невыгодный, как «проигравшая в холодной войне страна», отдаём по дармовой цене кругляк. А финнам, собственно, вывозить нечего. Лес у них по сравнению с нашим – детское недоразумение. Молодые, в 30 см по диаметру, брёвнышки. Больше 40 лет деревьям расти не дают.

Мне больно за мою страну, за парней, которые – когда ещё – смогут работать на русских заводах, делать русские машины на русских станках по проектам русских дизайнеров и инженеров.

Но, с другой стороны, я вдруг замечаю, что воздух на нашей, русской стороне намного гуще, свежее, пахучей. У финнов воздух дистиллированный какой-то, отжатый, бедненький, как и их хозяйственно нещадно эксплуатируемые леса. У нас лес как хаос могучий и натуральный, пригодный для богатого разнообразия жизни под корнями и на ветках. И аромат весенний над ним стоит животворящий, веселящий. Долой скудность капиталистического Запада! Даёшь роскошную вольницу России!

А с кругляком, настанут времена, мы разберёмся...

Левашово(июнь,2009)

На Празднике Ивана Купала

Несомненно, языческая сила затащила меня на этот праздник. Не столько сила и дух язычества, интерес к национальным корням, сколько сила глупого языка. Анатолий, импозантный пожилой вождь свободных профсоюзов позвонил мне – я сказала «да». Отказываться было неудобно, хотя я постеснялась уточнить, что меня будет ждать ночью в лесу. Что именно и кто, и в каком количестве. Про то, что, чтобы я взяла с собой спутников – об этом ничего сказано не было.

Уже на Удельной я поняла, куда еду. В электричке моё внимание привлекли две коротко стриженные и ярко окрашенные в платиновый цвет блондинки. Обе были в белых бриджах на толстых задницах и ярких кофтах. Напротив сидел длинноволосый старец и играл на гитаре. Его сопровождало несколько пожилых дам, ничуть не желающих выглядеть моложе и свежее. Всё это были внезапно состарившиеся хиппи, смешанные с бардами и переплетённые с артистической богемой, слегка с примесью национальной идеи. Особое внимание привлекла пожилая старушка в брюках. На её седых лохмотьях волос прикольно смотрелся кожаный ремешок с висюльками и кованными прибабасами. Она в детстве, очевидно, слишком много читала про индейцев. Наверное, никто не помог ей за всю её долгую жизнь повзрослеть. Она плевала на всех откровенно, и делала то, что хотела. В Левашово из электрички прикольный народ повалил валом.

На дачном участке у актёра, собиравшего всю толпу, уже сесть было негде. Приглашённые гости порадовали меня. Возрастного ценза не наблюдалось. Преобладала национальная идея. Старушка-индейка переделалась в русский ручной работы сарафан. К ней присоединилась ещё одна Наина. Выбежала очаровательная цветущая девушка, тоже в русском сарафане. Анатолий был великолепен – в красной рубахе-косоворотке, сплошь в крупных жёлтых горохах. Он оправлял свою седую бородку и приглаживал кудри вокруг загорелой лысины. Несколько сочных, красивых мужчин задумчиво играли на трёх гитарах русские романсы, им подпевала чернявая красивая женщина в спортивной форме. Рядом со мной, на небольшом пяточке между кустом смородины и грядки с луком, пыталась уместиться семейная чета – очень солидный пожилой мужчина, добротнo одетый, и его супруга, слегка перепутавшая уик-энд у ночного костра в лесу и светскую вечеринку. Она была в юбке, в шёлковой нарядной блузе, на ногах её были лакированные туфли и колготки. Её безжалостно кусали комары. Она начинала понимать, во что вписалась.

За калиткой всё прибывали и прибывали машины. Половина из них были солидные иномарки. Звучали возгласы приветствий. Центром притяжения был красивый, высокий, роскошный мужчина по имени Ярослав. Что-то в облике его было княжеское, исконно русское – и этот матовый румянец на овальных щеках, и этот здоровый блеск бирюзовых очей,

и русые прямые волосы чуть длинней, чем надо. Было видно, что он богат и артистичен. Его славянские гены были, судя по всему, безупречны. Он словно сошёл с византийской иконы, поменяв расшитое золотом княжеское одеяние на спортивные треники и простую мужскую рубашку.

В половину двенадцатого прозвучал приказ «по коням». Все вышли за ворота дачи на поселковую дорогу, утопавшую в золотистой пыли. Меня посадили с двумя старушками-индейками в русских сарафанах в выдавший виды «форд». Очевидно, эти дамы входили в число элиты праздника. Какие-нибудь заслуженные художницы, подруги юности хозяйина дачи и режиссёра праздника. Может быть, благодаря им этот праздник превратился в массовую акцию единения интеллигенции и народа, с целью возрождения русского самосознания.

Я ничего не могла с собой сделать. Я чувствовала себя скованно. Кроме Анатолия я никого не знала, старушки вызвали у меня слишком много почтения к их раскованной смелости, я не была в силах начать общаться с ними, ласково и подхалимски улыбаясь. Они все ломали мой имидж. В голове моей звучали панк-рок ритмы, непристойные песни, ненормативная лексика. Я была как волк облезлый посреди тучных и состарившихся в сытости добродушных, никем не пуганных овец. Я бы с удовольствием прочитала на их празднике что-нибудь типа —«Я маленький поэт, я делаю минет», или «Опять отпиздили поэта», или про «Трупаря». Но я по-

нимала, что здесь это неуместно. Неприлично. Не поймут. Отпиздят. Опасно. Это был не мой день. Не мой праздник. Следовало вести себя тихо.

На лугу у озёр народ всё прибывал и прибывал. Это было, по крайней мере, четыре пласта народа – военные, местные жители, творческая интеллигенция и случайно приглашённые любители массовок на свежем воздухе. К полночи на берегу озёр уже набралось несколько сотен людей всех возрастов и полов. Под берёзами дымила походная военная кухня, готовясь накормить солдатской гречей. Подневольные солдатики пилили приготовленные для костров дрова, складывали их небольшими кучками по всему лугу. Возле кухни раскинулся довольно обширный шатёр. Под его пологом стояли накрытые столы и горели свечи.

Внезапно, из глубины сырого луга, громко разбивая сплетение свежих ветвей, выехала сытая лошадь. На её чудовищной, жирной спине подпрыгивали, тяжело приземляясь задницами, два серых худосочных солдата в одних трусах. Один был русский, второй, за его спиной уцепившийся – молоденький казах с раскосыми глазами. Мне хотелось видеокамеры. Чем не символ России – Запад и плюгавенький Восток, прицепившийся сзади. Добрая широченная спина России, которая всё выдержит.

Я чудовищно мучалась. Я была абсолютно одна, легкомысленно отказавшаяся от сопровождающих. Я бродила по роскошному свежему лугу, путаясь ногами в белых зонти-

ках, мышинном горошке и сплетении клевера, присматривалась к воде. Вода была великолепа – нежная и тёплая, как кожа живого человека. Хотелось искупаться голой. Перспектива переодевания в купальник в кустах, скользя ногами по чёрной мокрой земле, трясясь за свою задницу – солдаты могли увидеть, или деревенские мужики, – она меня не прельщала.

Привлекла внимание одна одинокая девушка. На ней было роскошное длинное платье, очевидно, ею самой сшитое. У неё были пышные волосы, курносый простоватый нос и очки на близоруких глазах. Она выглядела подчёркнуто артистически, кутая плечи в старомодную вязаную шаль. Ей плевать было на то, что она выпала из моды, выпала из тусовочной моды, выпала отовсюду. Она сделала себя странной, ни на что не похожей, единичной, чудаковатой и смело несла свой взваленный тяжкий крест. Она демонстративно покуривала трубочку. Это было потрясающе. С ней никто не знакомился. Она бродила одна среди цветов, как и я. Я в своих полосатых матрацно-матросских штанах, в своей футболке выглядела тоже дико. Мы были как две одинокие гагары посреди гусей. Немолодые дамы, стусовавшие по две, три, четыре или пять (при последнем раскладе среди них присутствовал обычно один мужчина – чей-то неполенившийся муж), эти дамы посматривали на нас покровительственно. Им было уютней, чем нам, молодым.

Примерно в полночь на середину луга вышел пышный,

упитанный мужчина в славянском костюме, со шкурой волка на плечах, с настоящим мечом. Ну прямо молодой Илья Муромец, скрещенный с Портосом и Гаргантюэлем. Его сопровождал высокий юноша с огромным молотом. Где-то в сумерках мелькала княжна в русском золочённом костюме – зрелая дама, жена хозяина дачи. Красивый Ярослав, его жирненькая жена и славянский, русоволосый, голубоглазый их сынок в коляске лет двух были в центре внимания – как образец здоровой, крепкой славянской семьи, которому следует подражать всем братьям-славянам.

Зрители были выстроены в каре вокруг ритуальных кострищ. Началось ритуальное действо. Толстый славянин в волчьей шкуре сочным громким голосом взывал к Перуну, давал сдувать пену с браги, налитой в ритуальный рог, поливал чем-то камень, стучал по нему молотом. Все его речи сводились к призыву благоденствия для русской нации, к её процветанию и плодородию, к возрождению русских корней. Хотелось во всём с ним соглашаться. Жить большими крепкими семьями, трудиться, процветать, плодиться и богатеть, поедая здоровую пищу, выращенную на родной доброй земле. «Да изыдут враги русской нации – всякие там немцы и другие иноземцы! Смерть им!», – что –то такое ритуальное вдруг прозвучало напоследок.

Рядом со мной стояло трое солдат и их руководитель – почти не превышавший их по возрасту, но, очевидно чуть-чуть превышавший по уму и образованию, молоденький сержант.

Все четверо были ужасно пьяные. В глазах у них от водки проступило что-то белое, как будто они начали превращаться в зомби в фильме ужасов. Один из солдатиков, внимательно слушавший речи ритуального славянского вождя вдруг решил внести свою лепту в празднество. «Смерть жидам!», – вдруг крикнул он. Народ и без того гудел, тут гул усилился. Стоявшая рядом со мной жирненькая чёрненькая женщина с хорошеньким чернявым жирным мальчиком одна решила противостоять солдатской неожиданности. Она закричала: «Какое безобразие! Какое хамство! Пошли, Сеня, отсюда! Это плохой праздник!». Никто не поддержал её... Дама сделала несколько кругов по сочному вечернему лугу, и опять вернулась...

Молоденький сержант махал кулаком перед лицом молоденького солдата, что-то объясняя ему. Его указания касались в основном правильной выправки.

В это время дюжий славянин призывал выйти из толпы двум здоровым мужикам, у которых есть сыновья старше пяти, но младше пятнадцати лет. Такие нашлись с большим трудом. Наконец, счастливые полноценные отцы маленьких сыновей обнаружили. Они разделись до трусов и вошли в парные воды озера, подталкивая на середину водоёма плот с ярко разгоревшимся на нём костром и венком из цветов. Вскоре всё озеро мерцало в тёплых огнях плавающих костров, самые смелые мужчины возвращались на берег, взбодрённые ночным плаванием и прилюдным раздеванием.

Холёный заместитель Перуна призвал народ к массовому заплыву. Разнообразные голоса раздавались тут и там, никто почему то не решался броситься первым. Я с интересом наблюдала. Мне вспоминался «Андрей Рублёв». То есть, он и не выходил из моей головы. Жгло любопытство – а вдруг и здесь произойдёт то самое, настоящее, славянское, языческое – все разденутся до гола, и мужчины, и женщины, и девушки, и юноши – и будут купаться как безумные в тёплой дивной воде среди огней костров... А потом начнут любить друг друга телесной, плотской, роевой и родовой любовью... Но что-то говорило, что этого здесь не могло быть. Не те люди.

Немолодая, роскошная самка с полной спиной, с фигурой Венеры, из компании трёх подруг и одного на всех мужа, театрально приподнялась и начала раздевание, уверенная в неотразимой красоте своей фигуры. Славянский народ на лугу воспринял это действие спокойно, без улюлюканья и восторга. Античность давно уже была не в моде. Народу, пожалуй, хотелось подтянутую кобылу с мускулистой талией, накаченными сиськами и спортивными ногами... Наша театральная красотка, была в довольно глухом купальнике, соответствующем её зрелости. А жаль! Ах, если бы она смогла! Это было бы так круто- утереть нос молодёжи, вынуть из тьмы веков оборванную языческую нить, выставить её на всеобщий обзор... Я думаю, это произвело бы выдающееся воздействие на умы и чувства присутствующих... И

то, что зрелая, немолода, то, что с жирной, как у Венеры, спиной, с высокой талией и лепным тазом – всё это было бы здесь уместно. Она вошла в воду, красуясь и задавая тон, поплыла, женственно певуче постанывая от водных прикосновений, призывая своих подруг и одинокого мужа одной из них последовать её примеру. За ней последовали, целомудренно, в купальниках, в основном девушки-подростки и парни из местных.

Я, прилипнув полосатым задом к свежему еловому полю, проливающим масловидные слёзы свои, поняла, что массовый принудительный нудизм никому не угрожал в этом месте. А жаль. Девушка в длинном платье с трубочкой наконец нашла себе кавалера – это был молодой курносый рябоватый мужчина из местных жителей. На луг он пришёл с братом, матерью и племянником. Все они были как бы пьяны от ночного восторга, от костров, от многолюдия в этих тихих комариных местах, но и как-то смущены и сдержаны. Громкое многословное их веселье было каким-то натужным. Мать и сын беспрерывно перебрасывались шуточками, сын делал вид, что ухаживает за девушкой «табачным капитаном» – как он прозвал артистическую девушку с трубкой, мать шуточно грозилась, что «всё расскажет невестке»...

На лугу, между тем, начались русские забавы. Заместитель Перуна вызывал всех богатырей на битву – померяться с ним силой молодецкой. Это были разного вида аттракционы. Приподнять друг друга за локти, зубами перетянуть полотен-

це, плечом столкнуть на землю и т.п. Пьяненький сержант был строг, и приказал солдатам идти на бой. Они шли и проигрывали, худосочные какие-то, хотя очень злые от алкоголя и взведённые. Мощный Лже-Перун всех заваливал. Трудно было его победить. Наконец из плотного кольца окружающего народа выделился герой. Это был невысокий, крепко сбитый, гладенький, симпатичный парень, похожий на главного героя «Форестгампа», которого играл Том Хенкс. Он оказался крепким бойцом. Предводитель славян, к великой радости толпы, был, наконец, побеждён. Его туша была завалена небольшим, но очень сконцентрированным телом, в котором, очевидно, большую роль имел дух.

Игрища переместились к большому костру. Было предложено прыгать через него всем желающим смельчакам. Они почему-то всё не находились. Костёр был огромен и высок. Откуда-то из тьмы опять возникла знакомая четвёрка – сержант со своими пьяницами. Пьяный сержант сконцентрировал всю свою пьяную волю в своих глазах и требовал такой же концентрации от своих подопечных. Возможно, таким способом он пытался собрать их в своём распадающемся от алкоголя сознании. Возможно, что это успокаивало его и гарантировало присутствие всех троих в его поле зрения. «Смотреть мне сюда! В глаза, я сказал! Прямо в глаза! Неее, не на брови, в глаза смотреть, я сказал. Фокусируй свой взгляд здесь!», – требовал он какого-то подобия неподвижности от самого ненадёжного солдата. Тот был что-то слиш-

ком весел и склонен к исчезновению в толпе. Солдат изо всех сил старался подчиниться старшему по званию, но сделать это было мучительно трудно – и у сержанта, и у солдата глаза от водки почему-то не фокусировались, как-то кругами разбегались по сторонам.

–А сейчас я приказываю вам прыгать через костёр!

–Не-а, товарищ сержант, не будем. Уж очень огонь большой... – неожиданно трезво возражали ему солдаты.

–Во имя славы России, твою мать, будете у меня прыгать! Я приказываю, не посрамить воинской чести, прыгать, твою мать! Сидоров!

–Не-а, не буду. Не могу. Я во время поединка ногу подвернул. Упаду в костёр, не допрыгну...

–Ну тогда ты, Иванов!

–Нет, товарищ сержант. Я не могу. Уж очень огонь сильный, штаны подпалю, дыра будет на казённом имуществе, вы же ругать будете. Как я буду без штанов? Нет, да ни за что... Если вот только брюки сниму. Да, только если в трусах...

– Вот ещё, в трусах, твою мать. Тогда ты, Петров!

–А я уж точно не буду. Я плохо прыгаю, вообще всегда плохо прыгаю. У меня не выйдет. Свалюсь в огонь, получу ожоги...

–Молчать! Прыгать, я приказываю! Сидоров! Петров! Иванов!

Солдаты как-то вдруг начали таять и исчезать, подобно Снегурочке. Только со Снегурочкой эта метаморфоза про-

изошла во время прыжка, солдаты же почему-то, подверженные ужасной огнефобии, не стали рисковать и поддаваться на уговоры. Их испарение начало осуществляться до ритуального испытания. Сержант уже орал в пустоту. Пьяные, но не потерявшие инстинкт самосохранения солдаты, как-то растворились в толпе, маскируясь среди сотен народных тел.

Я вдруг поняла, почему солдаты так упорно отказывались прыгать. Они были настолько пьяны, настолько проспиртованы, что, очевидно, боялись вспыхнуть во время полёта над огненной стихией. Я вспомнила, как проверяют качество водки при помощи поджигания... Да, во время полёта над костром, они запросто могли бы воспламениться, их постигла бы участь американского Челенджера. Очевидно, солдаты пили качественную водку. Иначе чего бы они боялись. Они были так смелы, так смелы, что зубов ради родины не пожалели. Когда Перун предлагал зубами перетягивать полотенце, кроме солдат никто не захотел проверить качество своего челюстного механизма...

Уже и смельчаки нашлись – крупные подростки, которых распирала жажда удачества. Всё происходило удачно. Никто не превратился в курочку-гриль, никто не воспламенился, никто не приземлился в дырявой одежде, унесённой частицами своими и частями в огонь. Сержант, как потерянный, бродил среди празднующей толпы, пытаясь отыскать непослушных овец своих.

Народ тем временем ужасно распелся. Пели повсюду. У

каждого костра нашёл свой певец, свой музыкант. В одном месте играли на гитаре и пели романсы. В другом – пели что-то сложное, многоголосное, какие-то русские фольклорные песни. В третьем пели песни своей брежневской молодости. В четвёртом – что-то из Высоцкого. До конца редко допевалась какая песня. Народ плохо знал слова. Многие предусмотрительно запаслись водкой и закуской – пили и ели своими группками и кампаниями. Мне повезло. Рядом на полене сидел пьяненький мужчина лет сорока, благообразный, он был похож на актёра. Он был богат, судя по всему. Из обширной сумки он то и дело извлекал то шоколадный торт, то коньяк, то водку, был щедр и делил всё поровну среди сгруппировавшихся у костра. Сначала он хорошо вписался в шутовую перепалку между сыном и матерью вокруг «табачного капитана», – об «измене» сына своей жене и материнском предстоящем «предательстве». Хотя слегка пережимал и начал надоедать.

Вскоре возникло новое развлечение. К костру подсели те две «девушки» из электрички – в белых бриджах и с коротко стриженными пергидрольными волосами. Одна из них великолепно играла на гитаре, другая оказалась профессиональной оперной певицей. Она вскоре уже пела арию Снегурочки из оперы Римского-Корсакова, очень сложную и витиеватую. Это было столь неожиданно, что все окружающие костры замолчали, и минут пять солировала только она. Её не очень сильный, но мягкий и волнистый голос нежно соприкасался

с млечным озером и окружающим июньским лесом, распускаясь, как ландыш в ночи. Богатый лжеактёр был покорён. Он требовал от певицы – ещё и ещё, периодически тиская изнывавшую от ревности свою жену, которая была немолодой, толстой солидной дамой в очках и мелких кудряшках. Впрочем, жена актёра неожиданно нашла поклонника в лице того молодого женатого парня, который оставил где-то в посёлке свою жену и приставал к девушке-«табачному капитану». Парень неожиданно стал тискать очкастую женщину и уводить её в кусты, к озеру, приглашая искупаться, как-будто поговору с её мужем, который активно кокетничал с оперной певицей. Девушка- табачный капитан встретила, наконец-то своего мальчика. Такая странная, а вот, поди ж ты, нашла себе пару. Это был длинноволосый, худенький, небольшого роста, нежный, как девочка, юноша. Они обнялись, как два котёнка, и слушали пение, не раздражаясь. Понятно было, что им хотелось каких-то иных песен. Я думаю, они любили рок.

Я чувствовала себя полосатой тенью. Я умерла. Испарилась, подобно Снегурочке. Меня не было. Я сжалась, словно бы пытаюсь напряжением мышц создать непробиваемую защиту от укусов комаров, я слилась с поленом, проделывая обратный путь Буратино, мне хотелось превратиться в глаза и уши, существующие отдельно от моего «я». Мне это удалось. Всю ночь я слушала довольно однообразное пение белых бриджей, отходила к другим кострам. Ничто не трога-

ло моего сердца. Дурацкий бег паровозиком вокруг костров мог развеселить разве что подростков. Пляски быстро затухали. Веселье народа, стремившегося к возрождению, казалось мне натужным, неискренним. Не было в этой массовке ни огня, ни истины. Насильно согнанные своим любопытством коротать ночь на берегу озера, люди изображали веселье, как могли, борясь с ночным холодом и сном. Все были как-то скованы. Почти никто ни с кем не знакомился. Красивая юная девушка в славянском сарафане так и сидела в одиночестве среди пожилых дам.

Мне вздумалось подойти к ночному озеру, полюбоваться. В нём почти никто не купался. Иногда забегали девочки-подростки, с визгом выбегали, вытираясь полотенцами, их красота никого не возбуждала, кроме их самих. Русалочки смеясь, они возвращались к своему кострищу, чтобы продолжать петь песни молодости своих родителей. Жажда сексуальных волшебств, для которых был изобретён некогда праздник Ивана Купала, не могла быть здесь удовлетворена. Сделав несколько шагов в темноту, я решила вернуться к людям. В лесу было абсолютно мертво и тихо, хотя ночь была волшебной. Перспектива встретить пьяного солдата, сбегавшего из-под опеки пьяного своего сержанта, или пьяного мужика из деревни мне не казалась привлекательной. Я поспешила вернуться к скучным кострам. Меня встретили с заботливой радостью. Казалось, все боялись сексуального криминала и приглядывали за одиночными особями женско-

го пола.

Очевидно, праздник собрал вокруг себя жаждущих общения, в основном одиноких людей, но что-то не срабатывало. Никто никого не хотел, а если хотел – то всё в рамках приличия, социального оцепенения. Я вспоминала деревенские гуляния своего детства – все эти частушки, пляски в кругу, посещения родственников, все эти разгорячённые водкой и задором лица, всё это мужское и женское удальство и озорство, выставяемое напоказ при помощи солёных частушек, баянного перелива, топотанья каблуками и лихой присядки. Никто на тех праздниках не был одинок, и молодые и старые сплетались в один узор, каждый должен был сплясать, не мог удержаться, чтобы не сплясать, самый дикий и одинокий был вытаскиваем на свет Божий, в общий круг, любой мог стать героем озорного стиха и песни. Мне было лет пять, но я помню сверкавшие глаза парней и девушек, мужчин и женщин, похлопывания по спине и ниже пояса, ядрёные шутки и убойный матерок. Там было что-то, разжигавшее кровь. Здесь что-то её охладило. Все эти мёртвые, чужими рожденные песни, вся эта массовка незнакомых между собой людей... Нет, что-то с возрождением русского стиля не срабатывало. Русский дух в русском народе очевидно давно протух. Или спал глубоко, на дне тел, истыканных инородными генетическими вкраплениями.

Ко мне подошёл Анатолий. Он предложил пройти мне с ним в шатёр. Чтобы там поесть и выпить, согреться. Я

оглянулась – полог шатра был плотно закрыт. Фантазия моя разыгралась... Может быть там- самое основное в этом языческом празднике. Может быть там породистый, чересчур здоровый псевдо-Перун ритуально оплодотворяет русских и голубоглазых одиноких женщин, может быть, там оргия... Я вспомнила брагу, которую пил Перун. Он выпил её один, ни с кем не делясь... Может быть это был ритуальный напиток, повышавший потенцию... Я сделала вид, что увлечена пыльным пением классической певуны, приросла к своему полю и никуда не пошла. Искать приключений себе на задницу при помощи искусственно раздутого Перуна мне не хотелось. Я мучительно хотела рассвета.

Наконец он наступил. Наконец произошло что-то естественное и живое. Один из местных мужиков, плотный и розовый, как детский пупс мужского рода, вдруг выказал крайнюю степень алкогольного опьянения. Он громко пел, несвязно что-то кричал, потом скинул брюки и трусы и полез в воду, призывая окружающих последовать его примеру. Дамы нехотя смотрели на его наивную наготу, всех этот поступок развеселил, все загоготали, заулюлюкали, раздался здоровый, искренний, ненатужный смех, но никто не последовал примеру пьяного весельчака. Детский задор и невинность были глубоко вытравлены из людей. Я вспоминала невинное бесстыдство нудистских пляжей, те психические манипуляции, которые проделывали с собой простые люди, превращаясь в нудистов. Это было сложно. Это не было мас-

совидно. Массовый нудизм древних славян в ночь на Ивана Купала в наши дни не был возможен, хотя направление развития европейской цивилизации шло в сторону райской невинности и бесстыдства.

Неожиданно пьяные подростки, местная молодёжь и солдаты вдруг подрались. Неудовлетворённая сексуальная энергия, накопившаяся в ночи, но не нашедшая выхода в тухлом пении в мертвоватых песен и неумелых плясках, наконец, вырвалась на свободу в искривлённом каком-то варианте. Сцепилось двое, остальные тут же бросились им то ли помогать бить друг друга, то ли разнимать их. На подмогу к этому молниеносно разрастающемуся клубку человеческих тел бросились люди постарше – и из народа, и из интеллигенции. Особенно выделялся пожилой мужчина, типа «спонсор». Седой, роскошно одетый, идеальный образец благополучного, правильного россиянина, активно участвующего в возрождении родины, трезвый – за перелеском на шоссе его ждала хорошая новая иномарка. Он очень мужественно выглядел. Резво бросился в самую гущу, в самую сердцевину событий – как раз в тот момент, когда один молодой человек завалил таки другого, а его друг подло подобрался к лежащему и бил его ногой зверски по голове. При виде крови парни озверели, кто-то доставал уже что-то остренькое, и пытался кого-то пырнуть. Заваленный потерял сознание. Его били, но он весь уже обмяк, как мешок и был похож на покойника.

Женщины заорали страшными голосами, громче всех –

мать того молодого мужчины, который приставал к «табачному капитану». Эта русская женщина, курносая, голубоглазая, в приятных морщинках на загорелом, свежем ещё лице, настоящий образец простой, правильной женщины-матери из народа, всюду как-то органично выглядела. И до начала праздника – когда устраивала удобные, комфортные сидения из поленьев вокруг костра, когда взяла под опеку нас, одиноких «девушек», присматривая, чтобы мы далеко не отходили, и чтобы над нами не снасильничали пьяные мужики, и во время праздника – когда терпеливо слушала заунывное пение, и оживляла, как могла, переругиваясь шутивно с сыном, весьма мило и остроумно, скуку ночи, и теперь – когда нужно было вмешательство зрелых, уважаемых женщин в мужское безобразие и беспредельщину. Она смело прорезала донельзя разгорячённую, готовую дико сцепиться, толпу озверелых молодых мужчин, и вот уже, в позе медсестры, на коленях сидела у раненого бойца, выглядевшего убитым, ощупывая его голову и пытаясь найти пульс на руке. Седовласый новый русский, видевший свою миссию в успокоении горячих голов, и, возможно, мечтавший разрядиться физически, приняв участие в потасовке в качестве усмирителя при помощи физических воздействий, он также нашёл себе правильное применение. Зычно призывая юношей успокоиться и расцепиться, он звонил по мобильнику в город, вызывал скорую помощь. У потерпевшего, судя по всему, была серьёзная травма головы – пульс прощупывался, но

парень в сознание не приходил. Я с ужасом наблюдала эту сцену. Более всего потрясла молниеносность произошедшего. Три минуты назад парни были живые и здоровые. Им были даны цветущие мускулистые тела, молодой кожный покров, свежие волосы и белые крепкие зубы. Они были хорошо экипированы природой, чтобы жить ещё очень долго. Но пара минут – и такие перемены! Один из них лежит, бледя на глазах, с отключившимся сознанием. Кожные покровы его и кровеносные сосуды повреждены, кровь течёт из носа и изо рта, возможно, когда его били ногами, ему выбили новые его чистые зубы. А в голове его, возможно, сломана височная кость, возможно осколок её воткнулся в мозг... Я подошла поближе и жадно всматривалась в лежащего – не дёргаются ли его ноги, не агония ли это. Слава Богу, он, кажется был всё-таки жив, хотя смертельная бледность покрывала его лицо.

Несколько зрелых мужчин уже вели следствие, пытаюсь расспросить, кто бил его, как это всё было, кто зачинщик... Клубок молодых мужских тел, достигнув кульминации – боли, страдания, и, возможно, смерти, – как-то распался, обмяк, рассредоточился. Зуд в мышцах поутих. Волнение в кулаках угасло. Одна из дравшихся сторон сгруппировалась у озера, бурно, жёстко обсуждая произошедшее. Было видно, что повтора драки не будет, что что-то искомое, самое основное, чего жаждали их молодые тела и души – произошло, достигнуто уже.

Девушки-подростки из местных, всю ночь не перестававшие посещать воды озера – по две, по три купаясь, выходили в это время из дымящейся розовой воды и вытираясь полотенцами. Юные девушки также достигли своей кульминации за эту так неожиданно кончившуюся ночь. Они возбуждённо хихикали, их молодая красота была наконец-то хорошо видна при первых лучах встававшего солнца. Но парням было явно не до них в эти минуты...

Среди толпы, окружившей раненого парня, нелепо выглядел Анатолий в его красной рубахе с жёлтыми горохами, хотя на лице его я ничего такого не заметила. Мне казалось, он должен переживать по поводу произошедшего. Такой конфуз! Его вид говорил – ничего страшного, всякое бывает, что уж тут поделаешь, мо-ло-дѣжь, горячие славянские парни... Не приходящий в сознание, с подозрением на смерть, внезапно ожил. Открыл глаза. Приподнялся и встал. Через пять минут его трудно было отличить от других парней. Он точно так же, как и побившие его парни, искал водки или пива...

Обещанный автобус где-то застрял. Все, кто был на машинах, внезапно быстро уехали. Шоссе и соседняя с ним обширная обочина, опустели. Последними, кого я видела – был наш Лже-актёр со своей трезвой, толстенькой супругой в очках и кудряшках, которые забирали с собой двух крашенных пергидролью «девушек» – певуний. Актёр, очевидно, был богатый любитель и покровитель русских талантов. Он забирал этих милых певуний с собой, чтобы и дальше наслаждаться

их искусством. Его жена, судя по всему, должна была сесть за руль. Очевидно, она была заодно с супругом. Она тоже любила предаваться различным радостям жизни. На её лице сияла вполне добродушная улыбка, без тени ревности. Их семья не была серой крысиной норой, их дом, очевидно, был гостеприимно распахнут навстречу радостям и приключениям. Сзади семенил сын той простой женщины-матери, которая так понравилась мне, как персонаж, на этом лугу. Адюльтер, возможно, грозил всё-таки его семье. Мамашины шуточки относительно «измены», возможно, начинали сбываться. Молодой, простоватый, грубоватый, но живой и весёлый парень, очевидно, тоже был падок до культуры и искусства. Он, очевидно, тоже имел нежное сердце и хотел возлежать на груди у искусства, наслаждаясь и наслаждаясь им бесконечно. Куда, как далеко собирался ехать с этой городской артистической компанией этот местный житель, было неясно. Но он вписался в коллектив совершенно органично, обнимая за полные талии то певуний, то жену спонсора, остря и перебрасываясь прибаутками с дамами и Лже-актёром. Как собирались поделить трёх дам двое мужчин – это было загадкой, разгадка которой осталась для меня за кадром.

Я оглянулась окрест. Луг представлял собой печальное зрелище. Вчера это был чудесный уголок природы, свежие стены из лабиринтов сплетшихся июньских северных цветов покрывали берега озера. Лишь несколько тропинок, протоптанных ногами редких купальщиков и рыбаков, вели к воде –

туда, где небольшой выступ из почвы песка переходил полого в озеро, или туда, где большой плоский камень позволял удить рыбу с удобствами, или нырять. Теперь же от пышных зарослей цветов ничего не осталось. Всё было вытоптано и сровнено с землёй. Узенькие спуски к воде были расширены до неузнаваемости. Теперь вместо них были целые пляжи – правда, не из песка, а из серой, лишённой под корень растительности, земли. Во многих, слишком многих местах курились угасавшие и потухшие костры, всюду валялись опорожнённые стеклянные и пластиковые бутылки, пакеты, очистки и обёртки. Толстый слой хабариков покрывал угаженную человечеством землю. Никакой попытки урегулировать поток мусора со стороны организаторов праздника не наблюдалось. Никаких контейнеров, мешков, ям для человеческих отходов предусмотрено не было. Одиноким солдатам нехотя собирали самое ценное – новую российскую валюту – стеклянные тёмные бутылки из под пива. Теплилась надежда, что начальство заставит подневольных сгрести таки воедино вредные для природы отбросы...

Я махнула печально рукой и пошла по шоссе пешком, рассчитывая через час быть на железнодорожной станции. Я шла абсолютно одна, не стыдясь и не огорчаясь по этому поводу. Мне не хотелось спутников. Хотелось побыть одной, наедине с рассветом, летом и лесом. Машин не было. Впереди виднелись серые спины местных подростков. Позади плелась пожилая чета – муж и жена, приглашённые на празд-

ник хозяином дачи. Вскоре ко мне пристроились музыканты-украинцы. Один был небольшого роста, с усами, в соломенной шляпе, с бандурой за спиной, словно сошедший с рисунков великого украинского кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. С ним была его музыкальная подруга – немолодая барышня с чудесными пшеничными косами. Всю дорогу они чудесно пели на два голоса старинные русские и украинские песни. Про солдаткушек-ребятушек, про соловья-пташечку, про дивчину и дивчиночку и т.д. и т.п. Меня тянуло блевать от народных песен. Я поняла, как ненавистны они мне. Отцепиться от поющих украинцев так и не удалось.

Тарту (июнь, 2009)

В поисках Лотмана

В Тарту я оказалась с выставкой моих антиглобалистских ковриков, выставка открылась в галерее FERRODRUM, на территории бывшей дрожжевой фабрики. Куратором галереи работает Пиитер Аллик, эстонский художник, довольно известный в Петербурге. Его работы можно было увидеть на многих питерских выставках, их с удовольствием покупают русские коллекционеры. Аллик – очень серьёзный художник, очень национальный, сумрачный и страстный. Его картины с голыми женщинами, облепившими танк, с мужчинами, бегущими в разные стороны, стали в чём-то символами эпохи перестройки.

Граница между Россией и Эстонией точь-в-точь сделана как граница с Финляндией, такие же проходы вдоль длинных заборов из сетки, осмотр багажа и сличение личности. Всё так же крепость Ивангорода строго смотрит прямо в очи крепости в Нарве, и два мира, два государства соединяет очень натруженный мост через широкую и красивую реку Нарву. Мост является местом заработка для ушлых местных жителей. Они ходят туда-сюда через границу двух государств и переносят сигареты и алкоголь, как-то при этом навариваясь.

Мы ехали от Нарвы до Тарту на автобусе, Эстония была зелёная и прекрасная. Возделанных лугов и полей было крайне мало, но гораздо больше, чем в России. Нигде не было мусора, дороги удивляли своей гладкостью. Так же, как и в России, поражали гигантские заброшенные остовы заводов, поросших берёзкой. Изумляли среди пустырей туши новых или переделанных старых зданий, на которых издали видно было слово «Банк». Производство исчезло, зато банка с кредитами, чтобы по гроб закабалить местное население и отсасывать из него в свои недра, уже выставлена в самых нищих местах.

Цены на всё оказались более дешёвыми, несмотря на то, что эстонская крона в 2,6 раза дороже рубля. Национальных продуктов, знаменитых эстонских молока и творога, в супермаркетах не купить, продаётся там всё как у нас, непонятного инопланетянского происхождения. Зато на народном рынке в центре города нет южной мафии, как у нас в Питере, и

там можно увидеть 100 видов картошки и 100 видов колбасы, производимой мелкими фермерами Эстонии и Пскова. Мы отведали обалденной коричневой лосинной колбасы, которой нас угостил Аллик. «У вас спокойный, чистый город, в нём не видно иноземцев, как у нас в Петербурге. У нас всюду стоят ларьки какие-то, там чучмеки торгуют фруктами и овощами, цены вздуты на всё. В Москве – ещё хуже», – сказала я толстому, бритому налысо художнику, у которого на руке не хватало одного пальца. «А мы чужаков к нам в город не пускаем. Видишь, у меня пальца нет? Я дрался, чтобы в нашем городе было не так, как у вас», – сказал мне боевой эстонец. «И вообще, мы с вами, русскими – братья. И чего мы разругались? Раньше мы хохотали, что советское качество – это плохое качество. Когда попадалась плохая вещь, говорили – это советское качество. А теперь всё по-другому. Плохое качество – это европейское качество. Покупаешь, и всё в помойку идёт, быстро ломается. Еврокачество – в европомойку. А лучшие вещи сейчас привозят из Пскова, там ещё делают вёдра, топоры, молотки очень хорошие, качественные!». Мы с бравым эстонцем выпили глобалистского пива из пластиковой огромной бутылки...

Меня удивили дети Пиитера. Это были маленькие пацаны, одному полтора годика, другому два с половиной, они постоянно боролись друг с другом за территорию, игрушки, маму с папой. Я подумала, что вот какие гены у этих детей, гены собственников, и что что-то в этом есть, что они так ак-

тивно, с воплями и драками настаивают на своей точке зрения и своём пространстве.

Потом с нами произошла странная история в супермаркете. Обрадовавшись дешёвизне на всё, мы набрали целую тележку всякой еды, позволили себе взять пышную горячую булочку, только что испечённую тут же, взяли зубную щётку, которую забыли в Петербурге, взяли красивую коричневую рубашку, коричневые ботинки стильные, полотенца коричневые, в которых было что-то эстонское и оригинально. В общем, подвезли к кассирше целую тележку всякой всячины. В супермаркете народу было мало, и народ брал товары корзинками, а мы – тележкой. Когда кассирша стала пробивать наши товары, она как-то всё больше и больше раздражалась и розовела, и в конце совсем разозлилась, и швырнула нашу горячую булочку нам, и воткнула как кинжал зубную щётку в белое тело булочки. Мы подивились на её непонятное раздражение, пожалы плечами и решили, что это пример русофобии, наверно. Хотя за что на нас злиться, милых блондинов? Рассказали эту историю Пиитеру, а он объяснил, что мы купили товаров на сумму, которую эта кассирша получает за месяц работы в супермаркете, и она не смогла сдержать обиды на свою жизнь и зависть свою к нашему мнимому богатству.

Город построен из красного кирпича, что создаёт неповторимый сумрачный и меланхоличный колорит. Много деревянных домов, от которых веет бедностью, но достоин-

ством, ибо домики содержатся в скромной аккуратности. Среди высоких старых вязов и дубов пролегают дорожки для велосипедистов. Тарту выстроен вокруг университетской науки. Производство в городе почти всё умерло, кроме сапожной фабрики, выпускающей дорогушие и могучие сапоги из натуральной кожи, а также целлофанового завода. В результате в городе увеличилась безработица, упали цены на все товары, и сильно улучшилась городская экология.

Меня удивила судоходная река Эмайоги, проходящая через город. В ней чистейшая вода, плещется рыба, цветут кувшинки, и можно купаться, спустившись из городского дома к деревянным мосткам среди вековых ив. К тому же в Тарту сделали запруду с дном из песка, получился чистый и ухоженный городской пляж, на котором с утра до вечера проводят время дети всех возрастов и мамы с малышами. Мы там тоже каждый день купались и загорали. Меня удивили русские дети, бодрые, нахальные, сильно матерящиеся и отстаивающие свои права крепкими кулаками. Это всё дети русских безработных, непонятно как выживающих в Тарту. Эстонские дети были более скромными и домашними. Когда мальчуганы слишком сильно стали бросаться песком друг в друга, а один из них заплыл за бакены, тут же, как из-под земли, появился безупречно одетый в свежую стильную форму спасатель, молодой парень с мобильником, который сразу навёл порядок.

Я рассматривала Эмайогу с повышенным интересом, мне

один бывший хиппи рассказывал, как в начале 80-х Тарту был центром движения неформалов для всего СССР, и в Тарту на поездах из всех республик и городов съезжались экстравагантные молодые люди с длинными волосами, в клешах и с фенечками. В Тарту хиппи селились на полянах в палатках, там они предавались радостям жизни, а самые обдолбанные и радостные раздевались и нагишом падали в речку Эмайогу, и там отлёживались как русалки, пугая местных жителей.

Мне захотелось найти памятник Юрию Лотману, известному культурологу, главе Тартуской школы семиотики, человеку, разработавшему понятие семиосферы и признававшему за основу коммуникационный процесс непременно между двумя элементами, никакого тебе одинокого эгоизма-солипсизма. Для многих русских, заставших советскую эпоху, Тарту – это прежде всего университет и Лотман. А с коммуникационными процессами между двумя элементами всё не очень хорошо, имя Лотмана подзабывается.

Университет, который был основан в 1632 году шведским королём Густавом II, и ныне активно работает. Самое его выдающееся открытие последних лет – лактобактерии, которые теперь добавляют в молочные продукты во всём мире. Кстати, мы жили в квартире в доме, построенном для профессоров университета в 1930-х годах. Это была большая стильная квартира с ванной, с закруглёнными потолками, камином, печкой, комнаткой для кухарки и тремя комнатами для се-

мый профессора. Да, раньше людей науки любили и чтили... Я вспомнила знакомого питерского астронома, который ночует тайком под столом на работе, так как у него нет, и не будет, при его зарплате, своей квартиры...

Мы отправились искать памятник Лотману, начав с улицы у Университетской библиотеки, возле которой стоял фонтан в виде изогнутых трубочек. Весь центр Яани и его окрестности оказались насыщенным различными памятниками. Мы издали бросались к каменным и бронзовым мужчинам, чтобы посмотреть, не Лотман ли это. Это были то Оскар Вильде, то Отто Лутц, то Маурис, то Вильям Рейман, то Майт Мец. Всё писатели, филологи, учёные, принёсшие славу эстонскому народу. Среди памятников порадовали памятник Барклаю де Толи и создателю армянской письменности Бовяну, памятник типа как Зигфриду в стиле Третьего рейха, герою эпоса Калеви. На вершине горы мы нашли двух бронзовых русских богатырей в оживлённой позе, указывающих пальцем на другую гору. Это был памятник князю Вячко, поставленный при Сталине для укрепления дружбы между народами. Вячко спасал эстонцев от шведов... Но это всё был не Лотман.

Потом мы увидели трогательный памятник тощему одухотворённому юноше с тростью в руках, это был поэт Кристиан Петерсон, первый национальный поэт Эстонии, учившийся в местном университете 200 лет назад. Он пешком прошёл от Тарту до Риги и умер в 20 лет. Недавно к памятнику пешком

пришла группа рижских поэтов из своего города, чтобы повторить путь Петерсона. Неподалёку мы увидели здание обсерватории Струве, который измерил дугу земного меридиана и который выписал сюда самый мощный для 1820-х годов телескоп. Тут мы увидели ещё памятник мужчине, нет, это был не Лотман, а Александр Шмидт. Пиитер Аллик предположил, что это тот самый лейтенант Шмидт, судя по всему, чьи дети так тревожили потом советских граждан после гражданской войны. А может и нет. Потом мы заглянули на Ратушную площадь, там был памятник целующимся студенту и студентке под зонтиком. Очень романтичный памятник! Увидели мы памятники двум Оскарам, которые сидят друг против друга, изящные из бронзы. Один – Уайльд, другой – Вильде, а имена их пишутся на эстонском одинаково. Возле рынка мы узрели памятник свинье с сиськами, там было длинное посвящение свиньи к человеку: «Мой друг, зачем ты меня ешь?» и т.д. Но где же Лотман?

Потом оказалось, что тот фонтан из изогнутых трубочек возле библиотеки – это и есть памятник Лотману. Действительно, если присмотреться, то видны знакомые усы и нос учёного.

Вообще в городе много творений современных архитекторов и скульпторов. В центре города стоит башня типа Татлина, со спиральным завитком наверху. В ней никто не живёт, потому что цены на квартиры в ней непомерные. Вокруг выросло несколько пластиковых пеналов и несколько чёрных

квадратов, что лишило Тарту его колорита, но сделало похожим на душный офисный квартал Берлина. Берег Эмайоги, прилегающий к этому островку капитализма в его трансмонополистической стадии, безнадежно изуродовали, на мой взгляд. Вырубили ивы, убрали траву, сделали серый цементный гладкий бок с уродливыми толстотрубными перилами. Но не будем о грустном.

Я спросила у Пиитера, как развивался капитализм в Тарту. Самый богатый ныне человек Тарту когда-то учился в Тартуском университете на кафедре физкультуры... Некоторые горожане сделали деньги на спекуляциях и на пирамидах в 90-е годы, потом купили банки, газеты, сети магазинов, потом всё перепродали шведам и другим богачам, и теперь не работают, а живут в своё удовольствие. Кстати, нынешний премьер-министр Эстонии Андрус Антип тоже из Тарту... Сам Пиитер Аллик поддерживает партию зелёных или голосует за консерваторов... В Тарту с симпатией вспоминают Джахара Дудаева, который был начальником гарнизона и в 1988 году во время массовых беспорядков не дал пролиться крови борющихся сторон. Из газет самой уважаемой в Тарту является «Почтмейстер», старейшая газета Эстонии. Кстати, в ней вышла статья про мою выставку.

Во время прогулки по Тарту нас привлекли зелёные кущи на краю города. Это оказалось гигантское кладбище. Эстонцы, русские, евреи лежали рядом, над большинством могил стояли типовые памятники с барельефом плакучей веточки

берёзы...

Но вернёмся к искусству. На 100 000 человек в Тарту 120 членов Союза Художников и десятков галерей. Все они работают в стиле постимпрессионизма, а Пиитер Аллик возглавляет радикальное искусство и группу KURSI KOLKOND, занимающуюся перформансами и шокирующими выставками. Ещё мы с Пиитером зашли в мастерскую к художнику Альберту Гульку. Альберт рисует десятиметровые рисунки карандашом или акрилом, на которых воспевают жизнь инопланетян, грибообразные ракеты, всякие отношения между странными существами. Монументальные полотна об инопланетянах Альберта плохо продаются, и его подкармливают друзья, в основном пивом и гречневой кашей. Мы хотели выбросить старые кроссовки, совсем развалившиеся во время путешествия по Тарту, но Альберт их себе забрал.

Солнечное (август 2009)

Солнечное и несолнечное

Железнодорожные станции становятся похожими на цирковые загоны для хищников. Решётки, решётки, решётки. Будто народ невменяем, будто будет непременно безбилетно лезть через ограды и вытворять пакости. Для радости жизни могучие решётки выкрасили в пошлый голубой цвет. С эстетикой у русской власти всегда проблемы. Но вот я перешла шоссе, вступила на дорогу, ведущую к пляжу «Ласковый».

Давно я здесь не была. Нахлынуло что-то до боли родное,

да, это мои родные места. Я никогда не отдыхала здесь на съёмной даче в убогих дощатых домиках. Но мои ноги в сандалиях так часто протаптывали этот путь до пляжа «Ласковый». Пахнуло родным запахом хвои из мрачного ельника вдоль дороги. Всё так же упрямо из канав лезли коричневые головки крепких сыроежек. Снесли до основания кирпичный дом, где когда-то был прокат велосипедов летом и лыж с финскими санями зимой, гениальная услуга для советских лириков, физиков и их семей. Выстроили пошлое, вечно пустующее пластиковое кафе, куда заглядывать не хочется. Народу капитализм предлагает беспрерывно жрать и жиреть, кормя владельца. А народ хочет худеть, быть спортивным и стройным. Дешевые велосипеды и лыжи милее русскому сердцу чем выспренные гольф-клубы, 5 тысяч за сеанс.

Всё так же вдоль дорожки сновали милые питерские интеллигенты, любящие культурный отдых. Одухотворённые девы и тинейджеры крутили педали велосипедов, встречались счастливые жирные бабушки с кудрявыми внучатами. Бабушки мило уютюкали, у них хорошее лето на лоне природы. Всё так скромно, небогато, но по высшему духовному разряду. Солнечное давно уже облюбовано интеллигенцией, они тут отдыхают в казённых дачах от некоего дачного хозяйства уже полвека, домики снять нельзя, так как стоят они дёшево для такого курортного местечка, и семьи их династийно снимают на годы вперёд. Все всех знают до треть-

го колена. Домики, правда, убогие и депрессивные, холодные, без удобств, обычно из двух частей на две семьи. К тому же земля. Вот лето, а любой пучок зелени и клубничку выращивать нельзя, надо покупать в магазине. Зато бонус-залит, море, песок, пляжи, лес чуть загаженный по краям, но достаточно бесконечный для грибников, дорожки для велосипедистов, рядом город, зимой дачу сторожить не надо, спать можно спокойно, если влезут, нагадят и сожгут- не наше же по большому счёту, государственное или чьё там на сегодняшний день. Мудрое отношение к жизни, которое мне глубоко не симпатично. Жить по максимуму без глубокого пускания корней в землю, без серьёзной ответственности перед будущим и прошлым – может в этом что-то и есть, но как-то мелкотравчато.

На развилке дорожек- одна из казённых дач в два этажа, желтый домик с гадкими решётками на окнах. Загадочная дача. То там было что-то вроде борделя- комната за 100 рублей за ночь. То домик пустовал и пугал заброшенностью. Теперь вот за плотными дешёвыми занавесками- восточная музыка нудит и нудит. Таджики там живут ныне. Кой-где что-то строят наверно. В престижной зоне, широко охваченной забором у моря, где когда-то в небольшом мрачном дачном доме отдыхал летом какой-нибудь партийный или кэгэбэшный босс, там натыкали коттеджиков. Хороший русский мужик строит крышу. К закрытым, как всегда за последние 30 лет, воротам в высоком заборе подъехала иномарка, из неё

вылезла откормленная деваха, какая-нибудь правнучка кэг-эбяшная, нынешняя хозяйка этого райского местечка. Я подумала, вот тут такие элитарные, прекрасные пейзажи, такие сосны лиловые, как шелуха на перезагоравших телах, и море тут такое, и песок. И в правильном государстве тут должно быть несколько элитарных государственных дач, и в них должны летом жить Битов и Лимонов, Мамлеев и Горбовский. А когда они помрут, в дачи вселить новых талантливых писателей, какого-нибудь старого Прилепина. Потому что редкие по красоте места должны вдохновлять редкие таланты на бессмертные творения, а потомки когда-то нужных государству людей пусть сами чего-нибудь добьются, чтобы тут жить. И нет оправдания этому государству, за то, что оно гнобит свою культурную творческую элиту, а Сталин был кое в чём умён...

Из ещё одной скромной дачки в виде низкого барака вкусно пахло семейным ужином, наваристым борщом, жареной картошкой. Людей не было видно, они прятались за шторами, и гавкающей собаки, которая обычно вокруг дома за забором бегала последние лет 10- её тоже не было видно. Может, сдохла от старости.

Ещё изумили старые финские ступеньки. Холм такой есть, видно, там стоял чудесный финский дом, к нему вели широкие, на славу сделанные ступени. Дом стёрли с лица земли, на вершину холма, к кучке среднего возраста сосен, ведут ступени такого качества, какое не сможет ни за какое

бавлю себе сделать новый русский. Финн строил для себя и для своих потомков на века...

Пляж, песок, море, чайки из цемента, урны в виде гигантских шаров - они были всё те же! У нас была, была своя архитектура! Я помню первое детское впечатление от пляжа в Солнечном. Этот простор, эти дюны, эти нетривиальные шары и чайки, дорожки из реберчатых плит, эти деревянные указатели и железные трезубцы для красоты. В этом было столько минимализма, свободы, раскрепощённых девушек с длинными волосами в мини-юбках, мускулистых молодых эмэнэсов в солнечных очках, любящих пляжный волейбол и солнечные радости. Это был дух шестидесятников и оттепели, прокисший в тучную, глупую и пьяную эпоху Брежнева. Я бегала девочкой по этим пляжам, ещё не зная, как цивилизация начнёт угасать и холодеть, как энергичный дух строителей коммунизма начнет подменяться торгашеской тухлостью. Но все архитектурные детали были сделаны с советским качеством, и всё пока стояло на месте, только подуставшее.

Потом, в самую депрессивную, но уже с брезжившим рассветом новых постмодернистских времён, эпоху, эпоху сторожей и дворников, я уже девушкой устроилась на этот пляж работать уборщицей. Гармония физического и умственного труда всё ещё влекла меня к себе, как и сейчас влечёт. Мы с подругой гребли граблями зимний тростник, море пело и шумело рядом, будило нас в нашем вагончике на причале,

где мы спали в школьных кроватках. Я узнала цену этих прекрасных гигантских шаров из цемента, служивших урнами. Оказывается, красота была внешней и поверхностной, бесчеловечной по своему содержанию. Люди бросали в шары мусор, выгребать его оттуда было фантастически тяжело, ни одна лопата, никакие грабли не справлялись с мусором из-за выгнутой формы стенок. На дне скапливалась антисанитария, полушария дна были в вековых плевках плесени, гнильи и вони. Советские архитекторы, обрадовавшись свободе самовыражения, поленились шевельнуть мозгами о том, как это всё будет функционировать. Но главное на пляже осталось – игры в пляжный волейбол, красота синего залива, ярких берез, развеваемых ветром, и жаркий чистый песок дюн, покрытых кой-где белёсой жесткой травой с колосками.

Там мы познакомились с симпатичными парнями, сыновьями советской элиты. Они нас звали в гости к своему однокласснику, который был где-то рядом, но вдали, на слуху, но невидим. Мы так и поленились к нему съездить в гости, а это был Вова Путин. Те парни оставили глубокие судьбоносные борозды в нашей юной жизни. И Вова никогда бы не стал президентом, если б связался с нашей вольнолюбивой компанией. Мы бы его деморализовали на корню, и стал бы он, например, владельцем художественной галереи, на благо России. Эх!

Потом я увлеклась нудистским пляжем. Там были прикольные чувачки, всякие маргиналы половые, интеллекту-

альные, социальные, люди со всякими нестандартностями и потугами на возвышение над «обывательским быдлом», они там собирались сверкать голыми белыми попками среди дюн. Однажды с красоткой Ру-Ру нас чуть не закидали камнями первые советские педики. Мы сразу поняли, что они голубые, и мы решили насмеяться над ними. Мы подошли к ним в своих юбочках, приспустили трусы и стали юбочки задирать, и показывать педикам наши девичьи попки. В ответ в нас бросили камень, но не попали.

На нудистском пляже я провела незабвенную ночь с красавчиком Леонидом. Мы приехали на пляж в страшную жару, в футболках и шортах, а ночью на пески пал ледяной туман, от которого пар шёл и иней проступал. Леонид выпил много пива, да и я выпила много пива, мы с ним долго бродили по ночному пляжу, серому и ледяному, пока не начали от холода стучать громко зубами. Нашли ночлег под барной стойкой, где не дуло хотя бы с моря. Ночью воспитанный парень Леонид пошёл искать туалет, нашёл урну, принял её за белый унитаз и наполнил её до краёв. Пришёл какой-то кавказец, вечный владделец самых сочных в смысле доходности русских земель и промыслов, увидел порченную урну и вскричал: «Где мой патрон!». Я тряслась от страха, что вот сейчас он найдёт патрон, зарядит винтовку и нас пристрелит, как собак, возможно, одной пулей пронзит сразу двоих. Или, может, он спрашивает: «Где мой патрон», в смысле: «Где мой хозяин? Хочу посоветоваться, что делать со сволочами, ко-

которые прячутся под барной стойкой. Убить ли их и на пельмешки извести, или в рабство забрать, или пинками в задницу выгнать в лес?». На самом деле он хотел патрон лампочки вкрутить, чтоб в урну заглянуть. Или просто чтобы не было так темно и страшно, может, он привидений боится...

Потом нас с моей подружкой Машкой с пляжа хотел увезти в море на яхте некий яхтсмен с облупленным от солнца членом. Такие невинные приключения нудистского лета. Потом нас с Семёном чуть не траванул палёным вином некий местный пляжный деятель. Но я вино понюхала, чуть лизнула и вылила в песок. А потом нудистский пляж кто-то поджёг, и все чудесные ивовые кусты там опалились, и негде уже было нудистам прятать попки голые в утёсах.

Всякого много случилось там с нами этакого, галантного, недоговорённого, не доходящего до свинской пошлости. Всё во флёре романтизма. Тогда никто ещё не ругался матом. Да и секса особо там не было...

И вообще мне нравились эти пляжи, и нудистские, и простые, это пиршество голых тел, эти жиры и ляжки, тощие хрящики и складчатые спины, старцы и дети, мамашки и бабищи, девы и юноши, самцы в соку и самцы усохшие, эти люди без комплексов, тянущиеся рефлекторно к солнцу и ветру, морю и сосновому настою. В этом было что-то трогательно человеческое после бесчеловечности города, в этом была беззащитная открытость, доверчивость, вера в то, что над тобой не будут издеваться, потому что все равны в своей

мимолётной телесности. . .

Сейчас я шла по песку. Море показалось тёплым и манящим. Шёл дождь. Было почти безлюдно. На заливе было волнение, зелёно-жёлтые волны тяжело били в берег, в мутную воду смело входили два голых карапуза, в воде бултыхалась неприятная пена, и плавали использованные предметы туалета и гигиены. Я знаю эти выбросы в воде- это с больших кораблей, оснащённых туалетами, сливают напрямую в воду канализацию, и она потом бьётся об берег. Ненавижу корабли! Все они засрали кайму морей! Карапузы смело шли в воду навстречу к своей первой моче-половой инфекции, поощряемые смелыми одухотворёнными мамами из местных дачниц. Чуть поодаль в воде колыхалось четыре хорошо откормленных хачика, то бишь лица кавказской национальности, более мелкую народность было не определить. Они издавали гортанную речь и снимали друг друга на мобильник- своё победное ритуальное купание в далёком холодном море. Я долго бегала по воде, готовясь нырнуть в море, но плещущиеся всюду прокладки вызывали сомнения. Хотя море пахло водорослями и солёными соплями, манило и дразнило, и солнце сквозь тучи мелким серебром высвечивало горизонт.

Так вышло, что в тот летний вечер из русских на пляже «Ласковый» была я одна.

Таллинн (октябрь, 2009)

Богемный делириум

В Таллинне в Артконтейнере открылась моя выставка политических ковриков. (Culture Factory Polymer в квартале «Кристина»).

Открытие сопровождалось вечером русских поэтов-диссидентов. Должны были, кроме меня и Наташи Романовой, выступить Емелин и Родионов, но московские маэстро не сделали визы или впали в запой. Переводчица на эстонский была из ООН, она показала высший пилотаж. Вместо Емелина и Родионова русскую поэзию показывали Бауэр и Ника. Должно было придти ТВ, и мы долго чесали репу, с какой стороны мы диссиденты. В слове «диссидент» есть что-то едкое, типа кислоты. Это типа тот, кто едко язвит власть своей страны? Или мы диссиденты в поэзии, разъедающие верлибно-мутный стиль, курс на который дан в глобальной литературе?

Поэты со друзьями распались на несколько коллективов и добирались до Таллинна разными путями: на автобусах, на пароме через Хельсинки, на машине. Мы мчались на автомобиле фотографа Саши Саватюгина. На границе злые эстонцы нас с машиной загнали в тупик, там машину вместе с нами поднял какой-то кран и нас просветили рентгеном, на предмет контрабанды и наркотиков. Потом один мой юридически подкованный товарищ советовал нам подать в суд на таможенников за причинённый вред здоровью, но вреда не

получилось. У Саши Саватюгина повысилась потенция, он овладел своей подругой в ближайшую ночь, и та через девять месяцев родила ему отличного сына...

После прохождения границы глубокой ночью нам захотелось вытряхнуть из себя остатки русского, сделать наконец-то пи-пи. Машину остановили в широком поле за городом Нарва. Там стоял в чистом поле туалет! Мы глазам своим не поверили – это был отличный пластиковый нужник с туалетной бумагой, бесплатный. Правда неподалёку стояла полицейская машина, но она быстро уехала.

Мы мчались по гладкому эстонскому шоссе, утыканному по краям столбиками с катафотами. Получалось так, будто едешь сквозь строй светящихся друзей, указывающих извороты судьбы. В машине спорили – все ли советские заводы в Эстонии умерли, а также и сельское хозяйство заодно, или что-то осталось? В Кохтла-Ярве поразил запах тухлого дыма и фантастический завод будущего, весь серебристый, ярко освещённый, пыхтящий всякими парами. Городок Тухла-Ярве был депрессивен и скромнен, но завод жил и дышал, это радовало.

Ещё больше порадовал Таллинн. Старый город был весь вылизан и выглядел как конфетка. Среднее кольцо вокруг Центра являло собой примеры высокого эстетического вкуса – старые выкрошенные дома были заменены изделиями современных архитекторов, с большим вкусом использующих глянец, пластик и отражающие поверхности. Здания были

тонко колорированы под окружающую среду, никаких диссонансов, никакого наглого превышения этажности, изящные крыши углами, перекликающиеся с башенками и крышами Старого Таллинна.

Нас ждал АртКонтейнер- артцентр, расположенный на территории бывшей химической фабрики. Цеха были превращены в мастерские и общежитие для художников всех стран. Тепла в здании не было, мастерские отапливались стильными печами-буржуйками из перекрученных труб. Наша комната была залой с нарами, со следами творческой жизнедеятельности бывших тут до нас мастеров. Всюду кипела жизнь – кто-то что-то печатал на офортном станке, кто-то клеил советские игрушки из пористой резины на стенд, кто-то мял бумаги и создавал из них гнездо для прохода на ночную дискотеку.

Открытие выставки и вечер поэзии с переводом на эстонский язык привлек внимание таллиннской прессы и ТВ. Когда я читала стихи о том, как умер Ижорский завод и о том, как «Фуры с лесом едут по России, сдали русский лес, его приговорили», Пиитер расплакался, утирали слёзы и другие эстонские зрители. Ко мне подошла одна женщина после выступления и долго рассказывала, о том, как хорошо было при СССР, и как ужасно разорена промышленность ныне.

Потом началась богемная пьянка. Часам к 11 вечера возникло ощущение, что все впали в делириум. То ли водка была такая, обрубающая мозги, то ли воздух химфабрики про-

воцировал. Пиитер Аллик ещё раз всплакнул об умершем Ижорском заводе, а потом заснул прямо на полу. К нему подошла пьяная в дугу питерская художница Иваси, она жалостливо склонилась над Пиитером, приподняла бородатую голову эстонского мастера с цементного пола и попыталась подложить под неё подушечку, что-то жалостливое приговаривая. Но Пиитер её не так понял. Он принял нашу строительную художницу за мужика, который его домогается. «Ах, пидерастус, как вы мне все надоели! Пшёл, уйди!». Пиитер вскочил как огненный кабанчик, схватил огромное зеркало, стоявшее у стола, и этим зеркалом стукнул нашу Иваси по голове, от чего зеркало раскололось на несколько кусков. Потом он стал душить Иваси, заваливая её на пол и приговаривая: «Надоели! Пидерастусы, фашистусы! Про евреев всякие гадости говорите? А мой дедушка был еврей, вот! Ох, как вы мне надоели!». Иваси, так как была пьяна, смотрела на манипуляции, которые с ней проделывают, довольно безразлично, а Питер взял осколок и пытался девушке отпилить голову. Я находилась на втором этаже в нашем художественном цеху, и бросилась с воплями вниз. Спасения ждать было неоткуда. Двое наших мужчин были смертельно пьяны и спали, как убитые, кто на полу, кто под диваном. Поэтессы наши куда-то отлучились. Я выскочила из нашего номера и помчалась искать подмогу, чтобы обуздать пьяного эстонца, а может быть уже и стать свидетелями отсекновения главы Иваси. Я нашла фотографа Сашу более-менее трезвым, мы

с ним ворвались в наш номер, Пиитера там не было, он пошёл зажигать на австралийской дискотеке. Иваси была цела и невредима. Даже ни одной царапинки на ней не было, хотя об неё было разбито большое стекло... Она спала на диванчике, уютно сжавшись калачиком.

Я тоже решила поспать на своем втором этаже. Но это не удавалось. Ника искала какой-то диск со своими песнями, рыдала, что его украли, и что он очень дорого стоит, и что там уникальная запись, а копий не осталось, и что мы все ей должны заплатить, так как она пострадала в деньгах. Иваси и Романова успокаивали Нику абсурдными доводами на её абсурдные доводы, потом Романова взяла стул и одела его на голову Нике, как бы заключив её в тюрьму. Мужики наши все были смертельно пьяны и спали, а тётки не могли спать и бесновались. Романова всё время подходила к двери, закрывала её изнутри и пыталась спрятать ключ. Я за ней внимательно, как орлица, наблюдала со своего насеста – если бы ключ пропал, мы бы тут оказались в заключении и не могли бы выйти в туалет. Нике удалось скинуть стул с головы.

Поэтессы обзывали друг друга жабами, немного друг друга колотили. То есть выглядело это вот так: вокруг круглого стола, переполненного объедками, осколками битой посуды и стаканами, сидели Иваси, Ника, Наташка и искусствовед Аня. Иваси говорила Нике: «Ты жаба!». Та ей отвечала: «Сама жаба». Романова говорила Нике: «Ты жаба и есть». А та отвечала: «Я жаба? Вы обе жабы!». Анька говорила: «Вы

тут все жабы». Ника ей возражала: «Мы жабы? Ха-ха-ха! На себя посмотри! Жаба и есть!»». То есть жаба шла по кругу и никак не могла остановиться.

Романова куда-то всё бегала, при этом наступала на тело Ющенко, закутанное в белое одеяло. Наступала она на него нехорошо как-то, мне казалось, что на голову. Голова при этом у него хрустела. Ющенко не шевелился, я же решила всё предоставить воле Божьей. Романова заперла изнутри нашу комнату, я подкралась и утащила у неё ключи, положила их себе под подушку.

Раздались страшные стуки в нашу запертую железную дверь. Там гремел голос Питера: «А, горячие русские парни! Пидерастусы и фашисты! Испугались! Ага! Выходите, померяемся силами!»». Слышно было, что Питер там не один, а в сопровождении пьяной компании. Они ещё как демоны полкомились к нам в дверь, постучали кулачищами и ушли. У нас все спали, или прикидывались, что спят.

Под утро я вышла в туалет. Вид у арткатейнера был такой, будто это был бункер Гитлера во время взятия русскими Берлина. Всюду гремели и бились бутылки, стучали тела падающих оземь весёлых людей. В косяк нашей двери был сантиметров на 6 всажен большой кухонный нож.

Утром, часов в 9, в нашу комнату заглянул трезвый как стёклышко Пиитер, увидел, что все на месте и все живы, и уехал в Тарту. Нож мы выдернули, долго рассматривали и

порезали им колбасу. Никто ничего не помнил, все с удивлением смотрели на битое зеркало и множество осколков. Ни у кого не было ни царапины. Все были веселы, трезвы и отправились осматривать достопримечательности города, главной из которых была выставка художественно препарированных трупов в торговом центре «Солярис». Торговый центр, безвкусный и размазанный, с гигантской фальшивой берёзой в центре, пронзавшей своими капроновыми крашеными листочками 4 этажа, был переполнен шопингующими эстонцами всех возрастов. В подвал, где проходила выставка немецкого художника, выстроилась огромная очередь зевак, готовых заплатить 150 крон за наслаждение видеть себя изнутри. В очереди стояли молодые мамы с младенцами, кудрявые пенсионерки в седых кудельках, девушки в розовых кофточках, стояли целыми семьями из трёх поколений. Ну, никто не хочет думать о душе! Только мясо и расчленёнка интересует...

На следующий вечер нас в Артконтейнере ждал сюрприз – вечер садомазо с участием приглашённого раба в ошейнике из Интернета. По полу бегал на четвереньках голый бледный мужик, кураторша выставки, белая эстонка в высоких сапогах смачно хлыстала его, аж кровь брызгала на стены. Потом они разбили вдребезги гипсовую бабу. Большинство из нашей группы куда-то уже разъехались, остальные делали вид, что им это нравится. Главное, что свинство и хаос в нашей комнате можно было списать на эту акцию. Перформанс

удался на славу, правда, некоторым показалось, что это не сюрприз, а сложное выражение чувств по отношению к «русским оккупантам», тем более что в центре Таллинна теперь стоит памятник главе лесных братьев по фамилии Питка. Но всё же потом все поняли, что это всё-таки тёплый приём и желание порадовать питерский андеграунд от имени эстонского андеграунда чем-то остреньким в буквальном смысле слова.

Мы с фотографом Сашей уехали в город Пярну, его родной город, как он сказал. В Пярну нас ждали люди в галерее. Саша сказал, что его бабушка работала тут директором рыбного комбината. Зрители, пришедшие на вечер, сказали, что комбинат уничтожен Евросоюзом, цеха разорены, народ без работы. А раньше тут делали консервы и продавали их и в СССР, и в Европе. Мы вышли на берег моря. Наступила ночь. Саша пошёл по песку куда-то в отступившее море, всматриваясь в родную черноту и внюхиваясь в запахи детства. Мы долго его ждали, переживая за его трепетную душу. Потом мы пошли в ресторан и нам принесли вкусную еду. Ничего эстонского в ресторане не предлагалось. Поваром и официантом одновременно был молодой человек из Владивостока, который окончил курсы по приготовлению блюд мексиканской кухни, и вот он стал востребован и по газете нашёл здесь работу, подписал контракт и кормит местное население изысканными мексиканскими блюдами. Лучше бы шпротами...

Мы вернулись в Таллинн. Я забрела на морской терминал и неожиданно для себя самой уплыла на пароме «Baltic Queen» в Стокгольм, так как оказалось, что билеты на паром стоят дешевле, чем билеты от Петербурга до Москвы.

Паром являл собой огромный многоэтажный плавающий супермаркет, где каждый метр был придуман для выкачивания денег из туристов. В самом центре как высший смысл существования распластались бутики и лавки с алкоголем и духами. Чтобы выпить и подарить девушке подарок. Девушки на корабле встречались будто из иных веков – типа времён фильма про интердевочку. Это были какие-то отвязные накрашенные толстухи в очень коротких юбках. Ночью в носу корабля под распластанными зеркальными потолками началось шоу. Сначала пели англоязычную попсу очень милые музыканты, певец и певица скандинавского плана, а также интеллигентный ансамбль сопровождающих инструментов. Зрители слушали, выпивали, а потом стали танцевать. Танцевали в основном пьяные в сосиску пожилые эстонские и шведские пары. Дамы одели хорошенькие колготочки и нарядные туфли на свои старые цирлы, нарядились в короткие платья и зажигали со своими седовласыми кавалерами. Мне вот было смотреть на них приятно. Если бы корабль затонул, то они типа отправились бы из рая в рай, ни о чём не жалея.

Ещё меня поразили шведско-эстонские девочки-блондинки. Вообще на корабле было много родителей с пупсами

и детьми постарше. То есть это такой роскошный уикэнд – на выходные за стошку евриков прошвырнуться до Стокгольму и обратно. И вот одна юная принцесса лет трёх плясала со своей слоновьей очкастой бабушкой. Это было грустное зрелище – девочке нужен даже и в 3 года для танцев мужчина-кавалер, а не бабушка. А там с мужиками было плохо, я потом видела эту компашку, несколько одиноких тёток и их красотка-внучка. Одна скандинавская принцесска плясала с папой. Она обхватила ножками его торс и висела вниз головой, как обезьянка, а он её под музыку крутил на себе. Тут тоже был перегиб. Где, где кавалеры-мальчики, принцы для принцесс?

Кавалеры сидели передо мной – три гламурных гладких красавчика, потреблявших коктейли и пиво без меры. Они так противно самовлюблённо смеялись, так мне напоминали моего противного мужчину, оставленного в Петербурге...

Потом внезапно в носу корабля спустился занавес с черно-белым изображением Нью-Йорка, как светлой и великой цели человеческого счастья, в зал выскочили прекрасные юные блондины и блондинки, и все они начали виртуозно исполнять сценки из американских мюзиклов, взывая к богатству, мышшиной вертлявости и величию потребления. Мне показалось, что это были украинки и русские, весьма воодушевлённые хорошим контрактом.

Среди публики парома было много русских, их отличал от

других наций одинаковый серый цвет кожи. Носы и толщина у всех разная, а вот цвет лица одинаков. У шведов кожа цвета осетрины, гладкая и желтоватая от рыбьего жира. Эстонцы будут порумяней. А русские – серомордые. Экология сказывается и бесконечный вид помоек.

Меня поразили две русские компании. Одна – из юношей в обтянутых штанишках, рубашечках и в шляпках как у Чарли Чаплина, и девушек в перчатках и маленьких чёрных платьях. Это была артистическая радостная молодёжь. Вторая компания была похожа на комсомольцев–колхозников, награждённых турпоездкой в страны загнивающего капитализма. Это были плохо воспитанные парни и девки, наглые, горластые, грубые, почему-то в курточках с логотипом Газпрома. Мне показалось, что их премировали поездкой в Стокгольм за какие-то деяния.

В Стокгольме я села на паром «*Silja Serenade*» и отправилась в Хельсинки. Этому парому 20 лет, и он намного человечней, чем «*Baltic Queen*». Он был построен в эстетике диско и счастья от коктейлей и музыки, а не от торжества победившего потребления. И каюты, и туалеты, и залы – всё тут было более тёплым, человечным, ярким. На самом верху была открытая площадка для прогулок под звёздным небом. На «Королеве Балтики» такого не было – там всё было заточено под социальное неравенство, я думаю, там, в случае чего, бедный люд из трюмов будет спасаться последним. Звёзд

не было, зато в чёрном море как призраки появлялись другие сверкающие огоньками паромы и корабли, потом они исчезали во тьме среди шведских островов.

Я нашла на 11 этаже банный комплекс «Оазис», забралась в голубой бассейн среди пальм и там просидела свои полтора часа, периодически забираясь в сауну пропечь там вирусов свиного гриппа. Иногда корабль от балтийских разыгравшихся волн сильно потряхивало, аж вода из бассейна выплёскивалась. Плещущаяся в соседней ванне русская компания вскрикивала с восторгом: «О, да это Титаник!». На пятом этаже классический ансамбль играл на фортепьяно и скрипках «Калинку-Малинку». Я под калинку-малинку проплясала до каюты на самом дне трюма, под автомобилями и автобусами, и там всю ночь тревожно слушала, как стучат зелёные волны прямо мне в ухо за днищем корабля-супермаркета. На «Серенаде» меня растрогал фотограф, юноша-брюнет, сделавший очень хорошие портреты всех отдохавших на корабле. У него никто ничего не купил, он чуть ли не плакал, его, наверное, уволят. Мы тоже не купили наши хорошие мордочки у него, 200 крон – это очень много для нас.

Мандроги и Свирь (весна, 2010)

Воды к радости

Свирь

На реке Свирь, в 5 километрах выше по течению от туристского центра международного значения Новые Мандроги, хотят построить целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК). Со всеми вытекающими (в прямом смысле) последствиями. Местные жители возмущены, Мандроги давали им труд, туризм кормил местное население и не наносил вреда экологии.

Слухи о строительстве ЦБК взбудоражили жителей Подпорожья, они устроили автопробег с лозунгами «Нет ЦБК на Свири!» на дороге к Лодейному Полю и позвали журналистов.

Мы ехали по землям Подпорожья и были в шоке. Это вам не берёза и простенькая древесинка, которую русские фуры вывозят в Финляндию из России в Брусничном. Это великолепные стволы сосны, и фуры с соснами мелькали по трассе каждые пять минут – а ехали мы 4 часа. Пусть первоклассник посчитает, сколько фур шныряет по этой отдалённой окраине Ленобласти.

Удручал вид леса вдоль дороги: ёлки и сосны стоят без хвои, берёзы мёртвые, болезнь сушит дерево снизу вверх. Наверху еще зелень, а ниже сухие ветки. Мёртвые деревья серой стеной стояли на километры, не падая. «Похоже, что это корневая губка, – пояснил знакомый журналист. – Она поражает корни и дальше идёт вверх по стволу. Раньше лесники следили за этим и, обнаружив больное дерево, окапывали его вокруг корневища, чтобы по почве болезнь не распространя-

лась. Я слышал, что китайцы в Сибири специально заражают леса, типа такой лес можно вырубить по дешёвке как большой. Неужели тут то же что-то подобное происходит? К тому же кругляк. Под видом кругляка, в разы дешевле стоимости древесины на самом деле, у нас скупает леса Финляндия».

Ребята подпорожские пришли на пробег в немецких касках времён Второй Мировой. Наверно, в местах боёв накопили. Намёк какой-то двусмысленный. Всё смахивало слегка на провокацию. К тому же наш микроавтобус как-то странно постукивал, и бдительный мой знакомый журналист потребовал остановки и обнаружил на колесе разболтанную, похоже, что заранее слегка открученную гайку. Ещё немного, и мы бы не доехали до Свири. Потеряв колесо на ходу, микроавтобус мог выскочить на встречку или завалиться в канаву. Нам реально кто-то желал смерти. Мы осмелились выступить против очень страшного Зверя... Мы рассматривали с шофёром почти отвалившуюся гайку и по спине мурашки бегали...

Местные жители, красивые крепкие русские люди, рассказали нам о трагедии своего края. Здесь раньше мужчины промышляли лесом. Это были небольшие пилорамы, и небольшие коллективы людей рубили лес, обрабатывали спиленное, и вся древесина шла на внутренний рынок России. Малый бизнес очень подходит для заботливого ухода за лесом- можно вырубать не всё подряд, а выборочно, например, сухостой на дрова, или поражённые губкой деревья, ко-

торая съедает листья и хвою, но не портит качество бревна.

Теперь малый бизнес умерщвлён. Русские люди потеряли свои предприятия, у них осталось тут одно богатство – это чистый воздух, чистая вода, бесплатные дары природы. И вот это единственное, что у них осталось, у них хотят отнять.

Русские лесорубы получают за труд гроши, кругом безработица, в городе Подпорожье 20000 жителей, а работы почти нет. Поэтому они вынуждены соглашаться на унижительный труд по вырубке национального ресурса, продаже его западным оптовикам с их супертехникой. Прибыль получает цепочка из перепродавцов и крупные акулы-дельцы. Наш национальный ресурс- лес, то есть то, что по Конституции должно кормить нас, как народ этой земли, он нас не кормит, он у нас отобран западными сверхдержавами и русскими предателями родины, коррупционерами-чиновниками. Русский народ путём нескольких закорючек в сводах и законах отчуждён от своей земли и своего ресурса.

Испортить химической вонью и сбросами в реку собиралась финская компания-монстр «Юпинкюймени» (за точное воспроизведение финского слова не ручаюсь), крупнейший финский монополист в сфере ЦБК. Сами финны свою природу берегут и такие ЦБК у себя не строят, а строят типа в Уругвае, где страной управляют коррупционеры-макаки без мозгов. И вот прожорливые финские менеджеры посмотрели вокруг, и присмотрели беспризорную страну Россию под

боком, где можно отравить химическими ядовитыми сбросами реку Свирь. При этом материалом для ЦБК будет окружающий русский лес и чистейшая вода Свири, не требующая расходов на её очистку перед производством. Финны за три копейки (так как имеют с нами договора о в два раза сниженных ценах на древесину по сравнению с европейскими- из-за соседства) – они за три копейки выжрут оставшиеся леса Подпорожья, наделают бумаги, а потом будут продавать её нам же не по соседским, а по европейским ценам. Прибыль бешеная уйдёт в карманы финнов. И бешеные откаты за поруганную русскую природу- в карманы русских чиновников. Речь идёт о миллиардных вложениях в строительство комбината и в стократных миллиардах прибыли от этого выгодного «национального суперпроекта».

К тому же если шизовать дальше на эту тему- через ЦБК можно будет прогонять левую древесину, а в связи с оскудением нефtezалежей хоть многолетне, но возобновляемая древесинка скоро станет стратегическим сырьём. То есть запад расковыряет на Свири для себя точку бесконечной вытяжки доходов и пользы для себя. Польза для русской стороны отсутствует, разве что человек 30 найдут себе работу с европейскими претензиями к качеству специалистов и с русской нищенской зарплатой взамен. Плюс сливы в воду, тяжкий запах хлора, гибель сперматозоидов у мужского населения, отпугивание туристов от красивейшей русской земли.

Однако, никаких документов и официальных заявлений

администрации Подпорожья нам так и не показали. Сюжеты вышли по ТВ и попали в газетки. Всё осталось на уровне слухов. Но лучше превентивно заорать о проблеме, оказаться перед свершившимся фактом- вонючей рекой с дохлой рыбой. Нас не убили, статейки, возможно, сработали...

Мандроги (ноябрь 2010)

В сами Верхние Мандроги я попала осенью, туда нас пригласили на конференцию по сувенирному делу в Ленинградской области.

Мы ехали в сторону Свири и Волхова, поражаясь новым бедствиям с лесом. Лес выглядит справа и слева как поле битвы. Одни деревья стоят крепко, другие пали на плечи товарищей. Это следы августовского чудовищного урагана, который, подобно волне от атомного взрыва пронёсся по Ленинградской области, уложив наповал и переломав лес на сотнях километров. Вот бы эти сломанные вековые сосны аккуратно бы спилить и отдать пенсионерам для строительства домов на шести сотках! Но сейчас лес в какой-то аренде у каких-то людей, и сосны и ели эти, загубленные ураганом, пропадут и сгниют, как пить дать. Всё сетовали на социалистический маразм, а вот теперь капиталистический, ещё более маразматический, налицо.

По дороге знакомый журналист рассказывал о владельце и создателе Верхних Мандрог. Этот человек - талантливый предприниматель 90-х Сергей Эдидович Гутцайт, 1951 года рождения, одессит. Закончил институт инженеров морского

флота. Шил пеленки, разводил свиней. Открыл свой ресторан в Павловске, знаменитое «Подворье», где гостей изумляла вкусная качественная русская еда. В 1995 Гутцайт на пустом месте, на месте сожжённой фашистами деревни, построил туристский центр Верхние Мандроги для остановок круизных кораблей, идущих из Ладоги по Волго-Балту на Волгу.

Построил пристань, шатры для одновременного питания сотен туристов, открыл музей русской водки, завел разные развлечения- конюшню, псарню. Построил отели в русском стиле. Свозит из окрестных гибнущих деревень могучие старинные избы и постройки. Заселяет туда творящих на глазах у туристов художников. Жизнь кипит...

Наконец, автобус вынырнул из лесов на простор. И мы все улыбнулись и сказали: «Ах». Ах, как всё по-русски, но с юмором, разнузданной фантазией, с размахом. Русская сказка, декорации фильма. А скорее всего разудалый, гениальный русский кич. Постмодернизм. Осмысление русскости после Билибина, советских фильмов, ансамбля Моисеева, детских иллюстраторов, разлили малина шоу в ресторане «Тройка». Деревня, похожая на поселение берендеев в фильме «Снегурочка», с домами, покрытыми раскрашенными узорами и фигурками вепсовской мифологии, какие-то шуки и зайчики, русские народные львы и лешие фантазмы, наше вам с кисточкой народным химерам европейских соборов. В многоэтажных теремах- отель с уютными комнатами, в номерах пахнет сосновой смолой, деревянные узорча-

тые кровати, бельё в кружевах, занавесочки с клюковками. Столик на ножках, украшенных розами коваными. А что нас ждало в трапезной! Каша пшенная в томлёном топлёном молоке в горшочках, по цвету и вкусу почти как крем. Свинина с брусникой, блинчики с морошкой, суп из белых грибов, чай с травами местными лесными.

Играть в русскую народность- так уж целиком и полностью. Прислуживали сочные девы в сарафанах с грудями и косами, а также парни в цвету. Среди членов конференции оказался руководитель казачьего хора с гармошкой. Все приняли по чарке, и казак заиграл и запел. Сами не знаем, как, но все вдруг запели на несколько голосов какие-то в крови сидящие песни, включая пресловутого баргузина. Перешли к «Миленький ты мой». Женщины пели – «возьми меня с собой», а хор мужчин отвечал, почему не возьмёт. Это переросло в длинную гендерную игру, и длилось полчаса, давая старой песни новые женские и мужские отмазы. Победили вроде как женщины, в честь чего они пустились в пляс. По деревянным сказочным полам стучали каблучками редактора сердитых журналов, а удалым мужикам из музейных управлений и структур культуры оставалось пуститься в присядку вокруг.

Стоял ноябрь, но тут на Свири уже наступила зима. Мы пошли гулять по селу. На берегу реки, несмотря на снег и морозы, возводили старинную избу, перенесённую сюда из дальнего мёртвого села. Мы походили по действующим из-

бам, в одной ненецкий мастер вырезал из мамонтовой кости иконы, в другой избе девушка ткала коврик на станке, в третьей светёлке шла торговля деревянными ложками, птичками, кошками и т.п.

Было странно, что вот в полусотне км друг от друга так по-разному существуют географические точки. В одном месте благодаря успешному менеджменту – преуспеяние экономическое, а рядом такая депрессия... Одно место пышет весёлой удалью и развитием игр русского духа, а в другом месте- полный склероз и тромбоз.

Я бродила по преобразованным в жизнь некогда мертвым берегам реки. «А ведь здесь сбылась моя мечта», – думала я. Я вот всё думала, что от Путинских лет России не останется ничего путного, полное отсутствие творчества во всех сферах. Одни римейки на советскую великую культуру. Одна серость, слащавость и пошлость, соответствующая вкусам новых хозяев жизни – жадных лавочников и торгашей.

Но Мандроги мне понравились. Эти терема из брёвен, украшенные то ли художником, то ли архитектором Степановым со вкусом, весельем, дурачинкой. Получилось чуть аляповато и зазывалисто, но с выдумкой и размахом. Правда сам Степанов почему-то умер в возрасте 42 лет после строительства своего шедевра, о чем свидетельствовала памятная доска на избе. А в интернете почему-то автором проекта назван Иван Князев. В любом случае это авторское переосмысление русской темы в бурные 90-е.

Получилось, что Мандроги – это сеть гостиниц для туристов с европейским комфортом и с сильным национальным колоритом. Даже занавески на окнах – как в деревне у моей бабушки были... Цены – европейские. Туристов в год проходит – сотня тысяч. Работает в Мандрогах 200 человек, в основном местные жители, их привозят сюда на автобусах. Очень вкусная кухня, интересные сувениры, сделанные с веселием и прилежанием. Пример успешного бизнеса в России. Работники- владельцы акций, зарплаты выше, чем в округе. Своя школа, детсад, конюшня, кролики, птицы, огороды. Работников из дальних деревень развозят на автобусе. Кстати, тут не раз отдыхала наша политическая верхушка во главе с самим ВВП.

И вот место отдыха нашей элиты хотели изгадить!!! Но не удалось...

Старая Ладога (июль 2010)

Пупстроеном в Старую Ладогу

Мне позвонил знакомый журналист из одной очень жёлтой газеты.

–А ты знаешь, что в Старой Ладоге отрыли бордель 10 века? Оказывается, там был торговый путь, и уже тогда русские девушки и их сутенёры поняли, что из этого можно извлечь доходы! Поехали, обо всём расспросим Анатолия Кирпичникова. Он там главный археолог, и мы всё узнаем из первых

рук...

Чтобы попасть в Старую Ладугу, надо сначала доехать до Волховстроя на электричке, а потом на 23 автобусе, который идёт от вокзала. Мы собрались на московском вокзале в 8 утра, и выяснилось, что электричка пойдёт только до Пупышева, а до Волховстроя будет электричка через 5 часов ближайшая. «Поехали до Пупышева!», – сказала я, – это всего 12 км не доезжая до Волховстроя, доберёмся там автостопом».

Пупышево оказалось удивительной дырой. Это был какой-то пыльный пустырь с расфигаченной вдрызг избышкой-магазином, с навесом от дождя на гигантских объединённых ногах, забросанным мусором. К тому же в крыше навеса были дыры, похоже, крышу тоже пробила ломом та же горилла, которая разгромила магазин. Центром жизни оказалась колонка, у неё была очередь. Откуда-то из пыльных зарослей выходили или выезжали на велосипедах коричневые люди с огромными пластиковыми бутылками, набирали живительную влагу и исчезали. Один дедок приехал к колонке на газонокосилке. Я спросила в окошечке кассы, где тут шоссе, есть ли тут река или пруд, чтобы искупаться. Нам сказали, что здесь ничего нет, а до шоссе 5 километров. Народ, вышедший из электрички, сел в легковушки своих родственников, и разъехался. Подошла маршрутка. Водила сказала, что довезёт до Волховстроя всех желающих, цена проехать 12 км – 200 рублей. Народ с радостью забился в маршрутку и уехал, не желая сидеть в этом Богом забытом уголке.

Мы стали изучать расклеенные бумажки объявлений на столбах. «Продам зимний дом, оббитый снаружи и внутри», – гласила надпись. Я стала думать, кому нужен тут такой дом и зачем, если магазин разбит, а за водой люди приезжают на газонокосилках. «Это чтобы биться головой», – пояснил журналист из жёлтой прессы. Потом мы увидели, что тут продают тюк с паклей, наверное, чтобы оббивать дома изнутри и снаружи, чтобы биться головой об стены. Наше призывное ржание над пупышевской жизнью привлекло одну из женщин, и она сказала, что сейчас за ней приедет шикарная тачка, и она нас может взять с собой и довести до Старой Ладого. Так оно и вышло, и мы поехали через пупышевское садоводство. Потрясала своими гигантскими размерами помойка, она тянулась вдоль дороги чуть ли не на километр. Сколько всего наели и наломали эти пупышевцы однако! Потом появились домики садоводств, отдыхающие девы и подростки, уныло, как белки в колесе, крутящие педали на своих велосипедах, гоняясь вдоль пыльной зловонной дороги. Потом показался центр жизни этого поселения – торговые центры с названиями Пупторг и Пупстрой. Потом наконец мы с бездорожья выехали на шоссе. Проехали через приятное место с останками цивилизации и культуры под названием Трусово. Умели же селиться русские помещики – строили дома на красивой возвышенности у реки, создавали красивые пейзажи, организуя поля и поселения.

Старая Ладога порадовала чистотой и ухоженностью. Га-

зоны вдоль шоссе, которое пересекает посёлок, в идеальном состоянии. Правда, сделав шаги в сторону, натыкаешься на русское свинство. Лопухи вдоль реки Волхов используются, видимо, страдающими диареей, и забросаны фантиками и бутылками, так что маленькие пляжи со спусками к воде очень неопрятны. Но местные жители мне понравились. Было много молодых семей с колясками и детишками. Девы Старой Ладогой — очень крупные, крепковзбитые, парнижилистые, с ярко выраженной натуральностью. Они входили в реку Волхов своими белыми телами, купались с охами и тонкими вскриками, баловали детишек бултыханием в воде. Неприятно поражали своей вычурностью дачники. Это были повёрнутые на голову дамочки, которые мрачно купали в воде своих породистых собак, а сами не купались, покуривали на берегу, сбрасывая хабарики в нежные травы. Попались и местные синяки — это была тощая спившаяся очкастая баба и пара бородатых люмпен-алкоголиков, они сели на камушек, пили какую-то бурду, чтобы отлететь головой в иные миры. Может быть, это были представители ленинградской поэтической интеллигенции, так как в Старой Ладоге, говорят, отдыхает летом старый поэт Глеб Горбовский и его друзья.

Возле святого источника сделана каменная купальня, в которую непрерывно льётся голубоватая минеральная подземная вода. К храму подъезжали шикарные чёрные иномарки, из них вылезали хорошо откормленные бритые мужики цветущего возраста. Они были в шортах, с голыми пупами,

на загорелых их выях висели толстенные цепи из белых металлов, а также крупные массивные кресты, которые можно использовать в качестве холодного оружия, если что. Я подумала, что у нового среднего класса, наверное, такая новая мода. Они подходили к святой купальне, размашисто крестились, и с громким уханьем погружались в ледяную воду. Аж вода выплёскивалась. На них было отрадно смотреть. Мы тоже окунулись, и ощущение по мощи и приятности трудно передать, вода действительно исцеляющая дух и тело...

Поразила старая крепость с хорошо восстановленными отдельными стенами и башней, по остальным ползали рабочие, складывая древние камни. В одной из возрождённых башен с толстенными стенами, с крышей, похожей на гигантскую плетёную корзину, только плетеную как бы из цельных брёвен, проходила лекция для работающей здесь молодёжи. Внутри башни было как в раю прохладно, приятно, экологично, порхали в тонких лучах солнца бабочки и летучие мышки. Свободно на полу и на деревянных скамьях поместилось человек 70. Рассказывали о древнейших черепках на планете и о местных осколках старолadoжской керамики.

На раскопках работало человек 70 молодёжи из Питера, Москвы, Нижнего Новгорода и местной округи. Они рыли слой 960 года. Меня поразила в абсолютной сохранности тысячелетняя береста, а также яркие синие, цвета кобальта, прожилки в чёрной древней земле. Археологи сказали, что во всех тысячелетних слоях находят такие синие слои. Мо-

жет это органика так выглядит? На наших глазах одухотворённая девушка откопала бусинку какой-нибудь девушки, которая жила 1000 лет назад... потрясающие ощущения...

Пообщались с главным археологом Старой Ладogi Анатолием Кирпичниковым. Ему много лет, но он молод и бодр душой и телом. Он предложил нам выпить джин-тоника, современный напиток в древнем месте хорошо пошёл.

—Здесь работает старо-ладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН, работает с 72 года, я во главе её, сам я профессор, доктор наук. Каждый из наших студентов и школьников имеет свой участок, работают не лопатой, а ножом, снимая тонкие слои почвы. Глубина раскопа 3,5-4 метра. Копаем сейчас слой 860-850 годов,— рассказал Анатолий Кирпичников.

—Меня поразили слои бересты. Ей тоже 1000 лет?

—Береста подкладывались на крышах под слой земли. Земля- для утепления, береста- чтоб не протекало. Сейчас мы продолжаем раскоп 2005 года. Тут шли слоями остатки домов. Мы тут нашли уникальную купеческую казарму 10 на 15 метров, где купцы, которые ездили по рекам, зимовали, строили и ремонтировали корабли. Здесь был крупнейший меховой рынок. Мы продолжаем исследование дома-пятистенки 8 на 8 на 8 метров. Этих построек пятистенки найдено несколько в древней Ладoge, а вообще этот тип дома жив до сих пор. Пришёл Рюрик- и мы думали, что вот всё скандинавское тут будем находить. Ничего подобного, исключи-

тельно славянский набор вещей: подвески, нашивки славянской формы. Замечательную коллекцию печатей нашли, около 80 штук- это печати посадников, князей, бояр.

–Да тут Рюрик вместе с государственностью контору основал!

–Да, что-то, связанное с делопроизводительной конторой, которая делала эти печати. Рисунок с соколом на одной из них стал гербом Старой Ладogi. Как всегда, множество бус находим. В доме, раскопки которого вы видели, жила, очевидно, семья торговца и купца, он сам делал украшения из кости, гребни, отливал бронзовые украшения, браслеты, застёжки. Продукция была конкурентоспособная, и он её и производил, и торговал ею.

–Да это было настоящее малое семейное предприятие! А какой Старая Ладога была, когда вы сюда в 70-х годах приехали?

–Начались тут раскопки в 1908 году Репниковым, потом продолжались в 50-е годы. В 70-е годы тут что-то делалось, крепость восстанавливалась, это была бесконечная затратная работа. Крепость тогда была почти полностью руинирована. Никто не знал толком, какую историческую ценность содержит Старая Ладога. В результате наших раскопок она предстала совсем в новом виде. Идейно- да, внешне- только с приездом Владимира Путина в 2003 и 2004 годах. В 2003 году его удалось зазвать с тем, что было 1250 лет Старой Ладoge, был соответственный указ президента на эту тему, а в

2004 году его удалось зазвать быть гостем нашей археологической экспедиции. Президент нашей великой страны приехал на раскопки. Он попросил, чтобы ему дали лопату, но мы ему подарили ножичек и кисточку. А если приезжает президент- тут и асфальт появился, и тротуары, и штакетник покрасили, и навес появился у нас. Туалеты «М» и «Ж» сделали, правда оттуда пробивалась трава, это была инновация такая. Путин провёл заседание в Доме культуры. Это было советское здание, приходившее в негодность, его отремонтировали. Впервые за 10 веков проложили тут асфальтовую дорогу, появились рукомойники, мыло, полотенце, а потом после отъезда ВВП всё в миг исчезло. Меня учили, если Путин спросит: «Отчего тут всё новое?», вы должны сказать: «Мы давно об этом мечтали, а ваш приезд это всё ускорил». Правда, Путин об этом не спросил, хотя у нас с ним было чаепитие в одной из башен.

Здесь, когда я приехал, был музейчик. В 1984 он стал благодаря нам археологическим и архитектурно-художественным заповедником федерального значения. Сейчас тут в Старой Ладогe 4 кафе и 2 гостиницы. Тогда здесь ничего не было. А центром культуры был пивной ларёк напротив крепости, назывался «Чипок», там стояла очередь из местных джентельменов, которые знали, что здесь продаётся разбавленное пиво. Да и я стоял среди них.

Но у Старой Ладоги мощный моральный фактор. Её узнали в Копенгагене, Стокгольме, в других городах мира. По

линии администрации Петербурга проходила здесь очень хорошая программа- соотечественники сюда приезжали из Эстонии, Латвии, Литвы, Исландии, Финляндии, США, Германии. Сейчас я уговаривал Матвиенко продлить эту программу. Она здесь была в 2003 вместе с Путиным. 20 миллионов соотечественников за годы перестройки уехали из России. И те, кто здесь был по программе, они были счастливы, что их родина не забывает, что приглашает их в такую увлекательную экспедицию. Здесь почва содержит культуры всех народов: финнов, скандинавов, славян, волжских болгар, хазар, фризов. Здесь замечательное место стыков культур. Находки мы отдаём в фонды музея, и ныне их уже выставить негде. За свою деятельность только я 30 тысяч находок сдал в музей.

Ко мне однажды подошёл предприниматель и говорит: «Деньги тебе на раскопки нужны? Я готов тебе их дать, миллион могу дать. Только баба моя хочет бусики 10 века. Дай мне их!». Я ему говорю: «Окей, я тебе дам, а потом буду в тюрьме сидеть. Я госсобственностью не торгую!». «Ну, тогда мы не договоримся», – сказал он и миллион не дал.

– А как вы относитесь к расцвету религии в Старой Ладозе? Она стала местом поездок паломников.

– Первая церковь была тут открыта в 1992 году после перестройки. Потом были открыты Успенский Богородичный девичий монастырь и Никольский мужской. Они сейчас обустраиваются, реставрируют помещения. Это благо, потому что они принадлежали музею-заповеднику, который не

имел никаких денег на их содержания. Там была какая-то машинно-тракторная станция, всё разрушалось. Для духовности Ладоги монастыри- это благо. Правда проблема то, что молодёжь здесь не остаётся. Нет перспектив, нет работы. В музеях женщины 8 тысяч рублей получают. Отток населения происходит.

—Это странно, места здесь посещаемые, на одних футболках и сувенирах можно было бы местный малый бизнес поднять... Кстати, ни футболок, ни сувениров здесь нет почему-то, а автобусы с туристами и паломниками приезжают один за другим...

—Сейчас Ладога на слуху, она получила международный резонанс, она стояла на торговых путях с запада на восток, здесь прошли первые века русской истории. В 862 сюда пришёл Рюрик, и его правительство стало создавать новую государственную машину. С этого года начинается отсчёт создания нашего отечества. А юбилей будет в 2012 году, и выборы президента будут. Про эту важную дату могут и забыть. А я делаю всё, чтоб не забыли, и вот почему. Рюрик разослал своих мужей в Полоцк, Изборск, Ростов, в округ Белоозера, в Муром. Это ядро северной Руси. А Олег, его приемник, продвинулся в Киев и объявил его матерью городов русских ровно через 20 лет. 862 год и 882 год- это очень короткий срок. Рождалась мощнейшая держава в восточной Европе, сродни империи Карла Великого. А зарождение началось тут. Если мы прямые наследники той Руси, то значит и Киевской то-

же, то есть мы будем праздновать юбилей Руси, Украины и Белоруссии. Три государства хотели бы отпраздновать этот юбилей. Но они об этом ещё не знают. А зря. Это была бы политическая акция, 1150-летие русской государственности, она бы способствовала бы общению и укреплению связей...

–Увы, сейчас национальным праздником стал день распада державы. А в какой день можно было бы отпраздновать юбилей русской государственности?

–Точной даты нет...

Потом мы опять прошли к раскопкам по легендарной путинской асфальтовой тропе, которая потрескалась и тщетно борется с натиском полыни и пижмы. А журналист из жёлтой газеты решил, что приедет сюда работать археологом даже за пайку обеда, так как уж очень тут красивые девушки-студентки изгибаются над древними бусиками со своими раскопочными ножами...

В автобусе по дороге в Волховстрой со мной разговорился импозантный блондин лет 60 в белых шортах. Он сказал, что зря я на него смотрю снисходительно, что вот он очень крутой чел, так как был директором завода, и под его руководством находилось 4000 человек. Но теперь производства местные уничтожены, но его дети и внуки зато работают и учатся в Австрии. Во время блокады Волховская ГРЭС была единственной, которая давала электричество Питеру, поэтому такие бои шли тут колоссальные. Я сказала этому человеку что-то про Рюрика и зарождение русской государствен-

ности, и он почему-то обиделся на мои слова. «Ишь, и Рюрика вы знаете!»,— сказал он и исчез.

Сам Волховстрой произвёл приятное впечатление, народ по нему ходил чисто одетый, откормленный. Мой друг Сергей из СПИД-инфо профессионально заметил двух проституток на трассе, что говорит о том, что народ здесь не беден и может себе ими позволить пользоваться. В шикарном состоянии вокзал- правда я не люблю душные стеклопакеты и евроремонт, но бабло в стены явно вложено, сталинский ампи́р сияет радостно проезжающим мимо во все стороны России поездам.

Комарово. (август,2010)

Что охраняют охранники?

В Комарово одно из красивейших мест – где дорога резко спускается вниз, к заливу, и с двух сторон от дороги находятся прелестнейшие дачи в стиле северного модерна.

Дача дирекции императорских театров, где не раз проводила лето Матильда Кшесинская, опечалила сверх меры. Окна перебиты. Причём ещё прошлой зимой они были целы. Дачу вот-вот сожгут, как сожгли остатки дачи крупнейшего русского промышленника Рено напротив (того самого, в честь которого названы любимые мужчинами автомобили).

От дачи Рено оставалось два служебных домика и удивительной красоты кованая решётка. Один из служебных до-

миков сгорел дотла недавно, второй разгромлен. Решётку, которая в любой стране являлась бы достоянием нации, у которой фотографировалась великая балерина Анна Павлова, полгода назад была вырезана и вывезена некими нерусскими варварами. Очевидно, сдана в утиль. Осталась калитка. И всё это буквально в 50 метрах от суперохраняемой дачи нашего губернатора, которая окружена мощным забором и многочисленными камерами слежения. Как такое могло произойти? Что делали охранники Валентины Ивановны, когда под прицелом их камеры пришлецы отковыривали чугунные литые ворота? Меня это потрясло до глубины души.

Неподалёку находятся останки дачи архитектора Барановского, создателя Елисеевского магазина на Невском. Дача была снесена при советской власти, на её месте построена жуткая кирпичная коробка. От дачи остались изящная беседка, смотровой пункт, откуда открывался красивейший вид на Финский залив, а также чаша бассейна в виде палитры. Только можно представить, какая красота тут была до революции, когда леса до залива были вырублены, и с возвышения бровки древнего Литоринова моря открывался фантастически прекрасный пейзаж с огромным голубым, блистающим на солнце Финским заливом! Сейчас всё поросло диким лесом, и никакого вида не открывалось, только перед носом торчали сучья осин да макушки елей.

Когда мы шли по футбольному полю, расположенному на землях человека, так восхитительно украсившего Невский

проспект Елисеевским магазином, я вдруг увидела три кучки шерсти в траве. Когда я подошла ближе, то увидела свежесодранные шкуры с крупных собак. Скелетов и мяса не было, я почему-то погрешила мыслями на гастарбайтеров, вагончики которых стоят на поле. Им, наверное, так мало платят за их труд по зачистке территорий от останков культуры нации, что им приходится, судя по всему, питаться собачатиной.

У станции Комарово находятся также обгорелые руины дачи ювелира Фаберже. Дача, в которую наши олигархи могли бы устроить паломничество, как большие любители яиц Фаберже, сгорела несколько лет тому назад.

После посещения Комаровского кладбища, где покоится весь цвет питерской художественной и интеллектуальной элиты, и уже почти 50 лет лежит прах Анны Ахматовой, мы отправились к её домику. Он находится на территории дач Союза писателей. В невзрачном домишке, где на диванчике у печки проводила последние дни наша отечественная мегазвезда поэзии, где она общалась с нобелевским лауреатом Иосифом Бродским, где бывали и другие яркие представители русской культуры –увы, пока нет музея. Домик жив и в нём живут нынешние писатели, и то радость, что не сгорел, что печь топят, стены отогревают от сырости и плесени... «Живите в доме и не рухнет дом». Увы, у территории вид настороженный, ещё более настороженный вид у нуворишей, которые вокруг всё более и более вытесняют обед-

невших аборигенов, строят коттеджи за высотными заборами на московский лад. А это дурной знак. Людям, которым так легко дались большие деньги, которым так хочется прятаться за непроницаемыми заборами, обычно как-то плохо даётся уважение к культуре своей родины. Эти люди слишком сильно вложились в настоящее, в «миг между прошлым и будущим», за который надо крепко вцепляться, не забываясь об истории, корнях и памяти потомков.

Бывают исключения. В Комарово родственниками была продана дача великого советского артиста Черкасова. Новый владелец бережно отнёсся к культурному наследию, он сохранил дом Черкасова, вывесил на заборе памятную табличку, сделанную за свой счёт, реставрировал напольное панно с портретом актёра.

Несколько деревянных дач в стиле северного модерна в Комарово стоят с битыми окнами, бесхозные, ожидающие умышленного поджога, чтобы освободить земли для нуворишей.

На шоссе мы проезжали мимо завалившейся дачи Марины Басмановой, которую любил Бродский. Ведь тоже могла бы стать музеем...

Попечаловавшись о навсегда утраченной красе и туристических и культурных ценностях, которые могут погибнуть, мы отправились подкрепиться к кафе у железнодорожной станции. У рельсов, почти в насыпи, бородатый мужичок что-то закапывал в яме размером с могилу.

Кафе оказалось ужасным, лица нерусской национальности торговали прокисшими салатами, уксусно-этиловым винцом и пловом. В плове мясо было странного вкуса. Тут в кафе вошёл тот мужик с лопатой, а черноглазая жёсткая баба-барменша, она же видно и повариха, спросила у него: «Ты закопал то, что я сказала?». Мужик с опаской посмотрел на нас и сказал: «Да!». Мы вздрогнули и внимательно посмотрели на мясо в плове. Туалета в кафе не было, пришлось идти по нужде в соседние густые кусты. Там я нашла новые итальянские мужские ботинки очень хорошего качества. Наверное, мы съели владельца ботинок в плове...

Где культура там и грех, где писатели, там и сюжеты, где поэты, там и фантастические истории.

Алёховщина (октябрь 2010)

Промыслы и ремёсла

Как и 100 лет назад, Россия ищет себя, своё место в мире. Мир глобализируется, но навстречу всеобщей унификации поднимается волна национального самосознания, поиска странами и нациями своих корней, своей индивидуальной неповторимости.

В плоском мире, где нет ни верха, ни низа, где всё состоит из однородных частиц, некуда двигаться. Города создают искусственную среду обитания, максимально лишают человека связи с природой, через супермаркеты и сети всех видов являются проводниками глобального скучного месива. Но

есть такие вещи как климат, ландшафт, воздух, история, люди, культура, неповторимая аура данного места. Именно её использовали строители прошлых веков, создавая неповторимые лица городов и стран. Именно для того, чтобы прикоснуться к этим кричащим божествам местности, люди путешествуют. Именно эти вопли земли создавали неповторимые узоры и знаки, отражались в эстетическом и ментальном полях народов, населяющих данную местность. Именно их сохранность, передача от предков к потомкам, делает мир разнообразным, нежным, интересным, тонко и изящно сделанным.

Всё началось с того, что директор Центра гуманитарных программ Виталий Васильев и директор Ассоциации «Народные художественные промыслы и ремесла Санкт-Петербурга и Ленинградской области» Вадим Парфеньевич Савченко позвали с собой на экскурсию по Петербургу, с целью ознакомления с состоянием дел в сфере ремёсел и промыслов.

–Вот, смотрите, это не русские матрёшки! У них и глаза то китайские!,– сетовал Вадим Парфеньевич.

–А это что за куколки? Что за наряды у них? Это не русские наряды, это клюква какая-то,– возмущалась Антонина Никонова, философ с кафедры музейного дела СПбГУ.

–Ну, вот эти стаканчики с видами Петербурга, эти шка-тулки – это всё сделано непонятно где. Да и куклы- не все наши. А это вот питерское, у нас произведено нашими ху-

дожниками,— уточняли продавцы сувенирных рядов.

Тревогу специалистов можно понять. Сейчас, когда путешественник приезжает в Австрию, Италию или Россию— всюду его встречают сувенирчики, словно сделанные на большой китайской фабрике по разработкам одних и тех же глобалистских дизайнеров. Только меняется на стопочках или ложках картинка города и его название, а так это трудно назвать сувенирами... Всё-таки в сувенире должна быть душа данной местности, воплощённая руками местных умельцев.

Осенью прошёл 4 смотр художественных ремёсел— «Мир увлечённых», в торгово-выставочном центре со знаковым названием «Евразия». Увлечённых было много, а вот тех, кто пытается работать в традиционных техниках народных ремёсел, было маловато. Дикий восторг у меня лично вызвал портфель-дипломат из лыка, вот бы такие носили бы партийные боссы, ратующие за патриотизм! Ну и прекрасны были плетёные из ивы колясочки и колыбельки.

А ведь 100 лет назад в России, как и во многих странах, прошла волна национал-романтизма. С начала 19 века Россия искала свою русскую музыку, русскую словесность. Даль создал словарь, Афанасьев записывал сказки. В начале 20 века поиски шли в изобразительном искусстве, архитектуре, декоре, продолжались в области музыки, танца, словесности. В языке огромную работу проделал Велимир Хлебников, создавший тысячи слов на основе древних славянских корней, которые могли бы заменить заимствования из дру-

гих языков. Был создан оркестр русских народных инструментов Андреева, был открыт сказитель русских былин Рябинин. В 1904 году Поленов создал Дом Народного Творчества, в 1913 прошла Первая ярмарка народных промыслов. Кстати, тогда царское правительство нашло деньги, чтобы оплатить дорогу кустарям на эту выставку. Васнецов, Билибин, Врубель, Суриков обращались к изучению русского национального стиля, сохранившегося в орнаментах вышивок, народных костюмов, узорах и формах изделий деревенских ремесленников. Во всём этом художники увидели огромное национальное богатство России, её русскость, то, что делало русских отличными от других народов. И как это способствовало невиданному всплеску развития нашего искусства, поискам новаторов и авангардистов!

В начале 20-х годов развитие кустарных народных промыслов продолжалось, в 30-е с ними было покончено. Возрождение их началось в 1968 году, когда было издано соответствующее постановление партии и созданы соответствующие организации. До перестройки в Ленинградской области было 28 крупных предприятий народных художественных промыслов. Сейчас производств, имеющих право на подобный статус, не осталось ни одного

Виталий Васильев, все силы отдающий сохранению русского наследия, собрал специалистов и журналистов, чтобы провести конференцию в Мандрогах, чтобы разобраться, что же такое настоящие изделия народных промыслов, в ка-

ком состоянии они находятся, как их возродить...

Подъезжаем к явно населённому пункту после опустошённой от живых деревень на много километров местности. После руинированных избушек, стремящихся слиться с землёй, дорожных мотелей с кафе от предприимчивых кавказцев, несколько панельных домов, село...

Село Алёховщина. Некогда было центром района. Кормилицей была река Оять, длиной 200 км и шириной до 60 метров, она была судоходной, по ней отсюда возили на лодках в Петербург оятскую керамику, торговали ею прямо с спусков на каменных набережных Невы и Фонтанки. Зимой население занималось изготовлением чудесных кувшинчиков, блюд, горшочков, свистулк. Так как на берегах Ояти залежи редкой глины, которая идеально подходит именно для изготовления керамики- после обжига не трескается, не ломается. В 1928 году в Оятском районе насчитывалось 194 крестьянских «горшечных», в которых проходило изготовление керамики. Последний раз оятскую керамику крестьяне завозили в Петербург в 1929 году...

В 1968 году в Алёховщине был построен завод, производивший народные изделия из глины. На заводе работали профессионалы-художники, изучавшие народное искусство, передававшие секреты мастерства, каноны эстетики ученикам. В Алёховщине были больница, школа, дом культуры, у людей была работа. В 2004 году завод сгорел, директор его Виктор Ловьянов был убит. На месте руин некие люди сде-

лали цех, который стал производить керамику из местной глины, эти люди своим изделиям дали похищенный у загубленного завода бренд «Оятская керамика». Но эти грубые изделия ни по цвету, ни по форме, ни по эстетике не имеют ничего общего с настоящей оятской керамикой. Собственно, захватчики делают из драгоценной глины дешевые унитазаы.

Жители села успели из-под обгорелых обломков собрать уцелевшие образцы подлинной оятской керамики. Сейчас она выставлена в местном Музее жителей Приоятья. Музей поразил меня своим богатством и своей нищетой. Это старая серая изба, прогреваемая жаркими русскими печами. Собрана старинная деревенская мебель, на полках расставлено множество предметов деревенского быта – пилы, ухваты, гвозди, утюги, самовары. На столике представлен небольшой набор краеведческой литературы и словарь языка вепсов. Потолки обшиты крашеной фанерой, которую повело от перепада температур. Во второй комнате на полках стоит очаровательная керамика, её признаки: округлые формы, чем-то напоминающие ладные головки созревшего льна, узоры мелкие и нежные. Этнографы видят в них древнюю символику- полосы – это дорога, запятые- это созревшее поле, и т.д. Древние народы никогда кое-как не украшали свою одежду и свою утварь. Каждому возрасту, каждому положению в обществе соответствовал свой наряд, свои украшения и узоры. За ношение неподобающей одежды могли из деревенской общины изгнать, а то и убить. Всё это помогало под-

держанию общественной гармонии, знание нормы сохраняло род и родину.

В Приоятье некогда жили вепсы-язычники, и их мировоззрение, верования, обряды материализованы в узорах вышивок, в узорах керамики и резьбы. Здесь ещё недавно выращивали, как и в древности, лён. Из льна делали одежду, масло, верёвки. Тотемом Оятского края был медведь. Раз в год на Алёховщине справляют праздник Эперкэ-ма – День вепской культуры.

Повсюду земли разорены, производства, кормившие людей этой земли и сохранявшие их проживание здесь, уничтожены. Деревни умерли, избы стоят пустые и разрушаются. Скоро и географических названий, сохраняющих древнейшую память о прошлом этих мест, может не остаться. А ведь самое древнее свидетельство жизни наших предков – это язык, названия рек и деревень. Вымирает и Алёховщина, лишённая своего главного градообразующего предприятия – керамического завода. И дети видят, как вымирает их малая родина. Работы современных школьников Алёховщины оставили неизгладимое впечатление. Меня поразили фигурки могучего богатырского прошлого, древних воинов, сценки семейного быта. Где они, эти ладные семьи, эти могучие воины-защитники с мечами? Они в мечтах детей. Одна из керамических поделок изображала юношу-подростка, который грудью навалился на меч, и тот насквозь проткнул его. Он предпочёл самоубийство рабству.

В посёлке Алёховщина осталось 2000 жителей, в нём пока ещё есть дети и есть школа, в школе проводят занятия с детьми, знакомящие их с их корнями, с жизнью их предков. В 5-ом классе детей приобщают к семейным традициям вепсов, в 6 классе ученики совершают путешествия по опустевшим деревням своего края, пополняя после походов музейными вещами людей, покинувших свои жилища. В 7 классе изучаются детские игры и забавы вепсов и славян... В школе стоит небольшая печь для обжига, и там педагоги, которые одновременно проводят экскурсии и в музей, учат школьников своими руками делать горшочки и тарелки, фигурки и композиции из местной глины. Кстати, глина в местной земле непонятно кому принадлежит, местные власти разрешают её копать только лопатой в небольших количествах...

Мы вышли из музея, пошли по бедной дороге среди домов, часть из которых была заброшена хозяевами. Навстречу шло двое розовощёких ясноглазых детей с портфелями. У кафе «Ивушка» крутились собаки-попрошайки. Стены «Ивушки» внутри были оббиты пластиковыми панелями тёмно-зелёного цвета с золотистыми узорами китайского оттенка. Над дверями можно было увидеть маленькую бумажную икону с изображением Николая Угодника. В углу стояли могучие барные полки, представлявшие гигантский выбор крепких спиртных напитков, около 30 наименований водки, включая «Путинку», «Слезу России», «Журавлей» – всё скорбные название, означающие «уход России»...

После Алёховщины мы добрались до Мандрог. Попытаюсь кратко подвести итоги конференции по русским ремёслам

Ну да, много китайских туристских мимикрий. Но есть и позитивные. Но, с другой стороны, в России развиваются клубы исторической реконструкции; студенты, люди разных профессий на досуге возрождают старинные технологии изготовления керамики,ковки, шитья, воссоздают старинные музыкальные инструменты и музыку, съезжаются в места исторических реконструкций, и там идёт бойкая торговля этими аутентично воссозданными изделиями. Есть ещё третья составляющая возрождения и сохранения русской материальной народной культуры- это музеи. К сожалению, музеям не хватает законодательных прав для разворачивания хозяйственной деятельности. В результате музеи не имеют в нужном количестве и ассортименте буклеты, книги, альбомы, сувениры, копии своих коллекций для продажи туристам, они не выполняют той функции популяризации национальной культуры в среде детей, молодёжи, взрослого населения, иностранцев, которую могли бы выполнять.

Сейчас наступило время для возрождения русских ремёсел и промыслов. Есть рынки сбыта продукции- через сувенирные лавки городов. Возрождение цехов и заводов по производству русской национальной керамики, литья, текстиля, вышивки, резьбы по дереву, основывающемуся на подлинных древних традициях, могли бы дать жизнь депрессив-

ным сельским поселениям, дать работу неквалифицированным и квалифицированным кадрам. Для этого нужны льготы на аренду, налогообложение, нужно разумное кредитование, может быть- возрождение традиции государственного распределения выпускников вузов. Для возрождения традиционных промыслов нужно восстановление зданий, покупка оборудования, деньги на обучение рабочих, оплату работы профессиональных юристов, менеджеров, специалистов-технологов. После этих не очень больших вливаний со стороны государства, владеющего богатейшими недрами, промыслы оживут и будут выживать и развиваться сами, нужен только разумная первоначальная помощь государства.

P.S. В С-Петербурге с 2015 года работает институт народных ремёсел. Проект вдохновлён Людмилой Путиной. Наверное, наши статьи были услышаны наверху!

Шлиссельбург (июль 2011)

Орешек с точки зрения Империи

Стоит аномальная жара. Хочется поближе к воде. А у нас же Ладога! Мы ныряем в метро, едем до Петрокрепости. У нас ледяное огромное озеро, и над его чашей словно ангелы парят охлаждающие и веселящие.

А вот и озеро. Слева- пляж, на сероватом песке загорают люди. Все камни обсижены рыбаками с удочками. На молу-очередь. Оттуда ходят катера до крепости Орешек. Крепость в серебристой дымке манит своим стройным обликом. Похо-

жа на остров Буян. Да и Ладога похожа на то странное пушкинское море, над которым Лебедь белая и Коршун чёрный находились в состоянии борьбы, по которому бочки плавали с царевнами внутри, из которого 33 богатыря выходили, как Ихтиандры некие, или жители Атлантиды с жабрами вместо лёгких.

На каменной площадке кипит жизнь. Местные мальчуганы купаются в глубоком озере, ныряя с каменного мола. По новой подростковой моде купаются прямо в шортах. Очередь в человек 20 ждёт катера, чтобы доплыть до Орешка. Озёрные извозчики- лихие местные жители. Я рада за них, за их малый бизнес. Капитан каждому подаёт руку, помогает вылезти из колеблющейся лодочки на пристань Орешка.

Вход на остров за деньги. Ну и ладно, жмотничать не будем, надо поддержать музей. Идём сначала в обход, по возвышенному островному берегу вне крепостных стен. Ладога прекрасна, вода её прозрачна, прозрачность эта накапливается и превращается в иссиня-голубую рябую гладь на горизонте. Ладога в лёгком волнении, прозрачные волны волнуются над коричневыми камнями дна, на этих же коричневых камнях на суше выросли травы, и покрылась алыми ягодками бузина. По Ладоге туда-сюда оживлённо идут корабли, сухогрузы, лайнеры, танкеры, катера снуют. На берегу выросли роскошные сказочные деревья. Стена крепости повыщерблена, но в хорошем состоянии. Мы выходим на мыс острова, на острую высокую точку, глядящую в просторы озе-

ра-моря. Там памятник погибшим на этом острове-тюрьме революционерам. Одни умерли, других казнили, третьи покончили с собой в знак протеста против бесчеловечных условий содержания. Здесь империя не шутила. Здесь она жёстко пресекала все попытки её развала и расшатывания.

Мы идём внутрь рассматривать этот крепкий Орешек, эту Шлиссельбургскую тюрьму. Как этот форпост русских хитроумцев, которые брали мзду с проплывавших мимо купцов, которые реально тут разве что золотые и изумрудные орешки не ковали, как он так превратился в острое жало империи, в наконечник её копья, которым она аспидов, которые её подъедали, карала и сдерживала в цепях?

Крепость-музей разворачивает свою информацию сжатыми и яркими артефактами.

Мы лезем на крепостную стену, на её сторожевую галерею с бойницами, ощущая себя древними воинами, блюдущими свою землю со своим народом.

В центре крепости стоит полуразрушенное здание тюрьмы. Ничего более мрачного и гнетущего видеть не доводилось. Кровь в жилах холодеет. От тюрьмы осталась примерно треть в виде стен и этажей с провалами. На окнах с решётками выросла трава, трава эта качается от ладожского ветерка на высоте 5 этажей страдальщ, стонов и смерти. Представляешь себе, как в этих этажах была сеть камер и коридоров, как в камерах сидели как зверьки узники, упираясь своими живыми глазами в одни и те же стены внешней крепости, неко-

гда защищавшей Русь от иноземцев и чужеродцев с их чужими обычаями. И вот они пытались в Россию чуждые идейки внедрить, и за это их... Как приносило им в камеры свежий ладожский дух чистоты, ощущение воли земной жизни, водных путей, ведущих по Неве в Финский залив – а оттуда куда хошь, весь Земной шар перед тобой... Но они сами выбрали свой путь, который их завёл вот сюда вот. А потом их потомков, чаще всего не их, так как им не до детей было, а потомков врагов их будут тоже вот так вот содержать как зверков, и уже содержать всех подряд, без разбора. И над всем будет сиять целостность новой Империи, уже с другими идеями... Самую важную деталь- религию- вынули, и весь колосс оказался нестойким, рухнул.

Разваленная тюрьма смотрит своими жуткими глазами на нас. А ведь те, кто тут сидел, они на сегодняшний день победили. Их ненависть к управляющему империей центру, да, жёсткому, да, консервативному, да, обладающему недостатками, но имеющему своей целью целостность народного тела, целостность территории, целостность родного государственного дома, целостность родного русского духа, их ненависть маргиналов добилась своего. Тело империи растерзано, оно пало, от него откусаны куски, в него влезли вирусы маргиналов, оно разлагается. Оно болеет. Но хочется верить в мёртвую и живую воду, которая исцелит вроде бы уже павшего и зарубленного Богатыря.

Далее в Орешке ждало новое острое впечатление. В самом

центре крепости – бывший храм, на его разбитом, с содранной кожей фронтоне видно сияние в виде лучей вокруг какого-то христианского символа, который отбит пулями. Храм, в котором молились защитники Империи, в котором часто безнадежно молились священники за заблудшие души террористов и революционеров, храм этот весь издырявлен попаданиями немецких снарядов. Он выглядит тоже как окровавленное тело павшего воина, так как вся белая штукатурка-кожа содрана в кровавых боях, осталась мясного цвета красная кирпичная кладка, сохраняющая ещё представления о том, какие формы у храма когда-то были.

Внутри и снаружи в Советскую эпоху после войны тут сделали памятники советским воинам. Они оригинальны, в них есть живое чувство, они поддерживаются в хорошем состоянии. «Мы, бойцы крепости Орешек, клянёмся защищать её до последнего. Никто из нас при любых обстоятельствах не покинет её. Увольняются с острова: на время- больные и раненые, навсегда-погибшие. Будем здесь стоять до конца», – высечена на плите запись защитников Орешка. У этих людей была сила духа и любовь к родине. А у тех, кто тут сидел в прежние века, тоже была сила духа и любовь, и любовь к справедливости. Которая потом обернулась другой стороной...

На поляне сохранены некоторые намогильные памятники, среди которых поражает плита Михаила Колотинского, коменданта крепости, правившего здесь суд империи в 18 веке.

Хорошая фамилия для такой должности...

Далее мы попали в сохранившиеся омузеенные казематы. Кто здесь только не сидел! Все шустрые тут сидели, включая и вялых и ни в чём не повинных бедолаг, типа Ивана Антоновича. Сидел тут Бирон, регент Ивана Шестого, сидела тут мать Ивана- Анна Леопольдовна. И сидел тут подростком и юношей сам Иван Антонович, сверженный Елизаветой Петровной, с 16 до 24 лет сидел он тут во мраке, как зверёк, рос он тут, и скошен был как колосок, был убит при попытке освобождения его поручиком Мировичем. (Читай подробнее у Данилевского, сумрачную, рвущую сердце повесть об этом). Эта страница Шлиссельбурга- очень больная, не страдания ли невинного юноши добавили нужную по весу каплю гнева против царского рода, скошенного под корень... Сидела тут Евдокия Лопухина, первая жена Петра, в 1725 году заключена, ей было 56 лет, и оставалось ей прожить ещё 6 лет, пережив чудовищное испытание- убийство мужем своим Петром сына их родного Алексея...

Всякие масоны тут сидели, Новиков тут сидел. Шейх Мансур тут сидел. Руководил он антиправительственным восстанием кавказских народов, в 1791 году взят в плен, приговорен Екатериной Второй к пожизненному заключению в крепости. Умер через 3 года горный хищный орёл, не вынес неволи... Было ему 36 лет. Декабристы тут сидели. Империя блюла свою цельность свято.

Следующая волна- борьба с террористами-революционе-

рами. Зинаида Коноплянникова, прожила 27 лет на земле, учителька, застрелила генерала Мина, была казнена здесь, на этой жестокой к врагам Империи земле. Фельдшерница Волкенштейн Людмила, убила харьковского губернатора Крапоткина, ускользнула в Европу, стала подругой революционера Димитра Благоева, в 1884 году, когда ей было 26 лет, вернулась в Россию дальше сеять вирусы атеизма, мультикультурности, толерантности, прав человека и демократических свобод и отсутствие права человека на свою родину(если перевести её деяния на современный язык. Но при этом была и святая тема внутри этого конгломерата- справедливость, освобождение человека от ползанья на брюхе перед властью бабла и собственности). Девица была поймана и приговорена к смерти, помещена в Шлиссельбургскую тюрьму, помилована (!!!), отправлена на каторгу, оттуда- на поселение на Сахалин, потом во Владивосток. Убита во время рабочих выступлений в 1906 году. Умерла от случайной пули, уже будучи революционной матёрой 48-летней волчицей. Была ли она счастлива, грызя стабильную империю, где можно было иметь пристанище, профессию, работу, под солнцем которой смогло расцвести так много талантов?

Вера Фигнер 1852-1942, фельдшерница, член «Народной воли», готовила покушение на Александра 2, в 1883 поймана, приговорена к смертной казни, помилована, 20 лет отсидела в нашей крепости. То есть с 32 лет до 52 лет она тут сидела, переживая старение своего тела и вспламеняя лютость

духа. В 1906 уехала за границу, ей было 54 года. И ещё прожила 40 лет... Михаил Юльевич Ашенбреннер, кадет, член «Народной воли», в 1884 приговорён к казни, 20 лет просидел в крепости. Рядом с Верочкой стареясь. Умер в 20-х, при большевиках, не дожив до Сталинского развития своей версии строения справедливого мира...

Неугомонный Ипполит Никитич Мышкин, 1848-1885, прожил 37 лет. Создал типографию, в 1875 был арестован за попытку освободить Чернышевского из Вилуйской тюрьмы. Посажен на каторгу, бежал, пойман, в 1883 переведён в Петропавловку, оттуда в Шлиссельбургскую. За организацию протеста заключённых казнён. Протестный ген вёл и вёл его за собой, вела его полная уверенность в своей правоте, что эту плохую империю надо переделывать путём революций. Судьба его меня опечалила, всё же он не замарал рук кровью, просто всё протестовал, протестовал, и, даже и в стенах тюрьмы он всех так достал протестами, что его казнили. Достоевский написал своего «Идиота» с князем Мышкиным в 1868 году. Мышкину-революционеру было 20 лет. В 1871 году Достоевский вынес свой приговор настоящему и будущему революционной идеи в «Бесах». Мышкину было 23 года. Достоевского он, наверное, не читал, и дело своё продолжал...

Всё же молох крови, принципа зуба за зуб, вёл Империю к гибели. Зло порождает зло. Лев Толстой был прав, сопротивление злу насилием – это была верная мысль. Она бы за-

тормозила энергию садо-мазо, вовлекавшую в свои игрища всё новых и новых молодых и нетерпеливых, жаждущих одухотворённости немудрой, человеческой, не божественной. Умереть за свободу и правду юным и прекрасным, выстоять в борьбе, не согнуться под страхом смерти... Привлекательные, соблазнительные позы. И был в них свет, и были в них демоны. Дожить до витка более глубокой мудрости им не удалось. Вспоминаются декабристы, дожившие до царской реформы 1861 года. Всего 36 лет надо было ещё прожить, протерпеть, и идеи освобождения крестьян сами собой вызрели, выстоялись, и самим царизмом были осуществлены без крови, героизмов, надрывов, юношеского нетерпения (хочу здесь и сейчас).

Ещё зачем-то царизм казнил и поэта Минакова, совсем уж повышая бонусы революционности. Тюремная песня Минакова: «Я вынести могу разлуку, грусть по родному очагу, я вынести могу и муку- жить в вечно праздной тишине. Но прозябать с живой душою, колодой гнить, упавшей в ил, имея ум, расти травкою,— нет, это выше моих сил!». Понятно, что тюрьма не сахар. Ну а на что можно надеяться тем, кто хотел завалить Империю?

Ну и конечно крутейший артефакт- яблоня у стены, где казнили Сашу Ульянова (1866-1887). Новая мифология утверждает, что Саша- внебрачный сынок Александра Третьего и фрейлены еврейки Бланк. Вот Александр-царь тут был неправ, со своей похотью земной вляпался. Саша меч-

тал завалить папеньку, его пришлось казнить. Братик единокровный Вовочка отомстил Империи на полную катушку... Правда ли это, или очередной скандальный миф... Но Сашу жалко. Он, идя на смерть, верил, что идёт на подвиг ради освобождения человечества от подлых условий жизни. А когда они были лучше, когда хуже? Всегда 50 на 50... Кроме некоторых, совсем адских времён...

Один из светлых артефактов- плита, вывешенная поляками и посвящённая ими своим собратям 19 века, боровшимся за «свободу и независимость». На плите выбиты золотом имена сердитых поляков, пытавшихся отрубиться от жирной России и зажить отдельно. Но тут какая-то у русских с поляками космическая любовь-ненависть, близость и отталкивание. На плите выбиты слова Валериана Лукасинского: «Перед престолом всевышнего я молить буду не о каре, не о мести, а об исправлении для виновных, об утешении и облегчении для страждущих и согласии, мире и благословении для обоих народов». Прекрасные христианские слова! Похоже, что плита поставлена после Перестройки.

Вообще весь Орешек- это как метафизическая драма борьбы самых разнообразных разрушительных сил с Империей. Империя желала порядка, разумного социального построения, где каждый член имел возможность жить, богатеть, развивать и реализовывать свои способности, достигать высших высот, совершая деяния, шедшие на благо Всеобщему благу Империи. Но вирусы иноземщины, соблазняя, раз-

вращая, обманывая, уводя на косые дорожки гордыни, маня мнимыми достижениями, мнимым превосходством, ибо что хорошо татарину, то нехорошо французу, вечно эти вирусы совершали могучие атаки на русского богатыря, имеющего свою целостность, ладность, свою гармоничную связь с космосом, свою сытность, своё качество. То шла атака товарами иноземных купцов, то соблазнами «свободы от деспотии», то, увы, маниловкой идеи о возможности перевоспитать в человеке его пороки и ненасытную жадность путём переустройства прав собственности, то верой в силу бабла и парламентаризма, то шла атака полаганием на мощь человеческого разума и науки, то атака на веру в Божью силу и благость... И крепость Орешек сохранила следы всех этих атак.

Мой сын сказал, глядя на необычайно одухотворённые лица замученных тут революционеров: «Какие у них неприятные, некрасивые, злые лица!». Я удивилась. Мне эти лица с детства казались очень красивыми. Как изменились времена! У молодого поколения, крещённого с детства в православной вере, совершенно иной взгляд на мир. Демонические гордецы, нетерпилы, не могут обмануть их своей одухотворённостью, не то, что нас, юных некогда ленинцев. Мы были воспитаны героями, готовыми здесь и сейчас отдать жизнь за лучшее устройство общества. Борцы нашего поколения становились диссидентами, а, взрослея, изумлялись, туда ли они шли...

Отмена смертной казни. Да, тюрьма, беседы, религия, ле-

чение временем и терпением, производительным полезным обществу трудом. Вот способы пересилить скороспелую гордыню юных, рвущихся взлететь и сгореть как Икар. Но что бы делал мир без них? В какую плесень и тину бы погрузился среди живущих лишь земными заботами поест пожирнее и поспать помягче...

Мы пошли за ворота крепости, обнаружили на стороне, ближе к городку Шлиссельбургу, свалку ржавого железа. Без дела стоял старый трактор с трогательным именем «Витёк», написанном спереди. В бухточке на лодках веселилась компания. На старинный железный флажок на башне крепости уселась свободная птица чайка. Из дырок крепостной стены выныривали весёлые ласточки, кормящие своих птенчиков. Всюду жизнь двигалась вперёд.

Мы сели в катер, и он отвёз нас в Шлиссельбург. Меня поразило большое количество нормальных, красивых, хорошо откормленных россиян, которые приехали сюда на Ладугу со своими детишками. Никто не пил, не курил. Мужчины и женщины в расцвете лет заботились о своих ребятках, голых младенцев папы таскали на плечах, дети постарше прыгали и резвились на камнях Ладуги.

Мне понравился крупный, бритый парень в алой футболке, на которой было написано по-русски «Россия».

Крым (сентябрь, 2011)

Богемный Крым

Коктебель

Так получилось, что я поселилась на халяву в Феодосии в домике на горе, которую издавна облюбовала питерская богема. Когда-то тут дачки в садоводстве стоили копейки, и кто успел, тот съел. А съесть тут есть чего в буквальном смысле слова. То виноград в рот лезет, то груша, то айва, то миндальный орех щёлкнет, выпадая из мохнатой кожурки, то грецкий орех по голове стукнет. И вот то домик из ракушечника питерского драматурга встречаешь, то хибарку московского художника, то дачку режиссёра, то сарайчик писателя.

В 7 вечера в Феодосии в бархатный сезон наступала полная южная ночь, и богема Феодосийской горы собиралась на террасе у питерской галеристки и журналистки Оксаны Куренбиной. За бутылочкой хорошего крымского портвейна, под звёздным небом, сквозящем сквозь плющ и лианы, при виде депрессивных четырёх кораблей в Феодосийской бухте, перевозящих металлолом и нефть в Турцию, языки у всех развязывались. Наиболее впечатлила Марина Георгиевна Ковальская, теософ, подруга учеников Блаватской и Рериха. Глядя в смолистое небо своими яркими голубыми глазами Пифии, она неземным голосом рассказывала о тетраэдрах, которые будут забирать людей, и о 60 днях дождей, катаклизмах и землетрясениях в новогоднюю ночь, о божественной эманации, которую люди с тёмными душами не

смогут выдерживать, и всё это прогнозировалось на ближайшие времена

В это же время, в бархатный сезон, в Коктебеле проходил Волошинский поэтический фестиваль. От Феодосии до Коктебеля ехать на автобусе полчаса, билет стоит 7 гривен.

Я помнила Коктебель конца 80-х, когда заживевшие украинцы плевали косточками персиков прямо в пляж. Теперь тут в сентябре люди всё встречались другого плана, всякие романтики в индийских штанах всех полов и возрастов, молодые семьи с пышненькими младенцами. От давнего Коктебеля ничего не осталось, в нём проделали длинный лаз вдоль моря, оставив очень узкую полоску для желающих искупаться и позагорать, а так всё вокруг этого лаза-Бродвея было оккупировано торгашами, аки тати одолевающими ваше желание отдохнуть скромно, дёшево, без излишних обжираний и возлияний. Не тут-то было, Жругр тут нападал на вас и клал на обе лопатки, иногда усаживал в позу лотоса или укладывал на бок в восточные рестораны, где положено не сидеть, а полулежать на подушках, скинув тапочки на пол. А не хотите ли негазований «Живчик», или немецку якисть по украиньской цене, или вас мучает швидко симптоми застуди? Может вас одолели свинячы опилки, то бишь сонячы оспилки? Может, свинячы оспилки – это перхоть?! Слава богу, в Автономной республике Крым вся важная информация написана на русском, а всякая туфтовая глобалистическая реклама на украинском. Можно сильно повеселиться.

Вот вам опир организму, но самоликувания может бути шкидливим для вашего здоровья. Если вы не хотите шкидливости, то можно принять «Хиросиму» из самбука, бейлиса, абсента и греналина, или коктейль «Кома» из калуа и лимонного фреша, плюс абсент. Не впадёте в кому от «Комы», примите коктебельского муската или портвейна, главное, не пейте разливное вино, это чудовищная бодяга из технического спирта с марганцовкой и кондитерскими ароматизаторами, изготовленная пришлыми кавказцами. Пейте местный заводской коньяк, ведь теперь «Коктебель – страна коньяков». Хотя «надмирне споживання алкоголю шкидливо для вашего здоровья». Но не все это понимают, особенно поэты.

Поэтов в Коктебеле наблюдалось повышенное количество. Одни кучковались в сквере возле дома-музея Максимилиана Волошина, другие выпивали в ресторанах и на набережной, третьи в несдержанном поэтическом порыве оставляли автографы прямо на цементных стенах. «Ты проснулся – нет вина, да к тому ж в чужой постели. Значит, точно с бодуна, значит – точно в Коктебеле», – оставил кто-то простенький, но внятный текст кисточкой по поросшей плющом горозаградительной стене, или морезаградительной. Потом выяснилось, что это местный коктебельский гений поэт Ложко, который исписал своими провинциальными стишками все стены в округе.

Кстати, простые рифмы типа «горе-море» летали в воздухе. В один из дней участники Волошинского фестиваля

устроили восхождение к могиле своего кумира в стиле его Обормотской республики. Поэты и поэтессы надели, как это любил делать Волошин, на головы венки из пое—нь травы (извиняюсь, но иного названия, кроме матерного, у этих сиреневых цветиков нет), в руки они взяли посохи-палки, процессию возглавляли женщины в чёрном, которые пронзительно вопили «Горе нам, горе!». Они типа изображали поиск Озириса, или иной древний культ, чем перепугали весь пляж. Толпа составом в сотню человек двигалась в одном направлении с хихиканьем, а траурные бабы завывали. Пляжники решили, что они голосят по-румынски, или кричат что-то типа «Море мне, море!», или «Горы мне, горы!». Обормотство было не очень натуральное. Если бы поэты были не обуржуазившиеся, то они наверняка несли бы чан для сбора дани с коктебельских торгашей, и накамлали бы и выпить, и закусить, и безделушек из камушков нацепить на шею или руки.

Когда процессия двигалась мимо пляжа nudистов, то те, все как один, повернулись голыми попками к морю, а к нам передом, к восторгу множества папарациев, примкнувших к шествию. По пути мы прихватили с собой уличных гитаристов, певцов и барабанщиков. Только трубача, трубившего в тибетскую длинную кость, не удалось сдвинуть с места. Он показал фак и потребовал кинуть гривну в его шапочку.

Восшествие на гору оказалось непростым для некоторых ослабленных алкоголем поэтов. Гора превышала остальные

вокруг, могила была вся усыпана камушками. Оказалось, что Максимилиан так попросил – чтобы не носили на его могилу цветов, а носили морскую гальку, которую он так любил. Там же лежала под плитой вторая супруга Макса – Мария, пришедшая в дом Волошина как простая фельдшерица, ухаживающая за матерью Макса Еленой Оттобальдовной, а ставшая хранительницей памяти о нём, надолго пережившей Максимилиана. На горе была ещё одна скромная и пронзительная могилка никому не известной поэтессы Изы Михайловой, которая «влюбилась в Волошинский Коктебель» и была тут захоронена в 1976 году, в год смерти Марии.

Непростым делом было и активное участие в программе фестиваля. Поэты прибыли из 26 стран. Я честно выслушала стихи Шоты Иаташвили, который грустно призывал: «Сдай меня людям. Утром повтори», потом я пыталась понять сложную мифологему Марины Кулаковой о гусярах и вислярах, но не поняла. Так как основной темой почти всех стихов волошинских поэтов были отчаянное одиночество и алкоголизм, то мне стало казаться, что речь идёт о гусяре и вискаре, но я, наверное, ошиблась. Запомнилась строка Виталия Науменко из Иркутска, который по-постмодернистски утверждал, что «жизнь течёт куда попало». На фестивале удалось познакомиться с Дмитрием Коломенским, членом оргкомитета фестиваля. Он оказался редактором поразившего меня сайта «Стихи.ру», где вывешены стихи 300 000 поэтов. Вот было бы круто, если бы все эти поэты рванули

бы в Коктебель – это был бы экономический бум и море бы вышло из берегов!

Когда всё было не так, вершки отделялись от сыворотки, в 70-е годы Юлий Ким писал «В Коктебеле, у лазурной колыбели – весь цвет литературы наших дней». А сейчас – цвет или не цвет? У многих поэтов были воздушные одухотворённые лица, другие были похожи на сатиров с рогами, в целом эти люди прибавили колориту к «стадам диких растаманов» и «Митькам-неформалам, тяготеющих к натуральному», любящим отдыхать в Коктебеле (цитирую один из Крымских путеводителей).

Всё-таки, поэзия для поэзии, или поэзия для народа? Устроители и поэты Волошинского фестиваля настаивали на том, что поэзия в нынешние грубые времена никому, кроме поэтов, не нужна, только поэт поэта поймёт. Мне же эта точка зрения казалась странной. Обструкции был подвержен Виктор Леонидович, он презентовал сборник стихов Григорьевской премии, но его враги начали стучать, орать, свистеть и знаками показывать уцепление его за бороду и свержение со сцены. Мне сказали, что это его враги из сети, которые обвиняют Топорова в антисемитизме и гомофобии. Клянусь, ночью мы видели Топорова в объятиях писательницы лесбиянки и в дружеском собутыльничестве с поэтом евреем, так что «вот не надо ляля», как говорят французы. Топоров высмотрел меня в зале и позвал почитать стихи со сцены. Когда я прочитала про Грибы, которые умирают стоя

и ещё что-то задиристое против пошлых мужиков и слащавых баб, меня тоже громко освистали, кто-то от злости чуть не вышиб дверь, а некоторые кричали «Ура! Отличные стихи». Ну вот как после этого бубнить о том, что поэзия нынче самокопательна, субъективна, интересна таким же сонным субъективистам и не вызывает бури в толпе. Нас с Топоровым вышвырнули из зала, и мы пошли распили бутылочку на набережной.

На следующий день у памятника Волошину, которого я приняла издали за тётку в короткой рубашке с молотом, от которого отвалился железный набалдашник, но осталась рукоятка, я встретила Андрея Коровина, знакомого по Москве и Булгаковскому дому поэта.

Он поведал о том, что в 90-х годах о Коктебеле узнал по мемуарам Серебряного века, по эссе Цветаевой «Живое о живом», которое его впечатлило. Он стал приезжать сюда. Коктебель менялся в худшую сторону. Из-за шашлычных и их дыма Музея Волошина уже не было видно. С другом Андреем Грязевым Андрей Коровин задумал организовать тут поэтический фестиваль. В 2003 году был объявлен волошинский конкурс стихов о Крыме, заявили, что имена победителей будут объявлены в Коктебеле. В первом фестивале приняло участие 20 человек.

—Мне показалось, что вашему фесту не хватает нудизма. Тут такой чудесный дикий пляж! Да и Волошин был нудистом...

– Волошин увлекался немецким модным течением натурализма. Макс был поклонник немецкой философии, а натурализм был частью концепции мира. И я читал, что он стал основателем нудизма в Крыму. На пляже простыня разделяла голых девушек и мужчин. В мемуарах Липкина я прочитал забавную историю. Он прибыл с другом в 5 утра и пошёл купаться. И вот на пляже направо от простыни он увидел толстую некрасивую женщину. Пошёл налево – а там голые нимфы! Он опять пошёл направо.

–Этой женщиной, наверное, был Волошин?

–Нет, Алексей Толстой.

Керчь

На автобусной станции Феодосии мы купили билеты до Керчи. Мой приятель отправился подзарядиться пивом, а я зашла в сказочный православный храм возле стоянки автобусов. От него исходило конфетно-сладкое, безумно-радостное неземное сияние, словно усиленно противостоящее газам выхлопных труб. Храм был как преувеличенно экзотический цветок среди техногенной зоны. Внутри кипела жизнь после окончания ранней литургии. Батюшка и диакон лица имели просветлённые, словно розовым маслом смазанные, в хлопотах и в окружении вопрошающих и чего-то хотящих от них прихожан-феодосийцев.

Автобус внутри пылал сковородным жаром, занавесочки бордовые приятно заслоняли от солнца, в щели в окнах проникал живительный ветерок. Пейзажи были в этой части

Крыма мрачны, земли пустынные, не возделаны. На горизонтах пупырились не раскопанные ещё за тысячи лет древние курганы (по всему миру права на раскопки курганов приостановлены), море порой сверкало радостной синей полосой, показывая стержень спокойствия и величия этих мест. Всё сменится, а море и степь всё так же будут играть с солнцем.

Курганы говорили о древних скифах, киммерийцах, вождях и воинах. А в нынешней реальности маломощная жизнь вздыбливалась жалкими хибарами, домишками, унылыми заборцами, промышленными руинами. А ведь когда-то тут были дикие южные леса, а побережье, можно представить, всё было в роскошных виллах греческих и римских вельмож, которым нравилось строить гармоничные здания, вызывавшие восхищение у тех, кто плыл по морю. Потом пришли татары, леса вырубали под пастбища, остатки выкушали овцы.

Автобусик пришёл в Керчь, в большой, широко разбросанный, мелкоэтажный городок, грязноватый, облезлый, депрессивный, но полный куда-то спешащими, бедно одетыми людьми. Они были как муравьи, всё ещё суетящиеся и не знающие, что муравейник их разворошил медведь и навёл там тяжкий, почти смертельный хаос. Автобусная станция находилась прямо у древнейшего боспорского кургана, который был указан на туристических картах и который наяву выглядел как замызганная и поросшая репьем горка, окру-

жённная крепкой железной оградой на замке.

Мы первым делом влезли на гору Митридат, где когда-то находился акрополь города Пантикапеи, основанного тут греками. Потом тут стоял роскошный дворец главы Босфорского царства, показывавший всем народам, снующим по Чёрному морю, кто тут хозяин. Лестница с грифонами, символом Керчи, построенная перед Крымской войной, была хороша, хотя явно нуждалась в реставрации. Можно было представить город 1840 года, когда смесь наций, обретшей труд и родину в Российской империи, тут решила вложиться и сделать что-то достойное истории этих мест.

Ныне на вершине горы стояли жалкие античные руины, никем не охраняемые, никому не нужные, со скудными щитами и невыразительными словами, окружённые жёлтыми колючими травками, густо усеянными белыми панцирями маленьких ракушек, зачем-то живущих не в море, а на вершине гор. Мраморно поблёскивающие ракушки словно тянулись к точке сбора, пытаясь из иного измерения создать здесь дух стройного изничтоженного дворца. Вершина горы Митридат была лысой, в ямах, в руинах сгнивших лачуг и корёженного железа, с заброшенными сюда шинами и мусором. Люди не чтили это место, и оно мстило им нищей, убогой, бессмысленной жизнью. А ведь когда-то тут всё было в античных городках. Гераклий, Парфений, Гермисий, Тиритака, Нимфей..

Грифоны смотрели на море, высунув языки, словно на-

кушавшись крови жертвенной, и ныне сытые, высматривающие на горизонтах тонких миров новые жертвы. Внизу под лестницей стояла фигура героя-моряка со зверским лицом отчаянного боевого рывка, выкрашенная позолотой. Грифон преобладал.

На вершине высился обелиск, посвящённой памяти боёв, тут проходивших во время Великой Отечественной. Обелиск был наскоро сделан в 1944 году, когда ещё шла война, но фашисты отсюда были выбиты. От обелиска в виде высокой стелы и чёрных плит веяло свежей кровью и горем, порохом и воплями по только что погибшим. Плиты из чёрного камня были принесены сюда от тогда же разобранного коммунистами главного православного собора Керчи, который фашисты оставили нетронутым. Советское язычество полыхало тут чёрным пламенем.

Внизу у моря всё было застроено какими-то полумёртвыми, поржавелыми ныне корпусами, свидетелями индустриальной мощи распавшегося СССР. Тут делали корабли, тут возили грузы и товары по морю, тут не дремали военные...

Южный город выглядел печально. Площади, выложенные плиткой, вели к мёртвому морю, закрытому производствами. На здании, которое было прикрыто зелёной сеткой в знак ремонта, висела живенько сбаванная реклама найт-клуба, на котором сексуальные, готовые к некоторому разврату существа, играли в бильярд. Ленин смотрел на них и указывал куда-то вдаль. Может, хотел их направить куда подальше.

Рядом тепло светился сложенный из бежевого ракушечника древнейший византийский храм, бережно восстанавливаемый, с памятной доской на стене, сообщающий, что святитель Лука Крымский родился здесь, в Керчи. Лука Крымский, будучи в обыденной жизни врачом Войно-Ясенецким, много раз попадал в сталинские лагеря, и каждый раз выходил живым и опять лечил людей. Он терпел все пытки, ничего не закладывал, и говорил одно и то же. «Идеи социализма совпадают по сути с заветами Христа. Но то, какими методами вы строите социализм, мне глубоко чуждо». И государство со своей бюрократической логикой ничего не могло с ним сделать. Великий врач был лауреатом Сталинской премии, а после смерти прославился как великий святой земли Крымской... В деле презрения к капиталистическому укладу Лука Крымский и Ленин были в чём-то весьма солидарны...

Прямые улицы с простыми прямоугольными домами оживлялись древними воротами деревянными, старинными мазанками, раскидистыми гигантскими платанами и акациями. Тут мог бы быть город-сад, но был город-сон, красавица, заснувшая, не мёртвая, но в полуистлевшем платье, кой-где залатанном новыми заплатками из приличия и стыдливости, ждущая поцелуя принца.

По центру города протекала какая-то ужасная река, зажатая бетоном. Как красиво оформляли свои горные речки грузины и итальянцы в средние века! Тут же было совершено

технократическое насилие над живой водой, организованное хрущёвским скучным инженером, любящим лишь правильность расчёта и надёжность, но ни на грамм не знающего, что такое красота. Вдоль речки торчали мрачные тополя, далее начинался местный рынок со множеством торговых палаток, обвешанных крикливой яркой рекламой, наподобие того, как европеец из вежливости обвешивается африканскими тотемами, попав в плен к дикарям. Тут народ Керчи выживал в украинской своей постперестроечной ипостаси.

Мы зашли в пельменную, поели и выпили водки, чтобы стряхнуть депрессию с души. Стали хихикать над забавными рекламами и даже громко хохотать. На нас угрюмо глянули неулыбчивая красивая официантка и унылый бармен с внешностью советского инженера.

Аджимушкой

В маршрутном автобусике было 15 мест, половина из них занята. Пассажирами были молодёжная компания из Москвы, тонкие девушки и красивые, ухоженные, позитивные юноши, какой-то длинный парень в очках и пара местных жителей. Московские рассказали, что один из них тут каждый год в Керчи отдыхает у моря, и вот друзей зазвал, чтобы показать им военный мемориал.

— Вы там были? Нет? Очень правильно, что туда едете, — горячо говорил красивый, хорошо одетый мальчик лет семнадцати. — Вот сейчас про молодёжь говорят, что она не знает истории, не чтит память о войне. Это всё неправда! Мы

чтим! Как можно не чтить, когда столько людей погибло, когда такими мужественными наши предки были. Вот вы приедете и всё увидите. Туда каждый год молодёжь приезжает на раскопки из разных городов, из России в основном. Там до сих пор штольни не раскопаны, кости, документы и снаряды находят, всё новые факты открывают. Я в 15 лет случайно в интернете наткнулся, стал фанатом, прочитал всё, что нашёл. В раскопках принимал участие. И всегда сюда друзей вожу, когда тут оказываюсь. Море, пляж – да, здорово. Но всем, кто попадает в Крым, надо непременно в Аджимушкае побывать. Те, кто ничего про войну знать и помнить не хотят, те просто идиоты. Эти памятники надо беречь, и всем рассказывать про них. Я ничего про патриотическое воспитание не знаю, но, когда попадаешь в Аджимушкой, не быть патриотом и не любить свою родину, свой народ, своих предков — это просто нереально. Я вот горжусь своей страной и народом... Ну вот мы приедем — вы всё увидите.

Друзья парнишки радостно болтали, и с утвердительными улыбками поддакивали своему активному другу. Местные жители — пенсионер с седой щетиной и бабка в платке сказали, где всем выходить. Так же на кольце маршрута вышел и длинный очкарик.

Место это оказалось ещё более унылым, чем корченная, облезлая Керчь. Плоское выжженное плато тянулось до горизонта, слегка скрываемого каким-то унылым посёлком. Ветер качал сухие сентябрьские цветочки и былинки. Из

плато высилось два скульптурных монумента, изображавших в рубленой героической манере людей, словно материализующихся из скал подземелий. Эти скалы, уходящие под углом в землю, были похожи на знамёна, на лучи, на вылезающий наружу тоннель. Меж ними сияла разверстая пасть земли, пологий вход в чёрное подземелье, в адскую глубину.

Слева возвышались фигуры воинов. Моряк в бескозырке. Изящный воин с чапаевскими усиками, раненный, с повязкой на голове. Курносый солдат средних лет, вечный такой русский солдат. Мужчина благородного вида в шапке-ушанке, может, получивший военное образование ещё в царской России и отдавший жизнь свою за вечную Россию.

Справа был воссоздан облик мирного населения. В центре стоял глядящий в смерть и темноту комиссар, к его груди прильнула девушка-отрок. Слева мать прижимала к груди младенца. Справа держал лямку мешка зоркий дед-крестьянин. Перед ним смотрел в смерть мальчуган с худеньким лицом, не намеренный просто так умереть. Никто из них не выжил. Все типажи того времени, талантливо и страстно воссозданные киевскими советскими скульпторами.

Под гигантскими застывшими каменными фигурами стояли маленькие фигурки туристов, ждущих часа начала экскурсии.

Я пошла погулять. Земля вся была изрыта незажившими за десятки лет дырами от авиабомб, провалами в подземелье, обрывами и ямами, поросшими унылой горькой травой.

Каждый шаг тут нужно было делать с осторожностью, чтобы не провалиться под землю в шахты. На рытвинах пыталась есть травку ржавого цвета худая коровёнка с жестяным колокольчиком. Морок языческой, неотмоленной смерти висел над этой землёй.

Туристам предложили взять на прокат военные куртки, так как под землёй, куда им предстояло спуститься на полтора часа, была температура плюс 9, а одеты все были на плюс 20. Все обрядились в камуфляжную форму. Только очкастый парень проигнорировал. Я стала ему объяснять про холод подземелья, парень мне ответил с сильным немецким акцентом, что он знает. Он уж там несколько раз бывал. Вся группа с интересом на него посмотрела.

Вела экскурсию светленькая и решительная девушка, одетая в военную форму, перетянутую на талии ремешком, в пилотке и с фонариком на голове. Всем раздали фонари, и повели вниз в ад.

Именно по этой широкой дороге в мае 1942 года, после отступления основных войск через Керченский пролив, сюда ушли 12 000 человек. Это были остатки морской пехоты, парни из погранотряда, ребята из Ярославского авиационного училища, из Воронежской школы радиоспециалистов... Сюда же ушли семьи коммунистов, женщины, дети, старики, евреи, у которых при оккупации фашистами Крыма не было шансов остаться в живых. Я представила, как эта ледяная тёмная пасть заглатывала 12 тысяч верящих в спасение и

жизнь бодрых, здоровых, может, пересмеивающихся немногих людей. Они въезжали в штольни, в гигантские подземные лабиринты, выбитые каменщиками за тысячи лет, на сотнях телег, везли с собой провизию, скот, книги, одежду, медикаменты, оружие, боеприпасы, мебель. Они уходили сюда, в эти десятки и сотни таинственных километров переходов и пещер, чтобы дождаться наступления наших, чтобы спастись и выжить.

Девушка вела группу по лишённым электричества ходам и пещерам, освещая экспозиции лучиком направленного света, добиваясь эффекта достоверности. Поражала могучая организованность этого подземного поселения. Тут был сформирован город с умной властью, которая обустроила в темноте и холоде жизнь людей, военных и штатских. Велась учёты всех форм жизни каждый день. Кому сколько было выдано и какой провизии, кто и как был ранен, погиб, при каких обстоятельствах. Сначала выдавали в пайке даже шпроты и коньяк. Наши парни по ночам выскакивали из тайных дыр и наносили удары по немцам, пытались хоть как-то скovyрнуть в смерть пришедших на Крымскую землю новых, очередных, кровожадных варваров. Но нашлись предатели наверху, недобитые в 37, на цветущей и сытной земле Крыма. Они отдали карты ходов фашистам. Немцы со звериной радостью стали уничтожать 12 тысяч человек в подземной стране, утюжили сверху авиабомбами, закачивали отравляющие газы (по 8 часов в день — с немецкой пунк-

туальностью), уничтожили подземный колодец. Русские воины, юные парни-летчики, так и не повидавшие свои самолёты, радисты, десантники – они выскакивали наверх, устраивали бои с обезопасившими себя сытыми фрицами, они прорывались к воде наверху. Каждое принесённое вниз, к детям и женщинам, старикам и раненым ведро воды стоило ведро крови и погубленной молодой мужской жизни. В кромешной темноте работали детский сад, школа, госпиталь. Врачи делали операции при тусклом свете свечей и керосинок. Шедших на поправку подносили к лучам солнца, кой-где пробывавшегося, чтобы раны затягивались. Здоровые мужчины высасывали со стен конденсат воды, сплёвывали его в баночки, и этим поили раненых, умиравших от жажды. Июнь, июль, август, сентябрь. Во время очередного успешного закачивания газа погибли сразу тысячи человек.

Группа шла за девушкой по жутким подземным лазам среди мёртвой тишины, тьмы и холода, словно слыша голоса женщин, детишек, отроковиц, юношей, которые сначала тут обустроивали человеческую жизнь, потом метались от ударов бомб, отрывали завалы, спасали раненых, хоронили погибших, утешали обезумевших и отчаявшихся, до последней минуты борющихся со смертью. Кто-то, наверное, тут встретил свою короткую и кроткую любовь. Все поголовно встретили тут свою смерть...

Юноши и девушки 60-х, 70-х, 80-х, а потом уже и двухтысячных как мотыльки к свету слетались сюда, чтобы тайное

стало явным. Словно души погибших их ровесников тормозили новых живых людей, требуя правды.

В открытых из завалов книг записей обнаруживалась всё новая правда о людях. Как боец такой-то ушёл на задание — добыть воды там, наверху, где свет и тепло, нарвался на фашистов, погиб как герой. А такой-то ушёл и сбежал. И есть свидетельства таких-то и таких-то.

Оставшиеся в живых встретили ворвавшихся в подземелья фашистов боями. Те брезговали рисковать, продолжали травить, бомбить, умерщвлять голодом и жаждой. В октябре штольни были захвачены откормленными арийскими орлами. Они никого в живых не нашли, только несколько израненных, истощённых, умирающих воинов, которых им пришлось на носилках вытащить. Но и этих, бледных, обескровленных, изуродованных ранами людей фашисты подвергли пыткам, чего-то домогаясь. Герои ничего не сказали, их расстреляли.

Аджимушкой стал символом мужества и героизма, слух о том, как 12 тысяч человек предпочли смерть сдаче в плен душегубам, прошёл по советскому народу и солдатам. Во время освобождения Крыма в 1943 советские воины бросались в бой с криками «Аджимушкой».

Во время рассказов экскурсовода группа почему-то, не сговариваясь, со всё большим любопытством вглядывалась в лицо очкастого немца, в его реакцию на рассказ о делах предков его народа.

—Вот, видите. Железные кровати, очень искорёженные. Мы их нашли совсем недавно и воссоздали атмосферу подземного госпиталя. А там вот лежат игрушки детские. Здесь обнаружили много детских останков, сюда, очевидно, попала бомба, а тут, видимо, было что-то вроде детского садика.

Все посмотрели на старинную игрушку и детские башмачки, которые помнили формы ножек живого хорошенького ребёнка...

Девушка в конце экскурсии попросила всех выключить фонарики, чтобы хотя бы в течение минуты все на своей шкуре почувствовали тот мрак, холод и ужас, в котором погибло тут 12 тысяч человек. Все мы застыли в минуте молчания, в минуте полной крошечной тьмы. Когда фонарики были включены, все почему-то первым делом посмотрели на то место, где стоял длинный немец. Он так там и стоял, слегка как бы вжав голову в плечи. Мы с приятелем облегчённо вздохнули, потом признались друг другу, что в тот миг нам одновременно пришла мысль в голову, что в минуту полной темноты кто-то мог из экскурсантов с нервами не совладать, на сыне тевтонского народа выместить горечь... Типа тихо придушить и затолкать в тёмную дыру за углом... Но нервы у русских оказались крепкими.

Группка вышла на свет Божий, потом все примерно в том же составе оказались в маршрутке. Я оказалась рядом с немцем.

—Я из Германии. Работаю на Украине в НКО, занимаюсь

изучением медицинского обслуживания... Я в Аджимушкой девятый раз приезжаю.

Я не стала задавать бестактный вопрос: «Зачем?». Может, его дедушка газ закачивал каждый день, в течение рабочего времени. А потом на губной гармошке играл – в свободное время и по выходным. Сало жрал, купленное у тех, кто жил наверху, в садике с грушами, кто не боялся оккупантов, так как плевать им было, под кем жить... Я не стала расспрашивать, чем таким НКО интересным занимается, какие такие еврокомиссары и с какой миссией юношу послали на наши земли, с какой такой целью.

Наверняка еврокомиссары тут землю и народишко изучают на предмет овладения ими, на предмет безвидной незаметной оккупации, умерщвления через медицинское обслуживание какое-нибудь. И вот парень тут наивный какие-то сведения собирает, настроения высматривает. Или, может, парень так характер и волю воспитывает. Каждый раз, как свет выключают... Есть ли у него совесть и душа? Кто он? На вид вроде как человек чувствующий и думающий.

Финляндия (февраль, 2012)

Путешествие по югу Финляндии

В Финляндию нас пригласили для укрепления туристских бизнес связей. В микроавтобусе собрались очень бойкие и успешные девушки, представительницы турагентств, среди них один солидный экскурсовод-интеллектуал Саша, а также

несколько журналистов, я в том числе. От русских красавиц веяло позитивом и бешеной энергией, было видно, что они готовы прямо с финских мест посещения отелей молниеносно набирать группы туристов из России, совершая деловые звонки куда надо. Все они были остры на язык, умны, знали английский, были профессионалками высшего разряда. Многие были в состоянии поиска женихов... Вела группу лапландка Марья. Она была стройной, подтянутой блондинкой с небольшими бирюзовыми глазками и аккуратненькими нордическими губками. Ассиметричная стрижка делала её похожей на смесь лисы, голубоглазой лайки и волчонка.

Ловись, Ловиса, большая и маленькая

Сначала мы приехали в Ловису, прямо поближе к ресторану Degerby Gille. Ресторан назван в честь шведского поместья Дагербю, на месте которого возник город. А город получил название в 1752 году, когда тут остановился король Адольф Фредерик, и городок ему понравился как жена родная Ловиса Ульрика, и готовый город был переименован в честь этой жены. А само шведское поместье имеет русские корни: в 17 веке новгородец Даниил Головачёв, хорошо послуживший Карлу Девятому, получил от него в дар землю, он и его потомки обустроили это местечко, имя русского хозяина трансформировалось в веках – сначала в Даниэля Рюсса, потом в Головица и т.д.

Город возле ресторана был похож на сельскую уютную улицу, а ресторан, снаружи завуалированный в розовую шту-

катурку, внутри выглядел частично как древняя изба – с блоками почерневшего дерева, держащего потолок, со светильниками из железных ободьев, с бревенчатыми стенами – будто попал в вотчину предков. Так оно и оказалось: один из залов – это подлинная изба, которой 400 лет, чудом уцелевшая во время многочисленных пожаров в этом деревянном городке рыбаков и моряков. Другие залы имеют скромный королевский оттенок, и в них реально вкушали трапезу шведские короли и президенты Финляндии. Портрет лёгкого и задумчивого короля Густава Третьего, а также изысканная библиотека из старинных фолиантов делали прикосновение к истории более ощутимым.

Ещё в этом ресторанчике любит собираться мужской клуб привилегированных ловисцев. Основателем клуба и его председателем был господин Мафер, потом господин Малн, и вот теперь клуб насчитывает 257 мужчин, собирается 9 раз в год и обсуждает нечто тайное и полезное городу, о чём дамские ушки слышать не должны. Такие вот вещи творятся в древней ловисской избе, вызывая уважение к соблюдению давней традиции. Игра в масонов по нраву богатым и успешным северным мужчинам. Нас поразила историческая дырка в стене для подглядывания за трапезующим королём... Люди во все века одинаковы...

В ресторане мы поели разных рыб, нежнейших сельдей, отличающихся от наших русских матёрых тем, что таяли во рту, лососей в миндале, грибные подливки из горькушек, де-

серт с корицей и малиной, попили местного ядрёного пивка Malmgard Dinkel, сваренного из полбы на родниковой воде. После того, как мы дринкнули динкеля, к нам вышел обаятельный молодой повар Мариус, у которого девушки из нашей группы тут же начали интересоваться – а женат ли он. . . Я спросила, а кто собирает ягоды и грибы для ресторана, так как в России грибами и ягодами любит заниматься люмпен-интеллигенция. В Ловисе этим занимаются две женщины. Хотелось расспросить, а какие это женщины, но воображение нарисовало двух крепких блондинок типа как в фильме «За спичками», которые в народных костюмах ходят с лукошками в лес и за сезон зарабатывают на год.

Мы же отправились с господином Кари Юнила, управляющим ресторана и туристических домиков, осматривать прилегающие к «Дагебрю» апартаменты. На улице поразило знакомое изобилие снега в виде пухлых полушек на крышах, и при этом полное отсутствие сосулек. «А почему сосулей у вас нет?», – задала я вопрос ко всем, и все дружно почему-то ответили: «А потому что здесь нет Валентины Ивановны!».

В красно-коричневых (не надо, пожалуйста, политических реминисценций времён Перестройки) домиках, похожих на ухоженные сараи, находились уютнейшие номера, в которых сочетались старинные финские коврики с руническими орнаментами, мебель старинная и современная, роскошная крепкая сантехника периода доодноразовой цивилизации. Умиляли модели парусников, поставленные рука-

ми талантливых менеджеров на деревенские окошечки, намекая на возможность дальних странствий в любой момент из этого берёзового нордического уюта. Скорее всего моделики сделали китайцы... На одной из стен я увидела большое полотно, на коем в реке, поросшей роскошными кудрявыми берёзами, купались коровы. Картина очень была похожа на картину Петра Кончаловского сталинского периода, только рядом с купающимися коровами Кончаловский поместил купающихся голых мальчиков и женщин, чтобы угодить всем вкусам.

Потом мы отправились в центр городка. Центром тут является короткая аллея из старых узловатых лип, упирающаяся в высокий собор с трёхзубчатым готическим силуэтом шпиля. Этот храм русские войска в период Великого Княжества Финского использовали как походную церковь, и для этого был сделан матерчатый алтарь, хранящийся в стенах собора. Также в соборе хранится первый экземпляр библии на финском языке, выпущенный в 1642 году. Собор обычно закрыт, открывается в летний период для экскурсантов, или для венчания. В Финляндии не было коммунистического периода, но молиться они разучились больше, чем мы.

Центр Ловисы вокруг липовой аллеи отстроен русскими купцами Тереховым и Грачёвым, ратуша построена Георгом Чевитцем, всюду соблюдена двухэтажность, от площади веет классической стройностью, может быть даже русской. Русские периода Великой Российской империи не угнетали

финнов, напротив, способствовали развитию национальной культуры и языка. Русские вызволили финнов из рабства под шведами, из дикого состояния. Ещё у Одоевского в начале 19 века в каком-то рассказе можно встретить фразу о том, как на дороге выскочило лесное человекообразное существо, финн называется. Дочь Грачёва стала хорошей финской писательницей Марией Норстрём. На местном лютеранском кладбище покоится, между прочим, прах великого композитора Яна Сибелиуса и не очень известного русским поэта Яна Шильдта.

Кстати, это национальная особенность – отсутствие ярких акцентов, выстраивания рейтингов, прославления гениев. Для финнов все равны, что неправильно. Для русского и мирового уха Сибелиус – это грандиозный финский гений планетарного масштаба, запечатлевший финский дух. Можно было бы предположить, что гиды все уши прожужжат о Сибелиусе, но о нём почему-то почти и не упоминали. Для русских Марьо Лассила – замечательный финский писатель, автор рассказа «За спичками», которого переводил сам Зощенко на русский язык. В путеводителях про городок Туповарра нет ни слова, что он в нём родился. Вообще от туристических буклетов и финских гидов возникало впечатление некоего тумана, буржуазного культурного недомогания, которым окутана история Финляндии. Например, нигде не встречалась информация о военных крепостях, построенных Суворовым на нынешней территории Финляндии. Мо-

жет быть, таким образом финны прикрывали национальную травму – века пребывания под владычеством Швеции и России. Хотя, ну и что в этом такого – что было, то было, нация подысправилась при русских, стала порождать своих гениев. У финнов есть свои писатели, композиторы, художники, кинорежиссёры, которых необходимо популяризировать среди других народов. И всё, что было – от этого отрезаться нельзя, это интересно, поучительно, призывает к осмыслению. Мы же не отрицаем, что сидели под татаро-монгольским игом... А вхожесь в Российскую империю никак игом не назовёшь, только цивилизационным благом...

На аллее Ловисы поразил камень с профилем – оказалось, что так финны увековечили память местного благотворителя. К нему ведут на снегу следы... Может быть, это Эльмар Бадерманн, главный архитектор города, боровшийся за сохранность старинных зданий в 1970-е годы? Мало кто знает, что в 70-е города Финляндии были подвержены чудовищным истреблениями старинных и старых зданий, многие из них были памятниками культуры.

Эффектно смотрится здание гимназии, построенное в 1909 году Магнусом Шьерфбеком. Есть в нём возвышенность и строгость, этакая педагогическая поэма... Жаль, что домов этого периода на улицах встречается не много. Бадерманну не всегда везло...

Внутри домика

Затем нас привезли в гости к типичным финско-швед-

ским жителям Ловисы. Издали серый с белым домик выглядел как финская дачка с верандой в Репино, только в очень хорошем состоянии. Домик стоял на возвышении, к нему вела дорожка через сад. Стоял он не по-русски, лицом на дорогу, к людям, а боком. У домика был выделенный центр с фронтоном, два крыла с довольно большими простыми окнами. Внутри поразило тепло, отсутствие сквозняков и сырого запаха дров и зимы. Идеально ровный пол, множество антикварных штучек из прошлых веков, древнее весёлое толстое пианино с украшениями. Хозяин был в треуголке, жёлтых штанах и камзоле, в синем мундире, с бляхами, пистолетами и саблей. Все железки были натуральными, я бы не удивилась, если бы он стрельнул настоящей пулей и кокнул бы ворону. В домике мебель была белого лака, как у нас в Филармонии, столы накрыты аккуратненькими скатертями и изящными старинными чайными приборами. Вспоминалась Анна Монс, соблазнившая Петра Первого таким вот милым гламуром 18 века. В рамках на стенах висели старинные акварели и фотографии предков, выцветший гобелен песчаных тонов. Преобладали розовые, белые и красные тона, включая полосатые шторы. Вообще финны очень любят полоску, может она им напоминает волны моря.

На стуле сидел ясноглазый старый кот, а из-под стула выскочил жирненький весёлый мопс. Наша группа загладила и кота, и собачку так, что собачка возбудилась и залезла в лес из женских ножек.

Хозяин рассказал, что он швед, работал всю жизнь с железом, увлёкся исторической реконструкцией, сделал себе амуницию под финского солдата 18 века. Купил здесь дом. Создал старинную атмосферу. Не стала я расспрашивать, купил ли он дом у бывшего хозяина-бедолаги вместе со всеми этими древностями, или свои сюда напустил. Было печально, что даже в Финляндии с её давним уважением частной собственности антиквариат переходит не по наследству нерадивым потомкам, а по интересу.

Хозяйка угощала нас своим кулинарным шедевром – пирогом с прослойкой из сливок и со свежей цельной малиной сверху. Очень хорош и необычен был чай с корицей.

Ещё меня порадовали люстры в Финляндии. И в ресторанах, и в отелях, в хостелах и домах – всюду встречались добротные старинные люстры с хрустальными подвесками, которые позвякивали от топота ножек финских барышень лет 100-200 назад. У нас редко кто сумел их сохранить, наверное, сказались годы советского упрощенческого быта.

Хозяева нас пригласили в Ловису на слёты исторических клубов и музыкальные фестивали, которые тут постоянно проходят. А сам хозяин – непременный участник этих игрищ международных фриков, он марширует с ружьём и стреляет из пушек каждый год.

Ещё в Ловисе мы посетили местную шоколадную фабрику «Брюнберг». Шоколад был в национальном стиле – мягкий, нежный, может быть излишне сладковатый. Особенно

хороши были шоколадно-апельсиновые чипсы и трюфеля.

Рыба под звёздным небом

Далее, непомерно сытые, мы отправились в Рёнас (Ronnas), местечко на берегу излучин Финского залива, ближе к Порвоо. Мы въехали в зимнюю сказку, по белой дороге среди пышных толстых сугробов и снегов. В бревенчатых домиках уютно светились окошки, в сугробах пылали факела и свечи, создавая атмосферу праздника. Нас повели по ночному лесу на залив, под звёздное небо. Там над лунками колдовали финские рыбаки, крепкие рослые мужчины романтического типа, к тому же одетые в красивые комбинезоны. На наших глазах они вынули сети, в которых запуталась сначала рыбка малая, краснопёрая, потом средняя щука, потом крупный лосось. Наши намёки на фильм «Бриллиантовая рука» были посрамлены; крупные, белого серебра рыбы, хватали ртами воздух и извивались, замораживаясь на глазах. Всё же финны в душе – ужасные язычники, настоящие хитрые зверюги и мужики, охочие до изымания продукта из природы. Я смотрела на рыбаков и рыбок и думала, что вот Финляндия – друидская языческая страна, где сохранён культ тела, здоровья, гармонической подстройки под природу и погоду. И что, что в этом плохого? Кто-то должен в тухлой Европе тянуть древнюю нить гармонии с богами природы. Финны с их саунами, бассейнами, спа, рыбалками, грибами и ягодами – да, вот они такие, и для них важнее всего яркие ощущения тела и красота пейзажа...

После рыбалки нас отвели в беседку с трубой в крыше на берегу залива, там пылал в центре костёр, дым шёл в трубу, всем желающим раздали какао с мятной водкой. Вещь для русской печени неприятная. Согревшись и развеселившись россиянам выдали снегоступы из алой пластмассы, ремешков и зубьев, чтобы по снегу не бегать, а ступать, как бы цепляясь когтями. Человек пять живо потопало на лёд, на нехоженный снег, под Большую медведицу. Я тоже разбегалась как йети какая-то.

Потом в тёплом бревенчатом коттедже, одном из десятка в этой рыболовецкой туристской деревеньке, устроили обсуждение проблем туризма между Россией и Финляндией. Домики были дороговаты, но вместительны, и рыбалка предлагалась бесплатно. А рыба, судя по всему, подо льдом была жирная и доверчивая, созревшая к попаданию на бордового мотыля. Наши девушки после водки с какао заигривились, стали расспрашивать, а женаты ли рослые рыбаки. Трёх рыбаков звали Тими, а одного Калей, то есть Колей. Только Коля и был свободен, и его облепили бойкие девчата. Рыбаки засмутились, затоптались своими заснеженными ногами и убежали куда-то во тьму. Мы остались с управляющим «Рёнасом», мужчиной крупным и усатым, женатым. Он рассказал, что работает тут управляющим на своего хозяина, у которого сеть таких отелей, а ещё он сам с женой Марьей является владельцем фирмы по поддержанию чистоты в коттеджах.

В главной избе финка лет сорока со складочками на талии колдовала на открытой кухне. Вообще в Финляндии много дородных женщин и рослых крупных мужчин. Вскоре начался пир горой, суп протёртый из сливок и грибов, рыба огромная запечённая, международная травка рукола, на десерт – торт из сливок и клубники в виде крупных ягод. Очень хорошее чилийское вино. Нежные финны любят сладкое. Хотя к местным рыбе, грибам и ягодам лучше бы подошло местное пиво, или брага, или медовуха... Ещё идеальнее – водка, но финны и так намучались от сетей зелёного аспида.

Мы расползлись по комнатам, вышло чуть ли не по человеку на комнату, как всегда – деревянный гладкий пол, по которому хочется скользить в носках, кровати с нежным бельём, матрасы мягкие и заманивающие в сон. Кое-кто пошёл в сауну, а кто-то сразу отключился. У себя на постели я нашла шоколадное сердце в красной фольге и сожрала его.

Утром мы пошли осматривать территорию с домиками, названными в честь всяких рыб. Территория с соснами, камнями и берёзами ужасно напоминала пионерский лагерь, только домики были сделаны из более мощных брёвен, или покрашены в не пионерские, дизайнерские цвета. Финскую местность выдавали аккуратные вязанки дров. Домики были типичные финские, низкие и простые снаружи, но внутри просторные и светлые. Не было давящих потолков, комнаты часто представляли единое пространство с треугольным подкрышием. Нигде не дуло, не текло, нигде не нарастали

патологические сосульки, свидетельствующие о плохой изоляции. Брёвна были плотно подогнаны, рамы – тоже, доски на полу сливались в зеркальное поле. Это было ярким контрастом со старыми и новыми русскими домами на природе, где вечно какое-нибудь «русское авось» давало о себе знать, оставляя щель у двери, пеновату у рамы, не притёртые друг к другу доски, и т.д. и т.п. Даже и унитазаы в русских новых домах часто почему-то качаются или елозят, плитка, только что положенная, откалывается, какие-то зазоры и щели вечно вылезают.

Радовал глаз финский текстиль – многоцветный, с непривычным для русских долговечным качеством и тонким рисунком, сохраняющим финский колорит и линии. Ротанговая мебель, плетёные элементы кресел и столиков выглядели легкомысленно в этом суровом климате...

Всюду царил дух капитализма, за просмотр ТВ нужно было сунуть евро в щель, всюду лежали флаерсы с расценками за проживание и рыбалку. Финские мужики показались отличающимися от русских этой бабьей расчётливостью в душах... Хотя было много и родного, общественного, все эти широкие горницы с открытыми настежь кухоньками для совместных посиделок большими тёплыми компаниями...

К домику с надписью «Окунь» подъехала роскошная иномарка, из неё вылезли две крепкие финки. Мы думали, они приехали рыбу ловить в лунках и ночевать в избушке. Оказывается, это были уборщицы, которые прибыли после нас

прибрать. Хорошо, наверно, им платят...

Приют убогого чухонца

После сытного завтрака нас отвезли в артцентр «Ноарк». Кстати, когда едешь по сухим, серым дорогам Чухонии среди благодатных снегов, порой возникает ощущение, что едешь по Ленобласти. Зимой снегом прикрыто главное отличие русских от финнов – всякий хлам во дворах, выбитые окна заброшенных и погорелых домиков, покосившиеся жалкие заборы... Зимой и у нас всё красиво и сказочно издали. Второе отличие – у финнов нет привычки иметь домики, упирающиеся передней стенкой почти в шоссе, чтобы газы и шум лезли в окна непосредственно. Дома у них живописно разбросаны повсеместно, вовсе не по линии шоссе, к ним ведут дорожки. Насчёт людей. Людей зимой и у нас, и у них почти не видно, токмо машины шастают. У финнов поражали порой куда-то бегущие вдоль шоссе одинокие бегуны в шапочках. Этакие сельские профессора Йонсены... Удивляло, что никто здесь на лыжах не бегаёт, порой встречались следы снегоходов, иногда – следы зайчиков и лис.

Есть ли у финнов сельское хозяйство в нужных стране масштабах, хотелось нам знать. Длинных сараев было немного, в одном месте мы видели группу коней в пальто, гулявших по загону. Нигде из труб не валил дым, часть домов была завалена снегом по самое не хочу, но большая часть имела расчищенные подъезды. Значит, там была жизнь зимой...

«Ноарк» был типичным красно-коричневым длинным

двухэтажным сараем, без признаков жизни снаружи, но с большой надписью на стенде и с расчищенным подъездом. Мы так поняли, что это сельский Музей миниатюр. Сарай-музей местного значения начинался не с вешалки, а с кафе со следами жизни и посещений. В углу стояли штабеля ящиков каких-то, в стеклянном шкафу красовался глобалистский набор из орешков-шоколадок-печеньиц в фольге. Диваны и столики были качественные, солидные. Таким же солидным был большой чёрный лист жидкокристаллического экрана. Вышла очень полная финка и стала рассказывать о том, что в этом центре находят себе работу люди с проблемами, которые не могут трудоустроиться. И вот они сюда приходят, и делают кое-что, и деньги зарабатывают...

На стеклянных стойках стояли странные поделки из гладко отполированного дерева. На столбике висели висюльки из бисера, деревяшек, керамики, всё было идеально чистым, гладким, в качественных упаковках, с ценниками от 8 евро. Меня изумили авангардные скульптуры каких-то типа уток и гусей, у которых хвост был задран. Я думала, что вот весь этот уют и бытовую продуманность в Финляндии ведь кто-то делает, кто-то ведь всё это понаделал в изобилии на всю страну – все эти миллиарды штучек, дрючек, крючков, палочек, пипочек, которые где-то пригождаются... Я пыталась представить, какой маньяк финский купит эту вот утку с половой щелью меж стилизованных лап, которая задрала хвост, а голову прижала к земле, как бы что-то важное выслушивая

от неё. Утка была абсолютно бесполезна, у неё не было дыр, чтобы в неё засунуть карандашик или монетки. Что за маньяк строгал эту идеально гладкую и безопасную утку, я могла себе представить. Какой-нибудь выпавший из общества потребления финский задумчивый фрик с тонкой, поломанной душой, который всеми силами старается доказать свою безопасность, лояльность, обтекаемость, и вот он ниже раба голову пригнул, а голова эта тяжкая, она от земли вещее хочет узнать... Но хвост маниакально задран. То есть эта утка показывает всем зад, она просто дразнится и издевается над всеми. Утки были гениальные!

Нас завели в соседний зал, где фрик и маньяк всю торжествовал! Там были сделанные из картона макеты танков, пушек, самолётов русско-финской войны, лежали серые фигурки развороченных убитых солдат. Это была серая финская травма, которую финны-фрики тут изживали, делая руками игрушки-макетки. Меня поразила церковь в виде весёлого дворца, то есть это был дворец с башенкой, на котором была какая-то принцессинская фигурка, финтиклюшка весёлая. На земле художница сделала страшноватых лохматых детей-людей, в очень живых мульташных движениях. Эту нордическую фрикессу явно тревожили духи движенья, дразнилок, бессмысленного порыва и мечтаний быть Золушкой, но наличие судьбоносного бала было за кадром...

В следующем зале сидели юные финские фрики: толстая бледная девушка в очках, тоненький юноша с бородкой. Они

с некоторой замороженностью и лёгким змеившимся в устах презрением к своей участи выпиливали из картона нарисованные начальником для них детальки. Вдруг выскочила шустрая девушка, говорившая слегка по-русски, совершенно нормальная с виду, она радостно стала нам показывать музей.

Далее шло сердце музея – ангар, в котором на длинных столах стояли сделанные из картона и раскрашенные макеты Эйфелевой башни, дома Гауди, гора в Рио-де Жанейро с Христом, красовался Колизей и т.д. и т.п. В углу сидел худенький мужик в красном, он с визгом точил рельсики миниатюрной железной дороги. В углу тонул в картон пыльный Титаник с наклоненными вперёд трубами. Маленькие, размером с муху, человечки, сделанные из каких-то козявок, тонули в сером картоне-воде, а несколько этих червячков готовилось сигануть за борт. Весь этот мир, сделанный со средней степенью топорности, но не без юмора и трогательных деталей, как нам объяснили, должен был быть выставлен летом на большой веранде.

Потом нас повели на второй этаж, где финские бедолаги, некоторые чуть-чуть дауны, а другие просто типа задумавшегося Макара, одни ели за столом свой второй завтрак, другие пилили что-то, третьи что-то шлифовали. Девица-гора, телом как гигантская клубника, терпеливо разрисовывала деревянные кулончики и сердечки, которые ниже этажом предлагали нацепить на грудь из целей благотворительности

добрым посетителям. Нас поразили коробки с маленькими деревянными рыбками, на них было написано 3.16. «Это глава из Библии, где говорится о том, что Бог есть любовь», – высказал догадку один блестящий эрудит из нашей группы. Я смотрела на этих благотворительных рыбок, сделанных лапами бедных наркотов, алкашей, фриков, толстух, которых никто на работу не брал в этих землях, и сложные чувства тут возникали.

Куда всех этих священных рыбок потом девать? Куда столько сувенирчиков? Как отвратительны в квартирах столы, забросанные подарочками, валентинками, сердечками. Как жаль бумагу и дерево, пластик и железки, которые пошли на эти слащавые знаки дешёвенькой любви... И эта чудовищная миниатюра, которая будет поражать людей своей грубоватостью и назойливым желанием просветительства... Если бы эти люди делали бы своё личное творчество... А они, они выполняют чужую слащавенькую волю, чтобы заработать себе на хезбургер... Как сладко и свободно живут фрики в России, падая на дно в вихрях пороков, смешно и жутко бунтуя против обывательской засасывающей нормы... Я представила знакомых питерских алкашей с трудной судьбой, чтобы вот общество их так скрутило, замозолило бы им волю и мозг, чтобы они покорно признали бы себя идиотами, которые должны быть социуму благодарны за то, что тот им даёт заработать на булку с фальшивым куском колбасы... Неа, русского фрика голыми руками не возьмёшь! Хрен бы

они пошли бы вот так по часам сидеть в тёпленьком ангаре, пропахшем стружкой, пылью и клеем... Их бесполезная для общества адская свобода в чём-то была честнее, чем этот божественный труд...

Я тут вспомнила успешного современного художника петербургского Петра Белого. Как он присмотрелся, что в моде на артрынке, куда тенденция идёт, чтоб сделать такое вот, чего никто ещё не делал, отрицающее всё, что веками искусство накопило как ценность, и вот он придумал делать из картона макеты домов, такие хрущовки-коробки с аккуратно вырезанными окошечками, и в каждое окошечко он вставил по слайдику, найденному на помойке, ибо таких квадратиков-слайдиков уже никто не хотел иметь, и все их выбрасывали, и вот он слайдики вставил в окошечки, и изнутри фонарики зажёл, ну будто он для мультика декорации сделал. А на самом деле он сделал великое концептуальное искусство из невиданных доселе материалов – из ломкого картона и клея, чихни – и развалится, и будет этот с дебильской аккуратностью сделанный макет теперь продаваться на аукционах за 100 000 долларов как великое знание художника о нашей жизни... Я смотрела на макетики убогих чухонцев, сделанные чуть-чуть менее аккуратно, чем их делал Пётр Белый, и думала, что вот надо Петру Белому стать руководителем этой студии, предводителем этих выкидышей финских, этих покорных, переставших сопротивляться скучной бессмысленной жизни людей. Ибо разницы мало. А Белый про-

давал бы гораздо дороже тот же продукт под маркой «современное искусство», и дал бы однажды кучу бабла каждому этому финскому бедолаге, и клубничная толстуха объелась бы всласть хезбургерами, а мальчик с бородкой ширнулся бы, или поставил бы гениальный фильм, а резчик уток-рабов сделал бы выставку в Париже, и был бы признан гением...

Тут вышел к нам старик улыбочивый, тот, кто придумал этот дом благотворительности и труда. Он рассказал про себя, что зовут его Кристер Линдберг, что был он морским инженером и плавал на пароме меж Хельсинки и Стокгольмом, и все моряки там сильно бухали. И многие на его глазах, вместо того, чтобы выйти на пенсию и зажить по-бюргерски, они спились как черти и умерли. Или так спились, что ползали по дну жизни, лучше бы по дну моря... И тогда Кристер, судя по всему, стал масоном, как принято в этих шведско-финских землях, и получил денег, и отремонтировал сарай, и собирал людей, и давал им работу – рыбок пилить и бусики вязать, и потом пришёл молодой архитектор, и заразил всех страстью делать миниатюры и макеты, и стало всем веселее. Ну пусть будет так!

Порвать в Порвоо

Мы же поехали в Порвоо. Это оказался живописный, как акварелькой нарисованный, разноцветный городок, тянущийся вдоль речки. Название города произошло от шведского слова «борг» – крепость и «а» – река. Центральная точка сбора – собор на холме. Построен в 13 веке, получил ста-

тус кафедрального собора в 1723 году, когда Выборг отошёл к России. В 1809 году Александр Первый созвал представителей всех финских сословий на заседание сейма, в соборе проходило его открытие и закрытие. В соборе стоит памятник Александру Первому, но мы туда не попали, в 3 часа дня собор уже закрыли. Рядом с храмом стоит стела, посвящённая беднякам-коммунистам, павшим в борьбе за рабочее дело в начале прошлого века. Храм и памятник атеистам рядышком – это всё в советском стиле. Бог их примирит в иных измерениях.

В отличие от 16-тысячной Ловисы, похожей на большое село с каменным классическим центром, Порвоо с 50-тысячным населением напоминает средневековый европейский городок со своей путанкой улочек, ведущих к Замку или Собору, только городок этот наполовину деревянный. Домики качественно выкрашены, что их сразу отличает от подобных в Тарту или России. В окошечках видна аккуратная бюргерская жизнь. В одном из дворов мы увидели у входа в старинный купеческий дом роскошных львов и масонские усечённые пирамиды с шарами. В этом доме, по преданию, останавливались и Александр Первый, и вся знать, а теперь тут живёт местная рок-звезда.

Очаровательна местная речушка, застроенная коричневыми сараями, уставленная лодками и катерами, занесёнными снегом. На одном берегу – старый центр, на другом – новостройки в виде рядов двухэтажных коттеджей, иногда раз-

нообразных, иногда растиражированной модельки, напоминающей о скучных, абсолютно одинаковых домах для совхозных рабочих, какие строили в СССР. Но в целом симпатичный райончик, не дисгармонирующий с общей композицией городка. Над речкой – мост, по которому проходил древний тракт от Выборга в Турку. Художник Альберт Эдельфельт, родившийся в Порвоо, обессмертил этот городок. Особенно хороши его благостные, живые и печальные картины с видами на красные домики и амбары, отражающиеся в местной реке и оживлённые купанием голых финских малышей.

Мы же пошли в ресторан «Ванха Лаамани» (Wanha Laamanni) – «Старый лагман». Домик был построен лагманом и бургомистром Андерсом Орауксесом в конце 18 века, несмотря на ремонты и переделки, ресторан сохранил атмосферу шведско-финской старины. Сохранены чёрные вековые балки, поддерживающие потолок, печь, рисунки обоев. В окошко виден всё тот же вид – гора с соснами.

На встречу с нами пришла новая глава местной власти, отвечающая за туризм, Уути Лепала, молодая женщина, одетая со вкусом. Посетила нас и местная пресса. В Порвоо 3 газеты, одну из них мы видели – это толстая газета, не мучающая читателей излишне агрессивной рекламой. Обслуживал нас молодой худенький повар, выглядящий как университетский студент или аспирант. Обед был изысканным. Опять суп-пюре, на этот раз из артишоков, сыра, лука и гри-

бов. На второе – блюдо, напоминавшее палитру художника. Морковное пюре, свёкла кубиками (свёкла почему-то чуть ли не национальный финский продукт), кура под сложным соусом. Зато у финнов не было видно капусты в рационе... На десерт – натуральное самодельное мороженое, которое в Питере никто уже не умеет делать. Сливки, молоко и много ягод... Приятно общались, тем более, что наши туристские менеджеры все славно щебетали по-английски.

На следующий день вышла газета «Новая земля», «Uusimaa», в которой было две статьи, посвящённые встрече представителей городских властей и нашей группы из Петербурга. На второй странице красовалось фото. Почему-то финны из чувства юмора вывесили фотографию, где наша русская девушка менеджер как бы хочет откусить пробку у бутылки с вином, которую ей подаёт официантка. Фотография немного испугала, но, по сути, она была метафорична и прикольна, вызывала много смыслов. Русские хотят выпустить туристского джинна из бутылки? Русские хотят выпить? Русские так голодны, что хотят укунить за руку официанта?

Нас пустили бродить по городку. Секонд хенд уже закрыли в 3 часа дня, порадовал магазин одежды «Таасси», в изделиях которого чувствовался местный колорит и цвет, опять же много было красного, розового, синего, серого и белого. Зашли на улице Маннергейма в местный магазин при местном издательстве «WSOY». Гитлер, Сталин, Мэрлин Мон-

ро, детская литература, история, классики финские, классик Киви... Самый ходовой товар – о крупных личностях, то есть книги, где есть человек и история, то, чего сейчас совсем нет в современной художественной литературе. Рядом с магазином – психиатрическая клиника. Я сфотографировала ящик, обклеенный рекламами молодёжных концертов, у групп были знакомые, международные названия и образы: смерть, фрики, тату, лохматые или бритые агрессивные мужики с разрисованными лицами. Ах, как всё это старо. Центром молодёжной тусы послешкольной был стандартный торговый центр, какие есть повсюду: шопинг, безделушки, шмотки, фастфуд. Старшеклассники Порвоо в нынешнем сезоне предпочитали одежду в клеточку и шарики, напоминающую компьютерные игры. Поразили олени и мушкетеры как знаки нации из дутого серебристого материала.

Ещё в Порвоо есть дом-музей финского поэта Рунеберга и ателье Эдельфельта. В городке несколько галерей и Дом культуры. К нему торопилась пожилая дама с большим духовым инструментом в футляре. Будет громко дудеть, богемная наша...

Хрюки под сауной

Далее нас отвезли на кабанью ферму неподалёку от города, где даже и шум городской не был приглушён. Это такой кусок леса со скалой, который молодые предприниматели Мила Тойвонен и её муж превратили в экзотичнейшее и интереснейшее место для туристов и местных жителей. Отец

Тойвонена занимался кабанями и знал их повадки. И вот сын решил это превратить в бизнес. У Тойвоненов в лесном за- гоне 60 кабанов, через огороженный лес проложены дере- вынные длинные мостки с перилами. Ты идёшь по мосткам, а внизу похрюкивают милые зверьки в рыжеватых грубых шубках, ищущие добычу от матушки земли и батюшки леса. В основу философии бизнеса молодая пара положила идею о том, что звери должны сами себя кормить, всё должно опи- раться на возобновляемый продукт природы. Дрова, камни – всё от природы даром. Даже и лапландский домик из кону- сообразной крыши, бревенчатых стен, скамеек вокруг кост- рища из камней в центре – всё это из местного леса сделано. В скале предприниматели вырубил комнату, покрыли кры- шей, провели трубу для огня и дыма, вышла сауна в скале. Напарившись, можно впрыгнуть в бассейнчик с горячей го- лубой водой и там нежиться, слушая всхрюки диких живот- ных.

В лапландском вигваме, или юрте, или как там это назвать – там был живой свет свечей и костра, на деревянных тарелочках лежала еда, которую трудно было рассмотреть. Это была свежая запечённая кабанятина, паштет из сырого ло- ся, грибная закуска и закуска из раков, то бишь креветок. Почему-то финны называют креветок раками и это их чуть ли не национальная еда. Может быть, они их научились у се- бя растить? Всё это под соусами. Еда была ядрёная, остро- ватая и языческая, чрезмерно насыщенная силами природы

для вялых жителей панельных городов. Особенно матёрым показался чёрный паштет из сырого оленя. На десерт нам дали желе из берёзового сока, мороженое из черники и молока, пили мы чай из большого чайника. Явно этой кухне не хватало ядрёных напитков из трав или грибов... Также явно не хватало какой-нибудь блондиночки-чаровницы в тёмном углу, которая играла бы что-нибудь нежное и древнее на кельтской арфе...

Девушки полезли в скальную сауну. Сидеть там было странно, будто ты – какая-нибудь подруга Вянемуйнена, а за окошечками красовались заснеженные стёкла и бегали кабанчики. В трубе ужасно гудел огонь и дым, в темноте белели голые тушки турменеджеров. Мечтательный интеллектуал Саша ушёл слушать и смотреть на кабанов на мостки.

Нам рассказали, что кабаны размножаются так, что через год из 60 может уже получиться стадо в 100 голов. Что такой вечер, как у нас, человек на 20, стоит примерно 1000 долларов. Что кабаны ещё те пацаны, что, если их рождается больше двух, папа с мамой могут сожрать излишних. Что однажды на танцплощадке в конце мостков праздновали финны свадьбу, а под мостками поселилась кабаниха с детками, и во время свадьбы она похрюкивала, веселя гостей.

Королевская расслабуха

Ночевали мы в отеле «Хайкон Картано», неподалёку от Порвоо.

Первое упоминание о Хайконе относится к 1362 году,

усадьбой владел Выборгский доминиканский монастырь. Потом тут хозяйничал Йонс Оланвинпойк, граф из рода Стенбоков, комендант Выборгской крепости. Его сын Арвид Курки был последним католическим епископом Финляндии. Потом уже протестанты восторжествовали. 16 век прошёл в распрях между королём Эриком 14 и его братом герцогом Финляндским Юханом. Хозяйкой поместья была Бенгта Ханнунтютар. В результате интриг поместье то отнимали, то возвращали хозяйке. Сын хозяйки Льюнго Лауринпойк был камергером у Юхана, а при вторжении Эрика был им казнён. Его призрак на белом коне до сих пор тут встречается на дорогах. Несколько раз усадьба подвергалась разорению датчанами и русскими, сгорала от пожаров.

В 1871 году усадьбу у Стенбоков купил Себастьян фон Этер, отличившийся на Турецкой войне, я так поняла, что он был крупным чином охраны русских императоров. Его род тут правил почти 100 лет. В Хайко гостили Великий князь Владимир и Мария Павловна, их дочь Елена, вышедшая замуж за греческого принца Николая. После революции сюда сбежал Кирилл Владимирович, у них тут родился сын Владимир, его дочь Мария ныне – одна из главных наследниц царской семьи. На территории Хайко купил себе студию художник Эйдельфельт, создал здесь более 200 шедевров, сейчас в этом домике музей, который работает только летом. Ох, не любят финны музеи и церкви, попасть в них труднее чем грешному в рай... На соседнем острове любил летом отды-

хоть Йохан Людвиг Рунеберг, народный финский поэт. Так что настоящая обитель муз.

В 1962 году поместье было куплено родителями нынешнего владельца отеля господина Вейко Вуористо. Был построен отель, шло его развитие. Сейчас это отель с роскошными номерами, конференц-залами, с саунами, бассейном. Здесь отдыхают самые крупные представители бизнеса и политики, сюда можно прилетать на вертолёте, приплывать морем. Нашей группе была оказана честь – к нам вышел пообщаться Вейко Вуористо, я сняла его на фоне портрета его матери в зелёном платье, которая смогла сделать это место туристским центром, сохранив при этом царскую атмосферу 19 века.

В главном здании 1913 года центральная парадная комната напоминает залы Гатчины и Павловска. Сохранена мебель, в том числе из карельской берёзы, а также белая антикварная мебель. На стенах можно видеть портреты членов царской семьи, которые здесь отдыхали. Также висит 6 картин Эйдельфельта. От царской библиотеки осталось немного полок, сохранена Шведская энциклопедия. К сожалению, под картинами нет надписей, кто автор, кто изображён, дата создания. Не дружат финны с музейной культурой...

Помещение ресторана, в котором завтракают отдыхающие, украшено роскошной охотничьей картиной с глухарями. Завтрак в виде шведского стола был царским. Хороша была каша с конфитюром из апельсиновых, тонкой стружкой

нарезанных корочек, несколько видов сыра, изобилие фруктов. Многие дамы вышли на завтрак в вечерних платьях, так как атмосфера была великосветская.

Перед завтраком с 7 утра мы надели белые махровые халаты и белые тапочки и отправились в бассейн. В бассейне одна стена из стекла, выходящая на заснеженные сосны, вторая стена разрисована слащавым весенним пейзажем, перед ним установлен искусственный куст цветущей сакуры. Изумрудная вода бассейна, журчание струй, белые цветочки, белые халаты отдыхающих – всё это создаёт ощущение рая. В этом раю сидел одинокий немолодой джентльмен, подставлявший свою спинку под массирующие струи. Когда он увидел толпу русских активных женщин в купальниках, он чуть не захлебнулся, глаза его загорелись, он прямо-таки прилип к углу бассейна, рассматривая женщин и таких, и сяких. Вообще, люди в белых пушистых халатах и таких же тапочках разных полов и возрастов выглядели совершенно по-райски, как ангелы какие-то бесполое.

Что касается истории царской семьи – в Финляндии и Швеции вышла книга Йормы и Пяйви Туоми-Никула «Императоры на отдыхе». Она рассказывает о местечках Хёгсoran и Наантали, где любил отдыхать Александр Третий с супругой Марией Фёдоровной, об Вироллахти, месте отдыха Николая Второго. В мае эта книга выйдет на русском языке.

Стрёмфорс стрёмный

Домики 18 века, река, старый жестяной завод, где ны-

не музей. Керамическая мастерская, мастерская местной художницы, которая готова научить отдыхающих сделать своими руками бусы, ювелирку, кукол. У черноглазой немолодой художницы Нора вид был такой, что вот она скучала-скучала, и вот люди приехали, много людей. Такой же обрадовавшийся вид был у местных собачек художественных. Нора показала нам своих кукол – они были все как её дочки, ярколикие, белокожие, богемно-весёлые. Местная керамика была типично финская – грубоватая, синих и голубых оттенков, имитируя весенний лёд в пупырышках. Мне здесь больше всего понравились деревянные башмаки по 52 евро. Понравились резиновые набойки на подошвах, чтобы не стучать громко.

На реке кипит водопадиком плотина, озеро обстроено сарайчиками, домами, рестораном. Мы побывали в ресторане Стрёмфорса, к которому попить пивка летом финские жители приплывают на лодках. Если за рулём – то пить совсем нельзя, если на лодке – то чуть-чуть можно. Меня поразила лапландская мебель—кресла, сделанные из толстенных брёвен, распиленных по диагонали и выдолбленных изнутри. Атмосфера провинциальной меланхолии, нежности и романтизма. Кухня: рыба, свёкла, картошка, мясо кур в соусе, селёдка в горчице, ватрушка с клюквой. Можно заметить, что финны мало едят мяса, вместо мяса предпочитают рыбу и курятину. Всё очень национальное и вкусное. В Стрёмфорсе можно дёшево отдохнуть: домик на 4 человек со все-

ми удобствами и кухонкой – 60 евро в сутки. Рядом озеро, река, Финский залив, лес, парк, соединение уединённости и общения с местными жителями... Детей можно пристроить заниматься художествами и ремёслами...

Крым (сентябрь, 2012)

Осенний Крым цвета мадеры

У многих осталась ностальгия по советскому Крыму времён детства, у самых продвинутых – воспоминания об Артеке, а у обычных – о том, как с мамой жарились на чудесных пляжах, плескались в солёном море, а потом отпраплялись стоять в длинных очередях, чтобы покушать в столовой рыбные котлеты, а далее шли ночевать к хозяйке в сарайчик, пристроенный к белёному домику, набитому отдыхающими как банка бычками в томате, с удобствами во дворе, пропахшем хлоркой.

Крым 2012 – это совсем другое. То же роскошное, прозрачное, изумрудное море с медузами, похожими на лук в супе, те же желтоватые горы оттенков сердолика, тот же густой аромат кипарисов, сладких цветов и горьких трав, те же экзотические сказочные географические названия, но старые места часто просто не узнать. Берега обросли разноцветными гламурными домиками, отелями, дельфинариумами, аквариумами и крокодиляриумами. Драгоценные полосы вдоль пляжей превратились в бесконечные торговые ряды, где вечно кипит жизнь, и проблем с едой и напитками нет никаких,

есть проблемы с тем, чтобы сохранить талию. Всего чрезмерно много, особенно разноцветных пластиковых тентов над ларьками и над шезлонгами, источающих запах фенола. Юг как всегда грубоват.

Так получилось, что я была в Крыму год назад, и тоже в сентябре. Меня поразило, как Крым изменился в лучшую сторону всего за год. В прошлом году наш поезд от Джанкоя до Феодосии сопровождал дым и огонь, горели степи, к запаху жжёной травы добавлялся отвратительный привкус горелых пластиковых бутылок. Сначала показалось, что там началась война, потом, когда мы ездили по Крымским дорогам и были поражены тем, что все обочины завалены мусором из одноразовых упаковок, подумалось, что огнём пытались очистить обочины, но подожгли степи...

Крым 2012 года предстал другим. Мусор убран, голые год назад холмы были распаханы, всюду была видна бурная сельскохозяйственная деятельность. Радовали глаз свежие посадки фруктовых саженцев, декоративные квадраты бесконечных виноградников, нередко встречающиеся небольшие стада рыжих коровок и серых барашков. На знакомой горе мини-трактор проложил борозды серпантинном, и засадил их саженцами крымской сосны...

Топот в Евпатории

Наша поездка началась с Евпатории. Приятно поразило название нашего автобуса: «Ирина. Нерегулярны перевезення» – это точно, нерегулярно, но везёт. Мы остановились в

отеле «Крым», который когда-то назывался отелем «Франция», а потом «Парижем». На набережной поразила надпись прямо на камнях «Место художника». Ну да, Крым – это точно место для художников, так бы и сидел бы на древних камнях возле крупнейшей мечети в Европе «Джума-Джами» и Свято-Николаевского собора с бирюзовыми куполами, и сочинял бы стихи. Кстати, красивейший храм с куполами цвета моря был построен в конце 19 века в память о Крымской войне 1853-1856 г.г.

Далее экскурсовод по имени Спартак показал нам Храм дервишей 15 века, отлично сохранившийся. Храм этот можно назвать средневековым отелем Кезлёва (название Евпатории в татарский период истории Крыма). По краям здания – номера мини-люкс, размером чтобы вытянуться в рост на каменном ложе и рядом положить котомку, с окошечком размером с лицо человека. А больше ничего и не надо скромному путнику-философу. Из келий можно выйти в центральную залу, завершающуюся прекрасным величественным куполом, когда-то покрашенным в цвет неба, и там с другими дервишами, поэтами и философами предаться обсуждению вечных тем. Этаким хиппи-отель для тех, кому блага духовные важнее излишней роскоши.

Экскурсия по старому Кезлёву привела нас к караимскому кенасу – месту молений и встреч уникального крымского народа караимов, численность которых в Крыму 2000 человек, а в Евпатории – 200. Народ мал, да удал, среди ка-

раймов было много миллионеров, покровителей искусств и общественных деятелей. Особенно прославился мэр Евпатории Семён Дуван-Караим, приложивший много сил к озеленению города и к мощению его глиняных улиц камнем. Побольше бы таких мэров! Кенас был вымощен белым мрамором, увешан виноградом и выглядел как рай на земле. В центре его стоял стройный обелиск, посвященный Александру 1, вообще у караимов всегда были хорошие отношения с российской империей. Николай 1 освободил караимов от воинской повинности, а Николай 2 гостил на даче у Дувана. Мне представилось, что такими райскими сахарно-виноградными двориками были покрыты все античные города и поместья Крыма, от которых ничего не осталось, кроме руин.

В Кезлёве (городе-глазе) жило 30 народностей. Сейчас, похоже, не меньше. Мы прошли мимо зачем-то активно вызывающей к толерантности синагоги Егия-Капай, мимо Свято-Ильинской церкви, построенной в 18 веке анатолийскими греками. Экскурсию в кенасе проводил потомок караимов, встречала нас от туристского бюро «Голубая лагуна» девушка по имени Сурье. Потомственные крымчане – люди с интересно вылепленными лицами, с перемешанной кровью. Красивый тип крымчанина: курносый нос, крутой лоб, кудри, энергичная манера речи, что-то скифское, намешанное с татарским, римским, византийским, русским.

Старый город очаровал. Состоящая из русских зданий в

стиле модерн, домишек других эпох, из глухих заборчиков, за которыми пряталась загадочная древняя нить человеческой жизни, Евпатория в конце сентября была пустынна, загадочна, имела флёр потусторонней древней сосредоточенности.

Мы посетили детский центральный клинический санаторий Евпатории, который отлично лечит детей с ДЦП. Мамы больных детей рассказали нам о том, как почти безнадежные дети тут реально поднимаются на ноги. На наших глазах очаровательный карапуз полутора лет с загипсованными ногами страстно пытался распрямиться и побегать. Мать его рассказала, что у мальчика после операции на позвоночной грыже отнялись ноги, но пребывание в санатории дало надежду, что он будет ходить. Путёвки стоят около 50 000 рублей, и часто лечение оплачивают спонсоры, фонды и другие структуры.

Нам показали океанариум и дельфинариум в Евпатории. Дрессированные дельфины меня потрясли своим умом, весёлостью, грациозностью, так же, как и дрессированные морские котики. После посещения дельфинариума хочется стать вегетарианцем. Больные дети, прикованные к креслам, при виде морских умниц, оживали, наливались жизненной энергией и радостью вместе со своими исстрадавшимися родителями. Глядя на безнадежно искорёженных детей, которые от общения с дельфинами вдруг словно по струне божественной выстраивались, распрямлялись, сосредотачивались из своего адского хаоса, я зарыдала. Я никогда нигде не видела

такую радость выздоровления хотя бы на небольшое время изувеченных людей... А это были детки.

Порадовали красивые крымские молодые юноши и девушки, работающие с животными. Дельфинариум вызывает восторженную любовь к морю, к братьям меньшим и братьям ближним, к Богу, который разлил гармонию, ум и радость во все уголки мира. Оригинальным было интервью с директором дельфинариума, который рассказывал о том, что раньше с дельфинами работали спецслужбы, а ныне их опыт пригодился для показа дельфинов народу. На вопрос: «Сколько дельфинов прошло через ваши руки?» директор загадочно ответил: «Я помню, сколько журналистов прошло через мои руки, а дельфинов не считал». На зимний период дельфинов, выступающих в помещении с открытым куполом, переводят «на отпуск» в солёные озёра под Евпаторией.

Заинтересовал сад скульптур под открытым небом под названием, ни много, ни мало – «Музей мировой скульптуры». Нам сказали, что там можно увидеть копии мировых скульптур и портреты героев истории, всё это изваяно мастерами Крыма, Москвы и России. «Духовность – величайшая сила экономического развития», – утверждалось на заборе. За ним выглядывала бронзовая скульптура – голая баба с пышными формами, восседающая на лежащем на животе мужике. Интересная трактовка. Баба мужика придавила, но ему приятно и уютно. Может это и есть диалектика духовности и экономики? Мужик духовно прислушивается к гласу земли,

баба экономически распухла...

Ещё один миф о Крыме – это полностью разрушенные санатории и дома отдыха времён СССР и руины долгостроя. Этого мы тут почти не встретили, кроме недостроя детского театра «Золотой ключик» в Евпатории, на который пока не нашлось охотника и денег.

Нам показали санатории «Днепр» и «Дружба» в Евпатории, находящиеся в отличном состоянии. Экскурсию по санаторию «Черноморец» нам провёл его директор Андрей Гончаров, похожий своей крепостью и основательностью на директоров и председателей колхозов из советских фильмов. «Черноморец» в селе Песчаное удивил утончённым дизайном парка и интерьеров. Выяснилось, что Гончаров из представленных проектов реконструкции выбрал английского дизайнера, который потребовал меньше денег и представил вариант, более интересный, чем архитекторы из России и Украины. Английский вкус, приложенный к крепким советским стенам, нам понравился.

Посетили мы отель «Украина», сделанный в стиле европейского гламурного стандарта. Апартаменты – 460 евро в сутки, номера 2200 рублей в сутки. Из окон виден внизу бассейн с голубой водой, окружённый креслами и столиками. Отель имел глобалистический дизайн без признаков национальных особенностей. Стены украшали постеры с картин Климта. Это было пошло и скучно. Зачем селиться в «Украину», которую делал кто-то безликий и анонимный, не лю-

бящий и не чувствующий сок и смак Украины. Зачем ехать сюда, чтобы не увидеть ничего национально-колоритного...

Вечером нас ждал «Дом вина», где мы вкусили «Золотой фортуны» и «Солнечной долины», а также настоящего крымского «Чёрного доктора». Эти крымские вина получили множество медалей и имели восхитительный вкус. Заведение расположено в доме Александра Васильевича Суворова, который научил местных жителей ходить в баню. Ибо при присоединении Крыма на полуострове царила чума и антисанитария. Суворов приказал настроить бань первым делом и выпарить в них всё местное население. Чума прекратилась. Теперь же тут был разгул дионисийства.

Девушка из дегустационного клуба учила нас разбираться в винах, особенно предостерегая от лжешампанского перед фуршетом, которое безнадежно раздувает желудок, мешая ему сократиться до нормы. Ну а кто уже превратился от нездорового образа жизни в депрессивного толстяка – тому необходимо пить мускатель.

Ужинали мы в ресторане «Апрель», похожем на свежий торт с завитками.

Рай Бахчисарая

Обычно для туристов Бахчисарайский район Крыма ассоциируется с Бахчисарайским фонтаном, Ханским дворцом и страданиями одалисок. Заодно рассказывают о разбойнике Али, этаким крымском Робин-Гуде, о его проделках с жандармами и любовных историях, и автобус бежит дальше. В

душе остаётся восторг перед величественными горами Качи-Кальона, похожими на крепостные сооружения великанов, а также желание вернуться сюда ещё раз, остановиться здесь, пожить, исследовать местность, потоптать ногами заманчивые горные и лесные тропы.

Оказалось, что эта мечта осуществима. В Алимовой балке предлагает услуги усадьба «Алимова балка» с комфортабельными домиками, бассейнами, саунами, беседками. Поражает сочетание противоположностей: уединённое пребывание среди тишины и величия гор и самый современный комфорт для изнеженного горожанина, целебный воздух, пение птиц и плеск воды в рукотворных водоёмах. Отсюда можно совершить подъём к пещерным городам, можно полетать на дельтаплане.

От Качинских скал нас повезли по долине, окружённой то виноградниками, то фруктовыми плантациями, то крымской степью, похожей на шкуру линяющего рыжего буйвола. Неожиданными были вдруг открывшиеся взору гольф-поля, напоминающие зелёное плюшевое одеяло. Может быть, они и не нужны Крыму с его драгоценными землями и пейзажами. Гольф – чуждое нам развлечение для элитарных классов... Местным жителям гольф поля категорически не нравятся.

Следующей неожиданностью оказалась рыбацкая деревня «Чёрные камни», расположенная среди марсианского пейзажа из холмов с облысевшей травой осенней Тавриды. На хол-

мах трепетали на жарком ветерке аллеи из молодых кипарисов, туй и каштанов, на дне сухих ущелин обнаружилось свежее озеро с зелёной водой, в которое макали свои серебристые кудри ивы и оливы, в озере плавали утки, взбултыкивали рыбки, над ними пролетел серый журавль (сначала мне померещилось, что это был стерх). Всё это сделал за 7 лет Олег Плошкарёв на месте пустой степи. Дальше началось погружение в фильм «Бриллиантовая рука» с посещением ресторана «Дубы Колдуны» и тому подобным юмором, бодрящим сознание и воспоминания. «Чтоб тебе жить на одну зарплату» – вещала зловещая табличка...

Восхитительные впечатления оставила стендовая стрельба по летающим тарелочкам и катание на бэтээре, который, то спускался на дно ущелья по крутой, почти вертикальной горе, то вылезал оттуда, почти вытряхивая нас, пассажиров, из себя. Осталась мечта прокатиться на танке и других экзотических машинах, толпившихся у въезда в деревню. Выяснилось, что и тут можно остаться переночевать в комфортабельных домиках. Поудить рыбку, поплавать в бассейне, попариться в баньке, назло засушливому древнему взгорью.

Кстати, я одна из группы умудрилась лихо подстреливать летающие тарелочки. Инструктор посмотрел на меня строго и спросил, не обижена ли я на своего мужа...

Ну и напоследок нас совсем добила Ослиной фермой. Вдоль дороги то и дело встречались поселения крымчан, приятным дополнением к которым были миниатюрные ста-

да из коров, телят и овец. Правда, культурные воспоминания навевали картины, где очаровательные крымские турчанки несли кувшины, а татарчата что-то везли на осликах. Осликов Крыму явно не хватало. Выяснилось, что и они уже тут есть. Ферма «Чудо Ослик», расположенная под скалой «12 Апостолов» – единственная на Украине по разведению этих библейских животных. На осликах можно совершать прогулки по горному Крыму, тут же на ферме можно познакомиться с работой гончаров, кузнецов, отведать домашнего сыра и горного мёда. Сюда следует приезжать в Пасху, чтобы полюбоваться шествием осликов в Вербное воскресенье. Нам рассказали о заслуженном ослике Яше, штатном актёре Мосфильма, которого зрители запомнили и полюбили по его взаимодействиям с Шуриком в «Кавказской пленнице». Множество фильмов снималось и снимается в Бахчисарайском районе, в том числе, в этих краях снималась «9 рота».

Нам показали село Вилино, где выращивают по 4 урожая в год, показали место Альминского сражения, а также местечко Магарач с загадочным озером, находящемся на месте затопленного храма.

Ночевали мы в отеле «Керменчик» на вершине гор. После сентябрьской жары, раскалённых морских пляжей, здешние высокие горы погрузили нас в почти петербургскую прохладу, от которой отлично защищали роскошные терема из брёвен со всевозможными удобствами и бассейном с горячей водой на улице, рядом с конюшнями, где содержались строй-

ные кони, на которых тоже можно покататься. Мы же ушли в подвал и играли там в бильярд до утра среди охотничьих рогатых трофеев.

Феодосия седая, вся сияет, вся сияет

Мы посетили один из самых древних городов мира – Феодосию, которой недавно исполнилось 2200 лет. Нам рассказали, что именно тут ещё в 6 веке до нашей эры возник первый горсовет народных депутатов, только вместо мэра был архон. А следы людей палеолита, найденные тут, оценивают в 100 000 лет. В 14 веке в Кефе (средневековое имя Феодосии) проживало 80 тысяч человек, примерно такое же число жителей было в самых крупных городах мира того времени – в Константинополе, Лондоне и Париже.

Сегодняшняя Феодосия покрыта флёром из серой пыли времён. Вообще в сентябре древние крымские города все в налёте лёгкой грусти, шумные толпы курортников схлынули, пляжи и море поохладели, 26 градусов воздуха и 20 градусов воды – это только у нас, петербуржцев, вызвало приливы горячего восторга. Избалованный турист хочет погорячее. Местные жители вышли из своих домов, чтобы пожить обыденной жизнью, торговцы сиротливо скучают у прилавков, которые уже никого особо не влекут.

Народная жизнь ночью спланивалась на набережной у железнодорожного вокзала, у популярного развлечения «караоке». Хозяин выставил скамейки, на них под луной рассаживались пожилые туристы, феодосийские пенсионеры и слу-

чайные прохожие в шортах, и начиналось нечто глубинно важное. Люди пели всенародные и незнакомые песни, пели задушевно и иногда очень талантливо. Меня поразил маленький армянин с большими грустными глазами, который голосом Бюль Бюль Оглы взывал к некоей незнакомой девушке, у которой глаза как звёзды, чтобы она не проходила мимо него. Маленького певца долго не отпускали, так прекрасно он пел... Потом к микрофону вышли две немолодые феодосийки с трудной судьбой и внешностью смелых морячек, они проникновенно исполнили песню из фильма «Генералы песчаных карьеров», о том как «Я жил в трущобах городских, я есть просил, я замерзал» и т.д. Но бурю оваций снискал мужчина шукшиновского типа, спевший «Владимирский централ». Ему подпевали его друг и две подруги, похожие на недавно вернувшихся из мест отдалённых.

Мы, петербургские журналисты, выпив вина, бросились в чёрные волны ночного моря, наслаждаясь плаванием в лунном луче. На наш бурный заплыв с изумлением смотрели местные жители.

Поселились мы в отеле «Лидия», устланном, как и все нами посещенные отели, мягкими ковролинами. Чтобы топот не мешал. Но мне лично показалось, что в Крыму это излишняя и вредная роскошь, так как в Крыму хочется спорта, босоножек в морском песке и соли, свежего воздуха, насыщенного ароматами пальм, магнолий и туей. Увы, все отели от 2 до 4 звёзд пропахли мягкой мебелью и скучными, вызываю-

щими сонливостью коврами. В интерьерах часто встречались искусственные цветы. Раздражали на стенах принты вместо подлинных полотен крымских художников. Правда, в «Лидии» как раз очень порадовало огромное панно местного талантливой автора, изображавшее преувеличенные жёлтые цветы на фоне пейзажа.

Мы прошли мимо гостиницы «Астория» у железнодорожного вокзала, флаги и транспаранты на котором всегда показывали жителям, какая сейчас в городе власть – то ли Деникина, то ли белых, то ли красных, то ли немцев, то ли ещё кого. Сейчас на окнах исторической гостиницы, в которой побывали самые знаменитые люди России, расположена реклама располагающегося в здании крокодилаиума.

Мы прошли по улице Максима Горького мимо пересохшего фонтана Айвазовского, который провёл тут керамический водопровод. Прошли мимо памятника матросу Назукину, который был поставлен вместо снесённых памятников Александру 3 и марксизму в виде рабочего с шестерёнкой, которую фашисты приняли за магендоид и подвзорвали.

Когда-то эта была прекраснейшая Итальянская улица, украшенная роскошными домами. Через порт Феодосии до революции проходило до 50 миллионов пудов зерна в год, Россия была житницей мира. Ныне порт почти заржавел, а улица не оправилась после Великой Отечественной. На руинах купеческих, дворянских и банковских домов растут голые чинары, а улица состоит из ряда депрессивных послево-

енных домиков, от которых вить хочется. Растрогал памятник юному герою партизану Вите Коробкову, мальчику, умученному немцами. Вечная ему память. О памятнике «Революционный крейсер Потёмкин» экскурсовод рассказал в сатирических тонах, особенно о требованиях, которые выдвинули взбунтовавшиеся матросы, наведшие пушки на мирную Феодосию пушки. Требовали они водки и закуски, что и получили, после чего перепились, уехали в Румынию и там разбежались как тараканы. В момент нашего рассматривания памятника его вдруг оросила, задрав ножку, местная бродячая собачка. Так ли это было на самом деле, кто сейчас разберёт...

Нам показали в мрачном Морском саду место крупнейшего в Европе невольничьего рынка, где 500 лет продавали рабов. Ныне это место густо поросло грубыми мрачными деревьями. Ещё больше трагических раздумий вызвал чёрный якорь – памятник феодосийским десантникам, 30 декабря 1941 года пытавшимся отвлечь силы немцев от Севастополя. Это место земли полито кровью 40 000 (!!!) молодых моряков.

Мы дошли до сохранившейся части разрушенной Генуэзской крепости, которую хитрые генуэзцы построили на землях Оран Тимур Хана. Они просили землю размером с бычью шкуру. Благодаря тонко разрезанной на длинную замкнутую полосу шкуре быка, генуэзцам удалось отхватить большой кус у турка...

От грустных мыслей о тщете усилий и жестокости людей, разрушавших легче, чем строивших, нас отвлекли посещения гламурных отелей. В «Алых парусах» нам показали бассейны, апартаменты, которые любят посещать Киркоров и Пугачёва. Не менее шикарным был современный отель «Феодосия». Мы посетили популярный и успешный медицинский центр «Здоровье», где можно пройти диагностику и лечение, поселившись прямо в гостиничной части самого центра.

Кок Коктебеля

В Коктебеле нас покатали на лодке мимо Кара-Дага и Золотых ворот. Как везде в Крыму, экскурсию проводил блестяще образованный мужчина, влюблённый в Крым. Экскурсоводы, блестящие гуманитарии, подробнодвигающиеся по истории и миру идей, а также администраторши отелей, не менее блестящедвигающиеся по миру мебели, спа, комфорта, – это, по-моему, отличное сочетание мужского и женского начала в мире крымских профессий. Экскурсовод, описывая горы потухшего вулкана Кара-Даг, фонтанировал стихами Волошина и Цветаевой, зачитывал наизусть их письма и дневники, будто он сам тогда жил. Невольно приходила мысль, что без взгляда поэтов на Крым, насколько бы этот берег обеднелся, или вообще бы остался незамеченным. В начале было слово, а без людей, не владеющих словом, мира, может быть, нет вообще...

Кстати, до того, как в Коктебеле появился Волошин, в мы-

се Кара-Дага обычно видели профиль Пушкина, но харизма Максимилиана заставила всех по-иному увидеть горы. Теперь кроме Волошина ничего не приходит в голову...

Вина Крыма

Ни один день не обошёлся в Крыму без вина. Мы дегустировали вина в Евпатории, на заводе шампанских вин в Новом Свете и на винзаводе в Коктебеле. Климат в Крыму таков, что напиться до свинского безобразия тут довольно сложно даже жёсткими напитками.

Винзавод «Коктебель», основанный до революции Эдуардом Юнге и восстановленный в 1944 году, встретил нас бесконечными рядами дубовых бочек, в которых отлёживалось 300 000 декалитров мадеры. Мадера, «дважды рождённая» – от лозы и солнца – булькала под небом в стеклянных трубах, потом попала и к нам в желудок, уже в дегустационной пещере. На наших глазах подъезжали трактора с виноградных плантаций завода и сбрасывали гроздья в специальные чаны, гроздья никто не мыл, чтобы на ягодах сохранился натуральный прюин, природные дрожжи. Нам показали ценнейшую винотеку, основанную в 1972 году директором Феликсом Перикловичем Феодосиди, и научили отличать сухое вино от десертного, а также рассказали, как вручную в бочки в маленькие «форточки» лазают работницы завода, чтобы «снять вино с клея». Провела экскурсию Мария Николаевна Волосенко, настоящая дионисийка и вакханка.

Не менее экзотичным было посещение Голицынских што-

лен в «Новом Свете». Князь Лев Голицын имел несчастье влюбиться в замужнюю даму, стать отцом двух её детей. Но муж вернулся к жене, а Голицыну даровали поместье в Крыму, где он одиноким отцом стал воспитывать детей и погружаться всё сильнее в проблемы виноделия. Допогружался до того, что стал ведущим крымским виноделом, чьи штольни посещали и Николай 2 с семьёй, и Шаляпин, и другие замечательные люди того времени.

Завод Голицына ныне едва ли не единственный, который производит на постсоветском пространстве натуральное шампанское высшего качества. Напиток выдерживается в гигантских тоннелях 3 года, к нему 50 раз прикасаются руки работников, переворачивая бутылки и совершая дегоржацию – съём пробок, слив осадка и т.д. Нам повезло, ибо в день посещения завода проходили Голицынские дни. В честь праздника открывали новую дегустационную пещеру глубоко под землёй, недавно обнаруженную. Дело в том, что в годы Великой Отечественной, местные жители спрятали самые дорогие коллекционные вина от фашистов, замуравав их в одной из штолен, тянущихся тут на десятки километров. Замуровали так, что до сих пор ищут.

На мероприятие съехались виноделы разных стран и земель и знатные люди Крыма, всё это называлось заседанием клуба брютарианцев – любителей шампанского брют. Мы приняли участие в слепой дегустации при свечах. Впечатления были необычными. Мероприятие привлекло внимание

множества журналистов, всё начиналось чинно и аристократично, а к седьмому бокалу в пещере стоял гул, как на рок-концерте. Мы вовремя покинули подземелье, завидуя тем, кто там должен был продолжить пиршество приобщения к тайнам мистических напитков. Мне показалось, что Лев Голицын в меховой шапочке подмигивает мне благосклонно, мне удалось дать высший балл шампанскому, которое заняло первое место.

Судная Судака

В Судаке, где никогда судак не водился, нас провели по Судакской крепости, построенной генуэзцами, одной из немногих, отлично сохранившихся. Маленький уголок Италии средних веков.

Крым за тысячелетия населяли то греки, то аланы, то византийцы, то татары, то монголы, то генуэзцы, то турки. И в результате всё сметалось до основания, культура гибла, оставалась вечно живой и плодоносящей прекрасная земля, природа и море с небом, вдохновлявшем поэтов.

Со стен крепости открывается роскошный вид на море, побережье, горы. Если Чёрное море в районе Феодосии поразило тем, что там стоят четыре корабля – американский военный, пара нефтегрузов и турецкое судно по отвозу в Турцию металлолома, собранного в Крыму, и больше ничего там не плавает, тот тут море выглядело более оживлённым. Увы, нигде уже не ходят морские трамвайчики, которые при СССР соединяли все прибрежные городки Крыма. В поми-

не нет рыболовных судов, которыми кишело Чёрное море во времена Куприна и Катаева. Но появились туристические кораблики самого диковинного вида и не всегда безопасные, на которых можно совершать недалёкие прогулки. В одном месте я даже увидела яхту с алыми парусами, привет Грину.

Ялта яркая

Ялта произвела печальное впечатление. Драгоценный берег был застроен панельными уродливыми домами, растения Ботанического сада выглядели подвырубленными и пыльными. Ощущение курорта тут отсутствовало, а давление дымного города превалировало.

Мы посетили трогательную поляну сказок, которую создал в 60-е годы народный умелец П.П.Безруков. Увы, его деревянные скульптуры ныне утрачены, вместо них поляна теперь состоит из каменных, деревянных и железных скульптур, сделанных современными художниками. Но дух той поляны сохранился – русский дух, дух Бабы-Яги (которая реально вылезла из избушки на курьих ножках, сыпля феерическими фразочками). Сказочные персонажи всех нас сделали детьми, столько юмора и игривости в них было. Если попытаться отнести эти работы к какому-то жанру – то это была смесь примитива и юмора в камне, дереве и железе, которых так не хватает в пафосном виде изобразительного искусства под названием скульптура...

Далее нас отправили знакомиться с модными спа.

В отеле «Море» в дни нашего пребывания проходил эко-

номический форум, под луной возле бассейнов играла модная рок-группа, на площадке кипела ночная жизнь, невидимые глазу садовники ухаживали за уникальным парком, принадлежащим отелю. Затем нас увели в какие-то пещеры Шехерезады, где проводили по бесконечным залам, где волшебницы-работницы готовы были вас вылечить, омолодить, отмыть, расслабить и сделать красивыми. За всё это можно было поставить благодарственные свечи в небольшой православной часовне, задумавшись о дружбе народов возле места, где Путин встречался с Кучмой.

Ну а в «Пальмире Палас» мы чуть не скончались от несдержанного переедания натуральных продуктов, выращенных плантациями «Пальмиры» для своих шведских линий. Пиарщик отеля познакомил нас с новым словечком – «Фармагедон», рассказав об уловках Одноразовой цивилизации: о подсадке народов на лекарства, типа как котов на китикет. Вы лечите печень, но лекарство от печени гробит вам почки. Лечите почки, но начинают страдать сосуды. И так до бесконечности. Хитрые фармацевты научились делать очень хитрые лекарства. Выход из замкнутого круга один – бальнеология, восстановление здоровья на курортах Крыма, где самим Богом предоставлено уникальное сочетание изумрудных морских солей, сакских грязей и горного воздуха, насыщенного энзимами крымской сосны, которую ныне активно в Крыму высаживают по голым склонам. Нигде нет такого целебного сочетания солнца, моря и энзимов хвои.

Всё было бы хорошо, но больше всего меня поразило, что в Ялте простому человеку, чтобы искупаться в целебном море, нужно ехать много остановок на троллейбусе, ибо весь берег поделён между жадными отелями, пансионатами, санаториями. Проход к морю только через ворота заборов с охранниками, требующими от вас карточек курортника. Ведь так и до абсурда может дойти! Так жадные отели могут всю береговую зону захватить, и только за деньги человек сможет насладиться купанием и загаром. А это ведь ужас! На каком основании капиталист отнимает у народа право на пользование бесплатными дарами природы своей земли?

Уже и в Феодосии были огромные территории на Золотом пляже, охваченные заборами, и уже проход туда был только за гривны...

Возбуждённая предвыборными лозунгами, расставленными по всем трассам Крыма, включая даже троллейбусную линию (самую длинную в мире) от Симферополя до Ялты, типа «Вернём захваченные земли», или «Вернём береговую зону народу» (это коммунисты намекали понятно на что), я начала сочинять поэму. Типа «Если ты принадлежишь к золотому миллиарду, тебе выдадут белый халат и белые тапочки. Ялтинский бедный мальчик, плачь. Чтоб искупаться в море твоей семье, надо проехать 50 километров на троллейбусе твоему папочке. А кто имеет белый халат и тапочки белые – будет на шведских линиях жиреть и в спа тискать своё тело дебелое. А ты, мальчик, будешь поджар и худ, и за здоровой

пищей в виде кизила лазать высоко в горы, еле переводя дух. А белохалатники будут жиреть и...»

В-общем, я не успела дописать прокоммунистические стихи, внимание моё отвлекли призывы посетить парк натуральных львов, а также отведать колбас мясокомбината «Дружба народов». Мимо промчалась машина с надписью «вогненебезспечно», а умные крымчане вывесили плакаты «Спасибо за чистые обочины». В Крыму победила партия регионов, развесившая всюду лозунг «От стабильности к благополучию» – скромненько, но миленько. А лозунг «Наша мова соловьиная. Захисти соловьиному! Збережи Україну!» не прошёл.

Ибо все в Крыму говорят только по-русски. Даже и названия все на русском. И в киосках газетку или журналчик на украинском не купишь.

В-общем, осень, зиму и весну россияне могут отлично провести в родном Крыму, когда нет толчеи, жары, а воздух целебен и душист. Народ, вкусивший турецко-египетского комфорта и спа-процедур, может найти теперь подобное и в Крыму, правда, всё будет дороже. Избавиться от депрессий и насытить душу позволит множество музеев и исторических достопримечательностей, горы и степи. Как учил доктор Боткин чахоточных отпрысков русской аристократии: «Вперёд, по Боткинской тропе, и не будет места кислой хандре!» К тому же, дионисийские радости крымских винных подвалов согреют сердце в любую погоду.